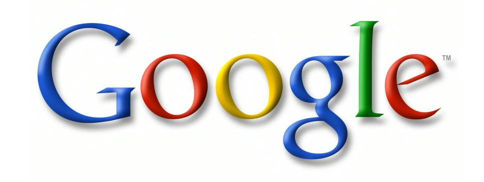

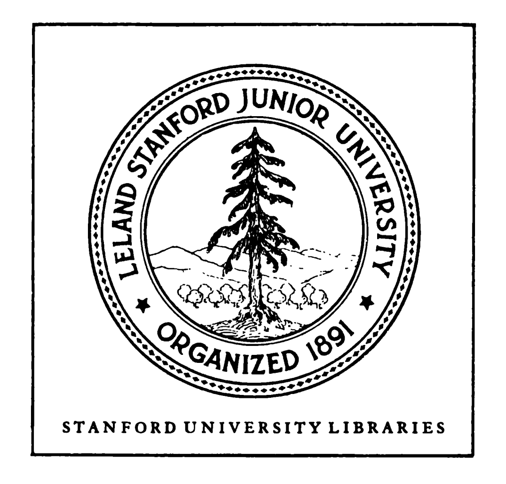
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

СОЧИНЕНІЯ

ЯКОВА КНЯЖНИНА.

Kniazhnin, IA. B

ТОМЪ II.

Изданіе третіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Въ Типографіи Ивана Глазунова.
1817 года.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Октября 10 дня 1816 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ
Г. Яценковъ.

ВЛАДИСАНЪ,

ТРАГЕДІЯ,

въ пяти дѣйствіяхъ,

съ хорами.

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ.

Твоей чувствительной душѣ и благородной
Я отдаю сіе твореніе на судъ.
Ермоловъ! ежели ты въ часъ тебѣ свободной,
Читая слабый мой, несовершенный трудъ,
Найдешь въ немъ то, съ чѣмъ твой быть можетъ духъ согласенъ;
Не тщетно склонностью ко Музамъ я влекомъ:
Къ Парнассу тяжкій путь мой будетъ не напрасенъ,
И чувствіе твое пребудетъ мнѣ вѣнцомъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВЛАДИСАНЪ, Князь Славянскій, которагo мертвымъ почитаютъ.

ПЛАМИРА, супруга его.

ВЕЛЬКАРЪ, младенецъ, ихъ сынъ.

ВИТОЗАРЪ, первый вельможа.

ИЗБАРЪ, Витозаровъ наперсникъ.

ВАМИРЪ, старикъ, преданный Владисану.

ЗЕНИДА, наперсница Пламирина.

НАРОДЪ.

ВОИНЫ.

Дѣйствіе въ Славянскѣ.

ВЛАДИСАНЪ,

ТРАГЕДІЯ.

Театръ представляетъ съ одной стороны переходы изъ Княжескихъ чертоговъ ко гробницѣ, сооруженной Владисану.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пламира въ черномъ одѣяніи, на колѣняхъ, уклоненная и плачущая надъ гробомъ: подлѣ нея Зенида, народъ.

Печальный ХОРЪ *народа.*

Что, смерть, твоей осталось злобѣ?
Властитель нашъ, отецъ, во гробѣ!

*

Когда бъ, отъявъ отъ нашихъ дней,
О рокъ! ты Князя вѣкъ умножилъ:
Разя, ты въ лютости твоей,
Ни малобъ насъ не встревожилъ.
Что смерть и проч:

ЗЕНИДА *къ народу.*

Славяне! кончите вы сей плачевный стонъ;
Пламиры горести усугубляетъ онъ.

Довольно своего усердія явили;
Пребудьте такъ, какъ вы всегда ей вѣрны были.
Подите. *Народъ уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ II.

ПЛАМИРА, ЗЕНИДА.

ЗЕНИДА.

Хоть на часъ прерви сей слезный токъ,
Которымъ ты винишь тебя гонящій рокъ;
Хоть мало утоли души твоей страданье,
И вспомня, что въ тебѣ народа упованье,
Взойди опять на тронъ къ блаженству ты его,
Отъ гроба удалясь супруга твоего;
Гдѣ тщетный плачъ твой вѣкъ лишь только прекращаетъ;
А Владисана тѣмъ уже не возвращаетъ.

ПЛАМИРА.

Не возвращаю тѣмъ! о страшна бездна зла!
Ахъ если бы его я возвратить могла;
Не стала бъ наполнять сихъ мѣстъ моимъ рыданьемъ:
Чтя жизнь мою на то небеснымъ дарованьемъ,
Чтобъ тратою ея супруга оживить:
Въ отчаяньи боговъ не сталабъ я винить;
И Владисана жизнь моею искупая,
На смерть бы шла, мою судьбу благословляя.
Но все погибло, все!... моихъ подъ игомъ золъ,
У гроба плачущій не нуженъ мнѣ престолъ.
Отраднѣй прежняго мнѣ княжеска жилища
Сей гробъ мой будетъ тронъ, а слезы только пища.

ЗЕНИДА.

Въ безмѣрной горести не видя ничего
И скипетръ отложа правленья твоего,

Въ отчаяньи своемъ и то позабываешь,
Что купно ты съ собой и сына погубляешь.
Подобье твоего супруга твой Велькаръ,
Младенецъ долженъ ли снести судьбы ударъ,
Которымъ мать его на тронѣ пораженна?
И такъ Велькара мы, тобой не сохраненна,
Во вѣкъ не будемъ зрѣть въ сіяніи вѣнца!
Сей сынъ, нещастный сынъ отечества отца,
Сія послѣдня вѣтвь Пламиры славна рода,
Для пущей горести отчаянна народа,
Тобой оставленна, увянетъ и падетъ.

ПЛАМИРА.

Почто не жить ему, коль мать его умретъ?
Почто... Зенида, ты мнѣ сердце раздираешь!
Какія гибели ты сыну предвѣщаешь?

ЗЕНИДА.

Вольможа гордый сей, коварный Витозаръ,
Ты знаешь, твоего желая сердца въ даръ,
Не столько страстію любовной уязвленный,
Колико жаждою гордыни воспаленный,
Алкалъ, супругомъ ставъ твоимъ, взойти на тронъ.
Преграды гордымъ нѣтъ. Ни совѣсть, ни законъ
Въ его намѣреньяхъ, ничто не воспрещаетъ.

ПЛАМИРА.

Тебя сомнѣніе мечтою устрашаетъ.
То правда, Витозаръ равно какъ Владисанъ,
Желая Княземъ быть Славянскихъ гордыхъ странъ,
Когда, оставшись я одна Князей отъ рода,
Должна была себѣ къ правленію народа
Въ супруги избирать изъ подданныхъ моихъ;
То правда, Витозаръ въ желаніяхъ своихъ
Супругомъ быть моимъ тогда не сокрывался;
Своей заслугой онъ къ сей чести ободрялся;
И ставить не могу сего ему въ порокъ.

Но послѣ, какъ ему препятствующій рокъ,
Во Владисанѣ дней моихъ включа блажество,
Въ семъ смертномъ мнѣ явилъ безсмертныхъ совершенство;
Какъ сердцемъ онъ моимъ къ престолу избранъ былъ,
То Витозаръ ему все право уступилъ.
Подъ игомъ должности свои стѣсняя страсти,
Скрѣпясь, безъ ропота своей подвергся части.
Усердна подданна въ соперникѣ казалъ
И на чредѣ своей съ повиновеньемъ сталъ.
Ты знаешь, вся сія страна тому свидѣтель,
Какъ ставитъ Витозаръ высоко добродѣтель;
Такъ сыну бѣдства нѣтъ; едина только мать
Судьбой осуждена въ мученьи умирать.

ЗЕНИДА.

Имѣя отъ боговъ къ престолу рѣдки свойства,
Всѣ добродѣтели для подданныхъ спокойства,
Ты хочешь матери народъ въ себѣ лишить.

ПЛАМИРА.

Онъ долженъ не меня, однихъ боговъ винить.
Величье, счастіе, что ни было священно,
Все сей снѣдаетъ гробъ, все въ гробѣ заключенно!
Могу ли я владѣть и видѣть солнца свѣтъ?
На тронѣ, на землѣ ужъ Владисана нѣтъ!
На то ли облекусь въ сіяющу порфиру,
Чтобъ горестну жену явить въ коронѣ міру?
И подданнымъ гласят стенанье, не законъ,
Не помня и себя, въ тоскѣ унизить тронъ?
О память лютая плачевнѣйшаго вида!
О часъ! о страшный часъ! воспомни ты, Зенида,
Ударъ мнѣ данъ рукой нежалостныхъ боговъ;
Когда изшедшаго на брань противъ враговъ
Супруга я ждала съ побѣдою, во славѣ
Готовя радости во всей моей державѣ.
Успѣха нашихъ войскъ гремящу слыша вѣсть,

Любовь устроила сама супругу честь.
Великолѣпными повсюду торжествами,
Которы тщетно насъ равняютъ съ божествами,
Открыла пламенно моя горяща грудь
Ко сердцу нѣжному герою лестный путь,
И день и часъ его прибытія исчисля,
Я шла на срѣтенье, о бѣдствіяхъ не мысля,
Которыя сразить меня готовилъ рокъ....
Какъ думать, чтобъ онъ мнѣ могъ столько быть жестокъ!
Я добродѣтелью украсила порфиру;
За что, свирѣпый рокъ! души лишать Пламиру?...
Природу темна ночь скрывала въ оный часъ.
Свѣтильники и трубъ побѣдоносный гласъ
Вдали пришествіе супруга возвѣщаетъ,
И трепетъ радости мнѣ сердце восхищаетъ.
Изторгшися душа супругу предлетитъ.
Стремлюсь.... открылся мнѣ уже трофея видъ,
Который осѣнялъ побѣды колесницу.
Я простираючи дрожащую десницу,
Глашу: о Владисанъ! любовникъ мой и другъ!
Твоя Пламира здѣсь! возлюбленный супругъ!
Оставя славы ты мечтательны отрады,
Отъ сердца моего примай себѣ награды....
Не отвѣчаетъ мнѣ... его мой ищетъ взоръ....
Невѣдомыхъ въ груди стѣсняя мукъ соборъ,
Что зришь, Пламира, ты!... о жалостная жертва!
Супруга твоего окровавленна, мертва!...
Се добродѣтели, о боги! ваша мзда.
Поверженна во прахъ, безчувственна тогда
Я скорби не могла умалить слезъ потокомъ;
Но погруженная въ молчаніи глубокомъ
И смертныя тоски вкушая сердцемъ ядъ,
Въ растерзанной душѣ вмѣстила цѣлый адъ.
Остановилась кровь наполненная хлада,
Приближилася смерть, моя одна отрада.
Но пагубно ко мнѣ усердіе въ тотъ часъ,
И вспоминающій о сынѣ жалкій гласъ
Летящу душу вонъ во мнѣ остановили

И чувствомъ матери супругу оживили.
Любви безсмертныя дражайшій ты залогъ,
О сынъ возлюбленный, Велькаръ! ты только могъ,
Отвергнувъ отъ меня желанну смерть на время,
Заставить жизни несть претягостное бремя,

ЗЕНИДА.

Се Витозаръ, и съ нимъ твой сынъ драгой идетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЛАМИРА, ВИТОЗАРЪ, ЗЕНИДА, ИЗБАРЪ.

ВИТОЗАРЪ.

Усердье подданна меня къ тебѣ ведетъ.
И долгъ вельможеска носимаго мной чина,
И польза твоего къ вѣнцу рожденна сына,
Пламиры слава, честь, блаженство здѣшнихъ странъ,
И все, и даже самъ изъ гроба Владисанъ.
Оставь сію тоску, любовной слѣдство нѣги:
Узнай, весь городъ твой объяли Печенеги.
Побѣды нашея омыть желая стыдъ,
Ихъ Князь всей силой намъ за нашу славу мститъ.
Тѣмъ дерзостнѣй они въ своей стремятся злобѣ,
Что побѣдитель ихъ уже теперь во гробѣ.
Но если моего владыки нѣжна мать
Отъяту скорбью власть восхощетъ воспріять;
Увидитъ врагъ, стремя смятенны въ бѣгствѣ строи,
Хоть въ гробѣ Владисанъ, но есть еще герои.
Къ престолу свойственнымъ наполнивъ чувствомъ грудь
И конча грусть любви, владычицей пребудь.

ПЛАМИРА.

Мнѣ кончить грусть? могу ль? она мнѣ драгоцѣнна.
Въ ней съ должностью любовь безсмертна сопряженна.

Съ душой не разлуча, не вырвавъ сердца вонъ,
Чѣмъ можно прекратить Пламиры грусть и стонъ?

ВЕЛЬКАРЪ.

Я помню моего родителя рѣченья,
Онъ часто говорилъ: царевы утѣшенья,
Зрѣть счастье подданныхъ, превыше суть всего;
Вкуси, любезна мать, отраду ты его.

ПЛАМИРА.

Дней горестныхъ моихъ единая ты сладость,
Народа нашего надежда, счастье, радость,
Сколь мило зрѣть мнѣ то въ младенчествѣ твоемъ,
Чѣмъ Владисанъ драгой народу былъ отцемъ!
Чтобы сравнятися съ великими Царями,
О сынъ мой! шествуй лишь всегда его стезями.

Къ Витозару.

Сей подданнымъ моимъ небесъ дражайшій даръ
Тебѣ вручаю я, усердный Витозаръ.
Ты видишь въ немъ Князей твоихъ остатокъ крови;
Чтобъ онъ достоинъ былъ народныя любови,
Одной властителямъ приличной славы сей,
Ты добродѣтели отца въ него посѣй.

ВИТОЗАРЪ.

Сколь честь толика мнѣ важна, покажетъ время;
Но нынѣ отвратить грозяще должно бремя,
Которымъ Печенегъ у самыхъ нашихъ вратъ
Мечемъ и пламенемъ тѣснитъ смятенный градъ.

ПЛАМИРА.

Коль сына въ юности ты будешь здѣсь правитель;
Ктожъ долженъ, коль не ты, быть войска предводитель?

ВИТОЗАРЪ.

Пламира вѣдаетъ обычай здѣшнихъ странъ,
Чтобы самъ Князь на брань велъ гордыхъ согражданъ,

Хранили то всегда носивши здѣсь короны.
Обычьи древніе священны, какЪ законы.
Помыслы, отЪ тоски кЪ разсудку преклонясь:
Князь долженЪ предводить; а ВитозарЪ не Князь.

ПЛАМИРА.

Когда подозрѣвать моглабЪ я добродѣтель;
Мнѣ странна рѣчь твоя была бы вЪ томЪ свидѣтель....

ВИТОЗАРЪ.

ОтЪ сердца моего клонилась рѣчь кЪ тому;
Что если я бразды правленія приму,
Единою тобой сей чести удостоенЪ,
ПредЪ завистью могу ль вЪ усердьи быть спокоенЪ?
Пускай вельможей сонмЪ священно утвердитЪ
Во всемЪ, чего меня твой духЪ достойнымЪ чтитЪ;
Тогда откроется пространное мнѣ поле;
Усердье вамЪ служить вЪ моей ужЪ будетЪ волѣ.
У трона собранны вельможи предстоятЪ,
И власти твоея сердца ихЪ предлетятЪ.

ПЛАМИРА.

О иго лютое несносныя мнѣ власти!
И какЪ завидую я смертнымЪ вЪ низкой части!
Когда вЪ свирѣпости разитЪ ихЪ лютый рокЪ,
Свободно вЪ горести лить могутЪ слезЪ потокЪ;
А мы отчаяньемЪ на тронѣ удрученны,
И сей толь бѣдственной отрады мы лишенны.
ПойдемЪ пожертвовать вѣнцу вЪ послѣдній разЪ.
ЧтобЪ послѣ жертву несть супругу каждый часЪ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВИТОЗАРЪ, ИЗБАРЪ.

ИЗБАРЪ.

Въ уныньи Витозаръ, недвижимъ пребываетъ,
Когда его судьба къ престолу призываетъ!

ВИТОЗАРЪ.

Когда бъ ты зрѣлъ души волненіе моей
И бурю мрачную терзающихъ страстей,
Которы царствуютъ въ семъ сердцѣ заключенны;
То чувства бы твои всѣ были возмущенны.

ИЗБАРЪ.

Мое усердіе извѣстно все тебѣ.
Тобою содержимъ въ возвышенной судьбѣ,
Куда меня возвелъ изъ низости ты мрака,
Тебѣ ль отъ моего скрывати тайны зрака?
Я долженъ всемъ тебѣ; и саму жизнь мою
Отъ вѣрности моей считай за дань твою.

ВИТОЗАРЪ.

Коль крою отъ очей твоихъ мои я тайны,
Понять ты можешь, сколь онѣ необычайны.
Страстями завлеченъ пороковъ я во тьму,
Хотя моихъ коварствъ награду восприму,
Не буду счастливъ ввѣкъ я совѣстью грызомый;
Симъ тайнымъ судіей на страшну казнь влекомый:
Властитель скипетра, Пламириной красы,
Всѣ будутъ дней моихъ отравлены часы.
Злодѣйскимъ счастіемъ мы сердца не спокоимъ;
Сколь горько счастье то, котораго не стоимъ!

ИЗБАРЪ.

Проникнуть не могу я горести твоей;
Ты добродѣтелью въ странѣ прославленъ сей,
Толикихъ важныхъ благъ отечеству содѣтель.

ВИТОЗАРЪ.

Сія то самая толь рѣдка добродѣтель,
Которой занималъ одинъ я только видъ,
Меня въ моей судьбѣ и паче тяготитъ,
Усугубляючи мой ужасъ и мученье.
Для хитрыя души несносно обличенье.

ИЗБАРЪ.

Но кто? и въ чемъ тебя возможетъ обличить?

ВИТОЗАРЪ.

Хочу тебѣ мое все сердце я вручить:
Къ сокрытію меня вселенныя отъ взора,
Нужна мнѣ твоего усердія подпора.
Но какъ моей души открою глубину;
Не воструепещешь ли, кленя мою вину?

ИЗБАРЪ.

Мнѣ трепетать, коль зрю тебѣ служить я средства?
Ничто не отвратитъ, готовъ дерзать на бѣдства.
На свѣтѣ мнѣ одна твоя священна власть.

ВИТОЗАРЪ.

Внимай. Ты знаешь всю мою къ Пламирѣ страсть;
Ты помнишь, какъ она, одна остатокъ рода
Князей, прехрабраго Славянскаго народа,
Цвѣтуща красотой влекла къ себѣ сердца.
Сколь сильны прелести въ сіяніи вѣнца!
Душа лучемъ очей и трономъ ослѣпилась,
Кипяща кровь моя вся въ огнь преобратилась.
Я добродѣтели тогда едины чтилъ;

Въ заслугахъ общества примѣрами свѣтилъ.
Во мзду, Пламирою отличностьми почтенный,
Надеждой ядъ крѣпя во сердце вкорененный,
Я благость нѣжностью ея къ себѣ считалъ
И въ гордости себѣ погибель соплеталъ.
Во слѣпотѣ страстей мечтою обнадеженъ,
Казался мнѣ успѣхъ въ желаньяхъ неизбѣженъ.
Тогда содѣлалъ я къ пороку первый шагъ.
Закрытъ былъ отъ меня сей Владисанъ мой врагъ.
Страшась совмѣстниковъ къ Пламирѣ и престолу,
Въ непроницаему я скрылъ себя крамолу;
Изъ мрачныхъ нѣдръ ея народу я внушилъ,
Сколь нужно, чтобы Князь на здѣшнемъ тронѣ былъ.
Народа общій гласъ, орудіе коварства,
Героя требовалъ къ правленью государства,
И чтобъ Пламира здѣсь супруга избрала.
Та прозьба подданнымъ пріятна ей была.
Се, нова пища мнѣ любви и власти жару:
Здѣсь нуженъ Князь, а нѣтъ подобныхъ Витозару.
Насталъ избранья день... о преужасный день!
Еще мрачитъ глаза смертельной ночи тѣнь;
И мысли только лишъ то время воображаютъ,
Кровь стынетъ, и уста стыдъ, горесть, гнѣвъ смыкаютъ.
Какой тобою мнѣ ударъ, Пламира, данъ!
О рокъ! въ ея вѣнцѣ и въ сердцѣ Владисанъ!

ИЗБАРЪ.

Но Витозаръ тогда казался равнодушенъ.

ВИТОЗАРЪ.

Необходимости всякъ долженъ быть послушенъ.
Въ очахъ я рай казалъ, но въ сердцѣ адъ кипѣлъ.
Владыкою себѣ я равнаго стерпѣлъ;
И гордость и любовь закрывъ цвѣтами лести,
Устами въ вѣрности, но сердцемъ клялся въ мести.
Отъ прелестей драгихъ, отъ трона отлученъ,
Я съ ними сталъ всего и самъ себя лишенъ;

Возненавидѣлъ все, и даже добродѣтель....
Ты, лютый рокъ, во мнѣ злодѣя, ты содѣтель!

ИЗБАРЪ.

Во изумленіи твои восторги зря,
Не вижу, чѣмъ себя порочнымъ ты творя,
Возможешь укорить твою смятенну душу?

ВИТОЗАРЪ.

Преграды всѣ тебѣ къ моимъ я тайнамъ рушу....
Измѣривъ моея надежды высоты,
Паденья моего увиди бездну ты;
Тогдашней участью моей наполнивъ мысли,
Коль можешь, горести мои ты всѣ исчисли.
Я долженъ былъ, о рокъ! съ веселъемъ на лицѣ,
Предъ торжествующимъ совмѣстникомъ въ вѣнцѣ,
Согбенный въ гордости, скрывъ ревности страданье,
Спокойно фурій всѣхъ всякъ часъ глотать терзанье.
Одной отрадой жизнь я только обновлялъ,
Что тайно на врага я жало изощрялъ.
Но какъ успѣть его во гробъ низвергнуть съ трона?
Духъ кротости его мнѣ въ томъ была препона.
Щедротою онъ въ чадъ преобратилъ народъ.
Здѣсь мести моея не могъ прозябнуть плодъ.
Всѣмъ страсти жертвуя и отческой страною,
Я хитростью подвигъ на насъ враговъ войною...
Пламиры нѣжныя ни горькій плачъ, ни стонъ
Супругу не могли постановить препонъ
Геройскій духъ явить на ратномъ полѣ браней.
Извлекшись изъ драгихъ трепещущихъ онъ дланей,
Предъ войскомъ полетѣлъ изъ града на враговъ,
Гдѣ смерти ждалъ его изрытый мною ровъ.
Побѣды своея погибъ мой врагъ на лонѣ.
Се въ гробѣ прахъ его, и нѣтъ врага на тронѣ!
Но тщетно; мукъ моихъ я тѣмъ не уменшилъ,
И смертію его въ конецъ не истребилъ.
Сей лютый Владисанъ и гроба побѣдитель

Пламиры въ сердцѣ мнѣ еще доднесь мучитель.
Хотя ужъ всѣ пути открыты къ счастью мнѣ,
Хоть купленные мной вельможи въ сей странѣ
Пламиры утвердя меня на тронъ избранье,
Ей въ тотъ же самый часъ явятъ свое желанье,
Что мнѣ за власти трудъ поставлена цѣной,
Она должна себя соединить со мной.
Хоть угрожаему за градскими стѣнами,
Мной привлеченными опять на насъ врагами,
Принужу я ее со мной вступить во бракъ;
Что въ томъ? потокомъ слезъ мрача прелестный зракъ,
На нѣжный пламень мой стенаньемъ отвѣчая,
И радости мои всѣ въ ядъ преобращая,
На то ея красой я стану обладать,
Чтобъ видѣть, какъ она лишь будетъ увядать!

ИЗБАРЪ.

Грусть ону истребить удобно можетъ время.

ВИТОЗАРЪ.

Но свергнетъ кто съ меня злодѣйства тяжко бремя?
Не знаю, жалость ли Пламиры горькихъ слезъ,
Или карающій преступки гласъ небесъ,
Иль добродѣтели остатки мной забытой,
Всякъ часъ пронзая грудь мою стрѣлой закрытой
И Владисана тѣнь явя душѣ моей,
Какъ громомъ мнѣ твердятъ, что страшный я злодѣй!

ИЗБАРЪ.

Тебѣ ль дерзнувшему на высоту стремиться,
Мечтаньемъ слабости въ твоемъ пути томиться.
Приближася къ плоду, вкусить страшишься плодъ!
Рожденный рабствовать пускай одинъ народъ
Въ отважныхъ дѣйствіяхъ порока видитъ мерзость:
Страхъ создалъ намъ боговъ, Царей творила дерзость.

ВИТОЗАРЪ.

О какъ бы я желалъ, себя увѣря въ томъ,
Небесный заглушить разящій душу громъ,

И въ сердцѣ оправдавъ то все, чего содѣтель,
Спокойно находить въ порокахъ добродѣтель!
Но обращая взоръ со страхомъ на себя,
Равняя то, что былъ, и то что нынѣ я,
Почто невинности утратя лучъ прелестной,
Я въ адѣ зрю себя изъ тишины небесной?...
Ты не порочь сихъ мукъ, свидѣтели они,
Что добродѣтельны вкушалъ я прежде дни;
Что не смущаемый неистовой любовью,
Я Князя моего не обагрился бъ кровью.
Во тьмѣ пороковъ, тѣмъ, что люто я крушусь,
Еще себѣ не столь ужаснымъ я кажусь.
Вкушая горесть всю я совѣсти грызенья,
Порочень; но еще достоинъ сожалѣнья.

ИЗБАРЪ.

Такими чувствами ослабленъ Витозаръ,
Кленя содѣланный совмѣстнику ударъ,
Когда бы Владисанъ возмогъ возстать изъ гроба,
Окончилася бы твоя къ нему вся злоба,
И ты съ Пламирою и тронъ бы уступилъ.

ВИТОЗАРЪ.

Вторичнобъ острый мечъ я въ грудь ему вонзилъ!...
Я чувствую, хотя злодѣйства гнусность вижу,
Что безъ Пламиры я боговъ возненавижу;
Что, если должно мнѣ красы ея терять,
Преграды стану всѣ опять опровергать
И путь себѣ творя убійственной рукою,
Достигну до нея кровавою рѣкою.
Теперь ты видя всѣ причины мукъ моихъ,
Еще не знаешь, чѣмъ ко умноженью ихъ,
Меня повергшій рокъ злодѣйства въ страшну бездну
Обременяетъ жизнь мою смятенну, слезну.
Пріемля на себя самодержавный санъ,
Я сомнѣваюся, погибъ ли Владисанъ.

ИЗБАРЪ.

Но что въ тебѣ сіе рождаетъ подозрѣнье?
Иль гробъ его еще тебѣ не увѣренье?

ВИТОЗАРЪ.

Вамира древняго сынъ преданный ему,
Другъ сердцемъ искренній владыкѣ своему
Въ путяхъ опасности его препровождая
И грудь свою ему щитомъ поставовляя,
Всечасно жизнь его своею охранялъ.
Не онъ ли пораженъ на мѣсто Князя палъ?
Ты вѣдаешь его со Владисаномъ сходство,
И все его къ нему усердья превосходство,
Мнѣ странно то; одинъ лишь только пораженъ
И трупъ безглавый здѣсь народу предложенъ.

ИЗБАРЪ.

Когда бы Владисанъ со свѣтомъ не разстался;
Пламиры бы своей такъ долго не скрывался:
Всякъ день она его оплакиваетъ прахъ;
Зри увѣреніе себѣ въ ея слезахъ,
Что тщетно Витозаръ свои самъ муки множитъ.

ВИТОЗАРЪ.

Терзая душу все порочную тревожитъ.
Хоть смертью въ градъ пути заграждены врагу,
Хоть вѣрно я того надѣяться могу,
Что Владисанъ, коль живъ, погибнетъ непреложно;
Но осторожнымъ быть довольно мнѣ не можно.
Избаръ, судьбу мою тебѣ вручаю я,
Во счастіи моемъ включенна часть твоя:
Закрывъ мои дѣла въ молчаніи глубокомъ,
Береги недремлющимъ мою ты славу окомъ;
Минувшій блескъ ея въ народѣ укрѣпляй,

И ложными его лучами ослѣпляй.
Лишь только я вЪ вѣнцѣ сЪ Пламирой сопрягуся;
Ко добродѣтели всемЪ сердцемЪ обращуся,
И ею возвратя себя опять богамЪ,
Мой тронЪ содѣлаю подобенЪ небесамЪ.

КОНЕЦЪ

Перваго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАМИРЪ и народъ.

ХОРЪ *народа.*

О рокъ! намѣсто Владисана
Кому вручаешь власть вѣнца!
Возводишь на престолъ тиранна,
Во гробъ низвергнулъ ты отца!

ВАМИРЪ *къ народу.*

Изъ гроба Владисанъ не можетъ возвратиться.
Коварству, силѣ намъ днесь должно покориться.
Вельможи наши всѣ, подъ иго уклонясь,
Хотятъ, чтобъ Витозаръ... о стыдъ! Славянъ былъ Князь.
Пламира и сама, когда не ошибаюсь,
Пламира!... горестью я въ сердцѣ разрываюсь,
Забывъ то все, кому она была жена,
Пламира и сама на то уже склонна.

Приближась къ гробницѣ.

О ты, владыко мой! когда потоки слезны,
Усердья чистый стонъ, сквозь алчны смерти бездны
Возмогутъ, нашъ отецъ, проникнуть до тебя;
Когда изъ бытія не все ты погубя,
Еще безсмертною твоей душей сіяешь,
Которою самихъ боговъ ты посрамляешь;
Лишася жизни ты и потерявъ вѣнецъ,
Утѣшься, жертву зря сихъ искреннихъ сердецъ.
Тиранновъ и Царей при жизни лесть равняетъ;
Но смерть единая ихъ только различаетъ.

Къ народу.

ПочтимЪ безЪ робости слезами Князя прахЪ.
ОтвергнемЪ отЪ себя мы оный гнусный страхЪ,
Который изліять претитЪ сердечны чувства.
ОставимЪ лести мы придворной тѣ искуства,
ЧтобЪ только счастливыхЪ за[illegible]евЪ обожать;
А добродѣтели гонимы уни[illegible]

Вамиръ входитъ во внутренность гробницы, которую народъ окружаетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИСАНЪ *въ бѣдномъ одѣяніи.*

Се счастья моего жилище омраченно,
Печалію, тоской, уныньемЪ окруженно!
Отколь всѣ радости изгналЪ плачевный стонЪ.
ТамЪ вижу я мой гробЪ, гдѣ прежде былЪ мой тронЪ.
Свирѣпый ВитозарЪ! являя честность ложну,
Ты душу вЪ благости мою неосторожну
Едва не уловилЪ во пагубную сѣть:
Но боги не дали успѣха вЪ томЪ имѣть;
Я живЪ.... вострепещи, коварный истребитель!
Во мнѣ предсталЪ тебѣ и судія и мститель.
Вострепещи!... но что? злодѣю я грожу;
А самЪ, а самЪ я смерть повсюду нахожу.
ОтверженЪ отЪ живыхЪ, вЪ отчаяньи скитаюсь,
И тѣмЪ лишь я живу, что мертвымЪ почитаюсь.
БезЪ трона, вЪ нищетѣ, супруги отлученЪ!...
Но сносно все, когда я ею не забвенЪ:
Когда всего лишась убійцевой рукою,
Пламира, я еще живу твоей душою;
Коль мертву жертвуя супругу твоему,
Невинны чувствія несешь на гробЪ ему;
Коль сладость горькую вЪ стенаніяхЪ вкушаешь,
Которыя ко мнѣ отЪ сердца посылаешь;
Когда равно любя и гроба за предѣлЪ

Безсмертный жаръ въ груди хранишь еще ты цѣлъ;
Я троновъ, пышности ни мало не жалѣю;
Кто счастливѣй меня?... я все въ тебѣ имѣю!...
А если... ревностью ты духъ мой пламеня,
О страшна ада мысль, не возмущай меня!...
О небо! ты подавъ мнѣ сердце благотворно,
Не сдѣлай, чтобъ оно само себѣ позорно,
Вкусило злобы ядъ, сей душъ злодѣйскихъ даръ.
Да будетъ счастливъ тѣмъ единый Витозаръ!

Повтореніе надъ гробомъ хора; но только тише, нежели въ первый разъ.

О рокъ! на мѣсто Владисана
Кому вручаешь власть вѣнца?
Возводишь на престолъ тиранна,
Во гробъ низвергнулъ ты отца!

ВЛАДИСАНЪ.

Стенящаго о мнѣ народа вопли внемлю.
Съ какою сладостью сей чистый даръ пріемлю!
Вкушаю подданныхъ въ любви цѣленье ранъ,
Которыми раздралъ мнѣ душу мой тираннъ!
О вы, властители гордящіеся вѣнцами,
Опредѣленные народовъ быть отцами!
Какая можетъ быть сея превыше честь?
Возженный фиміамъ, которымъ алчна лесть
Въ дремотѣ гордой васъ на тронахъ усыпляетъ,
Хотя съ безсмертными богами васъ равняетъ,
Скажите, тщетностью взнесенны до небесъ,
Все ваше стоитъ ли величье капли слезъ,
Которы подданныхъ любовь Монарху мертву
Отъ сердца искрення ліетъ на гробѣ въ жертву?
Се слава истинна; иной владыкамъ нѣтъ.
Но сердце къ подданнымъ приближиться влечетъ.
Любя ихъ такъ какъ чадъ, хочу извѣдать болѣ,
Колико стоилъ я владѣти на престолѣ.
Внявъ правду днесь изъ устъ, которые не льстятъ,
Когда судьбы опять мнѣ скипетръ возвращятъ;

То свѣтомъ истинны я озаренъ въ ненастьѣ,
Достойнѣй быть могу и славнѣе во счастьѣ.
Чтобы я познанъ былъ, опасности мнѣ нѣтъ.
О смерти весь моей наполненъ слухомъ свѣтъ;
Печалію черты лица преображенны,
Одеждой бѣдности рамена покровенны,
Удобны ли во мнѣ властителя явить.
Что Князь я, то и самъ возмогъ бы позабыть,
Когдабъ надъ бѣдствами душа не возносилась,
Когдабъ подъ бременемъ тѣхъ чувствъ она лишилась,
Которы безъ вѣнца меня Царемъ творятъ.
Душею мы Цари, порфира лишь нарядъ.

Приближась къ народу.

Граждане храбрые печалью отягченны,
Какимъ несчастіемъ вы нынѣ огорченны?

ОДИНЪ *изъ народа.*

Со Княземъ всѣхъ отрадъ лишася до конца,
Оплакиваемъ смерть мы нашего отца.

ВЛАДИСАНЪ.

Достоинъ ли онъ былъ сего отъ васъ усердья?

ДРУГОЙ *изъ народа.*

Достоинъ ли? сей даръ небесна милосердья!
Живый сей зракъ боговъ, коль щедры къ намъ они.
Державы мы его въ благословенны дни,
Смущались только тѣмъ въ блаженной нашей части,
Чтобъ не лишиться намъ его безцѣнной власти.
Но рокъ, жестокій рокъ похитилъ все у насъ!

ТРЕТІЙ *изъ народа.*

И солнце радостей сокрылъ отъ нашихъ глазъ.
Кто съ горестью къ нему стоная приближался,
Увидя тотъ его утѣшенъ возвращался.
Неисчерпаемый источникъ нашихъ благъ,
Въ немъ зрѣли мы боговъ сокрытыхъ въ небесахъ.

Увы! своихъ щедротъ въ немъ боги насъ лишили
И наше счастье все во гробѣ заключили.

ВЛАДИСАНЪ *въ сторону.*

Такою подданныхъ любовью награжденъ,
Могу ли я не быть до сердца пораженъ,
Могу ли удержать лiющися слезъ токи?
Нѣтъ, въ лютости судьбы мнѣ не были жестоки,
Когда даютъ вкусить, подавъ конецъ бѣдамъ,
Безвѣстны сладости счастливымъ и Царямъ!...
Тираннъ! вся власть твоя ничто передъ моею:
Въ порфирѣ ты, въ вѣнцѣ; а я въ сердцахъ владѣю.

ОДИНЪ *изъ народа.*

Подобно какъ и мы онъ слезъ потокъ лiетъ,
И въ нашей горести участвуетъ весь свѣтъ.

ВАМИРЪ *выходя изъ гробницы.*

Что ваши жалобы, граждане, умножаетъ?

ОДИНЪ *изъ народа.*

Зри странника сего; онъ купно сострадаетъ.
Когда и чуждыми оплаканъ нашъ отецъ,
Какъ можно подданнымъ не разрывать сердецъ?

ВАМИРЪ *самъ себѣ.*

Сей странникъ можетъ быть извѣстенъ Владисану;
Онъ можетъ быть нося печали въ сердцѣ рану,
Утѣшенъ нѣкогда его щедротой былъ,
И между воиновъ онъ можетъ быть служилъ,
Которые враговъ съ нимъ купно побѣдили,
И намъ, побѣду давъ, его не возвратили.
Увы! онъ можетъ быть зналъ сына моего
И былъ свидѣтелемъ погибели его....
Какое чувствiе, Вамиръ, въ сей часъ имѣешь?
Во гробѣ Князь; а ты о сынѣ сожалѣешь.

ВЛАДИСАНЪ.

Что вижу?... се Вамиръ. Почтенный старецъ сей,
Сей добродѣтельный вождь юности моей,
Въ путь славы истинной стопы мои направилъ,
Достойнаго во мнѣ властителя составилъ.
Усердьемъ искреннимъ всегда онъ мнѣ служилъ;
А сына я его виной кончины былъ.
О какъ печальный видъ его меня терзаетъ!

ВАМИРЪ *самъ къ себѣ.*

Какова гласа звукъ мой слабый слухъ пронзаетъ?
О Владисанъ! мой Князь!... о небо! или ты
Напасти наши всѣ преобратишь въ мечты?

къ народу.

Довольно ужъ стонать; граждане, удалитесь,
На благости небесъ въ печали положитесь.

Народъ удаляется. Вамиръ разсматривая издали Владисана.

Се кажется къ вѣнцу то созданно чело,
Что небо къ счастію Славянъ произвело;
Се очи, подданныхъ алкающи блаженства.
Знать боги не могли толика совершенства
Безъ содроганія погибели предать?...
Но нѣтъ, они хотятъ несчастнымъ мной играть,
Мнѣ суетно маня надеждою напрасной.

ВЛАДИСАНЪ *къ Вамиру.*

Увидь возникшаго изъ пропасти ужасной
Того, котораго считаетъ мертвымъ свѣтъ.
Иль Князя въ бѣдности Вамиръ не познаетъ?

ВАМИРЪ *упадая на колѣни.*

Я познаю, что къ намъ еще суть щедры боги!
О Князь возлюбленный! твои ль обьемлю ноги,
Которы радостнымъ я мою токомъ слезъ?
Изъ гроба ль ты возсталъ? иль посланъ къ намъ съ небесъ?

ВЛАДИСАНЪ.

Ко смерти осужденъ злодѣемъ Витозаромъ,
Я живъ, ко подданнымъ любви исполненъ жаромъ;
Я живъ, что бы тебя, отецъ мой, почитать,
И чтобъ дражайшую Пламиру обожать....
Но что при словѣ семъ ты очи отвращаешь!
Какое бѣдствіе ты симъ мнѣ возвѣщаешь?

ВАМИРЪ.

Мой Князь! спокойся зря смятеніе мое.

ВЛАДИСАНЪ.

Я чувствую, Вамиръ, страданіе твое.
И ты хотя того устами не вѣщаешь;
Но сердцемъ у меня о сынѣ вопрошаешь.
О какъ несчастенъ я!

ВАМИРЪ.

Не оскорбляй меня,
Чтобы о сынѣ я смущаться могъ стеня,
Когда отечеству отецъ нашъ возвращенный
Утѣшитъ скоро градъ стенящій, огорченный;
Чтобы, какъ общее сіяетъ благо намъ,
За трату бы мою я волю далъ слезамъ.
Скажи лишь только мнѣ; сходя во мракъ гробницы,
Достоинъ ли меня онъ затворилъ зѣницы?

ВЛАДИСАНЪ.

Ударъ сужденный мнѣ пріялъ въ свою онъ грудь;
Собою заградилъ онъ мой ко гробу путь.

ВАМИРЪ.

Благодарю боговъ! превыше сожалѣнья,
Мой сынъ не слезъ моихъ достоинъ, удивленья,
Безсмертнымъ дѣйствіемъ духъ отческій плѣня.
Кто пользу общества въ Монархѣ сохраня,
Входя во гробъ, отца отечества спасаетъ;
Не жалокъ тотъ; почтенъ и ввѣкъ не умираетъ.

Пришедъ на мѣсто, гдѣ почіетъ прахъ его,
Не стонами почту я сына моего,
Не воплемъ жалобнымъ, не горести слезами;
Но пѣньемъ радостнымъ, но лаврами, цвѣтами.

ВЛАДИСАНЪ.

Подъ именемъ моимъ злодѣйствомъ пораженъ,
Подъ именемъ моимъ въ семъ гробѣ заключенъ.

ВАМИРЪ.

Къ отрадѣ моея, во смертной сына долѣ,
Награды мнѣ ему какой желати болѣ?
Онъ смертью за тебя съ тобою уравненъ,
Въ твоей гробницѣ онъ равно какъ ты почтенъ,
Оплаканъ такъ какъ ты, народа благодѣтель.
Увѣнчана его съ избыткомъ добродѣтель.

ВЛАДИСАНЪ.

А я, который скиптръ на то мнѣ ввѣренъ чту,
Чтобъ на себѣ нести народа тяготу,
А я гнушаюся монаршимъ возвышеньемъ,
Коль связано оно гражданъ со огорченьемъ.
Ихъ жизнь не ради насъ во власть намъ отдана.
Смерть сына твоего мнѣ вѣчныхъ слезъ вина.
И еслибъ волѣ онъ моей повиновался,
О мнѣ бы, не о немъ твой духъ теперь терзался.
Въ тотъ самый день, когда свирѣпый Печенегъ
Поверженъ нашею рукой во прахѣ легъ,
Въ тотъ самый только день злой умыселъ открылся,
Что лютый Витозаръ коварствомъ вооружился
Отъяти у меня и тронъ и жизнь мою.
Со равнодушіемъ я принялъ вѣсть сію.
Злодѣя моего презрительны ловитвы
Назначили мнѣ смерть во время самой битвы.
Я вѣдалъ только то, что гибель мнѣ грозитъ;
Но я познать не могъ, кто грудь мою пронзитъ;
Не могъ провѣдати, кто дружбу Владисана

И продалъ честь свою за золото тиранна.
Погибелью моей ни мало не смущенъ;
Но пользой общею надъ страхомъ вознесенъ,
Презрѣвый злость, себя надъ бездною спокоилъ
И наше воинство къ побѣдѣ я устроилъ.
Твой сынъ, другъ истинный единый за меня
Прискорбенъ, горестенъ вострепеталъ, стеня;
Повергся мнѣ къ ногамъ и слезы проливая,
Молилъ меня, себя мнѣ въ жертву предавая,
Чтобъ близкимъ пользуясь я сходствомъ вида съ нимъ,
Подвергнулъ жизнь его опасностямъ моимъ;
И чтобъ себя храня, моей признаки власти,
Завистны въ счастіи, но бѣдственны въ напасти,
Со смертью возложилъ на дружеско чело:
Но сердце быть мое такъ низко не могло.
Я жизни не привыкъ высоко столько ставить,
Чтобъ подлостью ее купя, себя безславить.
Обидой чтя себя усердіе его,
Съ досадою отвергъ я сына твоего.
Межъ тѣмъ любезный зракъ дражайшія Пламиры,
Мой сынъ возлюбленный и подданные сиры,
Тиранну преданны кончиною моей,
Тягчили мысль мою напастію своей.
Мечтаніемъ такимъ, военными трудами
Томяся, изнуренъ, подъ тихими древами
Во ожиданіи починуть я возлегъ,
Доколѣ восшумитъ оружьемъ Печенегъ.
Незапно сладостью своею сна спокойство
Смирило чувствъ моихъ колеблемыхъ нестройство:
Тогда твой сынъ въ своемъ намѣреніи твердъ,
И для меня противъ себя жестокосердъ,
Моей одеждою, оружьемъ облеченный
И именемъ моимъ опаснымъ отягченный,
Ударилъ на враговъ, сразилъ ихъ и погибъ....
О рокъ! ты симъ мою надежду всю разшибъ
Со славой умереть межъ лавръ на чести полѣ!
Я долженъ, жизнь влача въ горчайшей смерти долѣ,
Подъ видомъ странника въ отечество притти,

Въ рукахъ злодѣя тронъ, супругу, все найти!..
Душѣ трепещущей, смятенной, огорченной,
Въ Пламирѣ, сей душѣ съ собою разлученной
Открой ты все: скажи, стеняща обо мнѣ
Видна ль еще моя супруга въ сей странѣ?
Или... твой духъ стенетъ! Вамиръ! я все ужъ вижу!...
Рази, отъемли жизнь, котору ненавижу!...
Рази, избавь меня отъ ужаса узнать,
Что и она уже меня могла предать!

ВАМИРЪ.

Мнѣ нынѣ, Государь, твои чертоги чужды.
Во праведной душѣ мучителю нѣтъ нужды.
То зная, что меня не можетъ онъ купить,
Потщился отъ двора Пламиры отвратить;
И чтобы не имѣть въ злодѣйствіяхъ препоны,
Съ подобными себѣ облегъ вокругъ короны,
Которую затьмилъ въ сей день своимъ челомъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Злодѣйства всѣ его я чту малѣйшимъ зломъ,
Когда лишь только онъ Пламирой ненавидимъ.

ВАМИРЪ.

Твоей супругою злодѣй сей общій видимъ
Въ наружностяхъ, чѣмъ онъ глаза мрачить обыкъ:
Ты знаешь видъ его и знаешь тотъ языкъ,
Что сладостію льсти ядъ сердца закрываетъ,
То средство, чѣмъ злодѣй невинность уловляетъ.
Обманутая тѣмъ, трепещуща, слаба,
Сама взвела на тронъ сего страстей раба....

ВЛАДИСАНЪ.

Сама взвела на тронъ!... вся кровь моя хладѣетъ!
Недвижимъ, во устахъ языкъ мой цѣпенѣетъ,
Безсиленъ изразить тоски въ сей страшный часъ!
Какъ громомъ я сраженъ, и свѣтъ бѣжитъ отъ глазъ!

Сама взвела на тронъ!... Такъ духъ ея спокоенъ?...
Свершилось все!... сей гробъ не тщетно мнѣ устроенъ!...
Но прежде....

ВАМИРЪ.

Отягченъ твоею ты судьбой,
Иль ревности въ сей часъ смущаешся мечтой?

ВЛАДИСАНЪ.

Кому? мнѣ? ревностью мой гордый духъ тревожить?
Мнѣ гнусной мукой сей мои напасти множить?...
Пламиру столько чтя, колико я люблю,
Толь низкимъ чувствіемъ ее не оскорблю....
Нѣтъ, нѣтъ, ея душа ея красамъ подобна.
Пламира, вѣрь ты мнѣ, къ измѣнѣ неспособна....
А если... но того, Вамиръ, не можетъ быть...
А если и она удобна измѣнить,
Не мысли, чтобъ тогда смущенъ утратой сею...
Довольно... я души толь подлой не имѣю,
Чтобы алкать уже то сердце возвращать,
Которое себя престало почитать.
Не будутъ во устахъ стенящи слышны пени,
И горести во мнѣ не узришь ты ни тѣни.
Одно презрѣніе, вотъ всѣ тѣ казни ей,
Которыя въ душѣ готовятся моей.

ВАМИРЪ.

Утѣшся, подданныхъ любовью грусть умѣря...

ВЛАДИСАНЪ.

Не мысли ты, что бы ея вѣнца потеря
Мнѣ горестна, люта, не сносна бы была:
Когда ужъ такъ она унизиться могла,
Коль сердце столь ея въ злодѣйствѣ стало дерзко;
Съ измѣнницей мнѣ тронъ и само небо мерзко!...
Ты знаешь то, душа корыстна ли моя,
Ты знаешь, трономъ ли ея прельщался я,

Ты знаешь, если бы рожденна не въ порфирѣ,
Всѣхъ ниже на землѣ, во всемъ презрѣнна мірѣ,
Возвышенному мнѣ на трона высотѣ,
Предстала съ прелестьми Пламира въ нищетѣ;
Престолъ бы мой тогда мнѣ въ гробъ преобратился,
Когда бы для него Пламиры я лишился.

ВАМИРЪ.

Но можетъ быть вотще ты самъ себя терзая...

ВЛАДИСАНЪ.

Но можетъ быть!... ты самъ сомнѣніе питая,
На мѣсто радостей, на мѣсто мнѣ отрадъ
Безвѣстія даешь вкушать горчайшій ядъ;
И ты противъ меня къ злодѣйству уклонился!

ВАМИРЪ.

Кто? я?

ВЛАДИСАНЪ.

Оставь мнѣ то Вамиръ; я чувствъ лишился.
Восторги извини ты сердца моего:
Жестоко пораженъ, не знаю никого.
Смертельно я люблю; но слабости стыжуся,
Гнушаюся собой и самъ себя страшуся....
Я чувствую, что я унизилъ сердце то,
Которо не могло доднесь смутить ничто....
Достойнѣе меня, когда собой владѣя,
Пламиру презрю я и презрю я злодѣя,
Въ пустыню удалясь, вселенну позабывъ,
Въ дубровахъ темныхъ тамъ себя навѣкъ закрывъ
И отъ людей далекъ, не низокъ, благороденъ,
Отъ подлыхъ столько мукъ пребуду я свободенъ....
Но прежде... о Вамиръ! единый вѣрный другъ,
Извѣдай все, простри внимательный твой слухъ,
И что познаешь ты, къ лютѣйшей хоть напасти,
Яви мнѣ бездну всю моей жестокой части.
Коль будетъ должно мнѣ измѣнницу презрѣть,
Не думай, чтобъ я могъ терзаясь умереть.

Безъ страха все открой. Ты видишь, равнодушенъ,
Не сердцу моему, разсудку я послушенъ.

ВАМИРЪ.

Исполню все! но ты лишь только утиши
Волненье пагубно колеблемой души.
Найди пристанище ты въ сердцѣ возвышенномъ,
Для добродѣтели, не для страстей рожденномъ,
И какъ великимъ быть противяся судьбѣ,
Далеко не ищи примѣра, — онъ въ тебѣ.
Храни, дражайшій Князь намъ дни твои священны,
Повсюду сѣтію злодѣйства окруженны.
Жилища моего уединенна сѣнь,
Гдѣ плача о тебѣ донынѣ каждый день,
Я тяжку старость влекъ до гроба мной желанна,
Для сокровенности быть кажется созданна.
Отца отечества отдавъ моимъ стѣнамъ,
Собою мой чертогъ преобрати во храмъ.
Здѣсь страшно все. Пойдемъ, сокроемся отъ ока
Тиранна хитраго, пронырлива, жестока.

КОНЕЦЪ

Втораго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЛАМИРА, ЗЕНИДА.

ПЛАМИРА.

Гдѣ мнѣ убѣжище въ сей крайности найти?
Разверзися земля, Пламиру поглоти!
Къ Зенидѣ.
Ты видѣла въ сей часъ всю дерзость Витозара;
Могла ль я ожидать еще сего удара?
Обратясь ко гробу.
То мало, чтобъ тебя, супругъ, лишиться мнѣ;
Должна еще, должна въ той самой я странѣ,
Гдѣ въ славѣ возросла, гдѣ царствовать рожденна,
Предерзскаго раба быть волѣ покоренна.
Моей щедротою въ коронѣ дерзновенъ,
На тронѣ сталъ моемъ преступникъ откровенъ;
Въ коварныхъ вымыслахъ имѣя духъ обиленъ
И подлостью вельможъ въ своемъ злодѣйствѣ силенъ,
Къ супружеству со мной дерзнулъ онъ мысль простерть.
Зенида! мнѣ теперь одно спасенье смерть.

ЗЕНИДА.

Почто къ отчаянью стремитися Пламирѣ?
Лишь только ты явись народу во порфирѣ,
Лишь властвовать дерзни, и узришь все у ногъ.

ПЛАМИРА.

Все поздно, и тираннъ все нынѣ превозмогъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПЛАМИРА, ВИТОЗАРЪ, ВЕЛЬМОЖИ, ЗЕНИДА.

ВИТОЗАРЪ.

Къ увѣнчанному мнѣ тобой питая злобу,
Отъ трона ты въ сей часъ убѣгнула ко гробу.

ПЛАМИРА.

На тронѣ Витозаръ, а въ гробѣ Владисанъ.

ВИТОЗАРЪ.

Взложа ты на меня верьховной власти санъ,
Иль хочешь ты, чтобы въ сіяніи короны
Лишенный радости, пуская тяжки стоны,
Въ награду всѣхъ трудовъ несчастенъ и унылъ,
Въ величіи моемъ себѣ я въ тягость былъ?
Чтобы противъ враговъ отечества дерзая
И кровію моей долины упояя,
Я сыну бъ твоему престолъ твой сохранялъ;
А въ воздаяніе лишь только бы страдалъ?

ПЛАМИРА.

Родяся подданнымъ, ты нынѣ сталъ властитель,
Ты щитъ отечества и Князя покровитель:
Я добродѣтели отверзла все пути,
Чрезъ пользу общества во славы храмъ войти.
Или то малая тебѣ въ трудахъ отрада?
Прославиться, сердецъ великихъ вотъ награда.
Ты можешь, долженъ ты толико мной почтенъ,
Съ моимъ почтеньемъ быть дѣлами уравненъ;
А ты забывъ свой долгъ и презирая славу,
Чтобы вдовицу гнать, на то пріялъ державу.

ВИТОЗАРЪ.

Чтобы Пламиру гнать! жестокая! не гнать;
Но чтобъ тебя равно съ богами обожать.

Счастливый Владисанъ тобой избранный къ трону
Тебя имѣлъ во мзду за тягостну корону.
Единъ твой нѣжный взоръ, очей дражайшій взоръ,
Въ минуту истреблялъ лютѣйшихъ золъ соборъ.
Ты горести его державы услаждала;
Онъ палъ за общество; но ты о немъ рыдала.
Донынѣ онъ еще оплаканный тобой,
Во гробѣ, но стократъ счастливѣй предо мной.
Съ какоюбъ радостью я тронъ и дни жестоки,
Погибнувъ, промѣнялъ на слезъ драгихъ потоки.

ПЛАМИРА.

Или и плачъ одно имѣнье днесь его,
Ту скорбну дань ему отъ сердца моего
Отняти у него въ свирѣпости желаешь?
Но тщетно на сіе, нѣтъ, тщетно ты дерзаешь.
Лишился трона онъ, не видитъ свѣтла дня,
Всего лишился онъ; но только не меня.
Пламиры для всего уже на свѣтѣ мертвой,
Остатокъ горькихъ дней ему весь будетъ жертвой.
Вотъ здѣсь, на гробѣ семъ, не осушая слезъ,
Виня противъ меня жестокости небесъ,
Изъ гроба требовать отъ нихъ супруга стану,
И не дождавшися, на гробѣ семъ увяну.
Вотъ все на свѣтѣ то, что я хочу имѣть.
Грустить отрада мнѣ, надежда умереть.

ВИТОЗАРЪ.

Я вижу наконецъ, что должно мнѣ рѣшиться,
Почтенья твоего несноснаго лишиться,
И даръ мнѣ твой вѣнца на то употребить,
Чтобы жестокостью тобой счастливымъ быть.
Я долго, долго былъ игралищемъ притворства....
И ежели мои безплодны всѣ покорства,
Коль нѣжну пламени не хочешь отвѣчать,
То огнь властителя должна ты увѣнчать,
И покоряся мнѣ твоей въ противность волѣ,
Моей супругой быть, страдая на престолѣ,

ПЛАМИРА.

Какая сила то удобна совершить?
Коль боги мнѣ могли и смертны измѣнить,
Когда въ моей странѣ я днесь въ тиранской власти;
Еще осталась я себѣ въ моей напасти:
И та, которая рожденна скиптръ носить,
Умѣетъ гнусности толики отвратить;
Возможетъ, дерзости тиранна презирая,
Спастися отъ него, безъ страха умирая.

ВИТОЗАРЪ.

Предпочитаешь смерть на тронѣ быть со мной!...
Ты хочешь, чтобъ я былъ виновенъ предъ тобой;

Увидя Велькара.

Я буду... вотъ твой сынъ... оставь ожесточенье,
Свирѣпая! ему, себѣ и мнѣ въ спасенье.
Содѣлай сыномъ мнѣ ты сына своего;
Скажи, отецъ ли я, или злодѣй его?
Но ты молчишь?

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЛАМИРА, ВИТОЗАРЪ, ВЕЛЬКАРЪ, ИЗБАРЪ, ЗЕНИДА и Вельможи.

ПЛАМИРА.

Къ такимъ словамъ не пріученна,
Я всемъ, что слышала, какъ громомъ изумленна,
Безъ мыслей и безъ чувствъ могу ли отвѣчать...
А я еще живу!... о рокъ!... почто я мать.

Къ Велькару.

Дражайшій узелъ дней моихъ преотягченныхъ
Изъ низостей однихъ и горестей сплетенныхъ!
Я не сносила бы сей части безъ тебя.
О Владисановъ сынъ! отвѣтствуй за меня,

Внуши ты мнѣ, мой сынъ, достойныя насъ средства;
Спасти тебя въ сей часъ безъ подлости отъ бѣдства.

ВЕЛЬКАРЪ *Витозару, указывая на Избара.*

Твой рабъ склонялъ меня тебя принять отцемъ
И, слабымъ чтя меня въ младенчествѣ моемъ,
Хотѣлъ, чтобъ я былъ подлъ, твоей покоренъ волѣ.
Младенецъ я; но я младенецъ на престолѣ....

ВИТОЗАРЪ.

Еще ты не на немъ и столькоже далекъ,
Какъ и послѣдній мнѣ подвластный человѣкъ.

ВЕЛЬКАРЪ.

Отецъ мой Владисанъ и мать моя Пламира;
Отецъ во гробѣ, мать и плачуща и сира;
Я слабъ еще моихъ защитить святость правъ:
Вельможи здѣсь, а здѣсь тираннъ даетъ уставъ.

ВИТОЗАРЪ.

Отродье вредное того, кто въ свѣтъ родился
На то, чтобъ Витозаръ въ тиранна превратился,
Престань тщеславіемъ ты отравлять твой духъ;
Престани гордостью взноситься безъ заслугъ;
Престань на помощь звать ты тщетно право рода;
Однѣ достоинства днесь нужны для народа.
Свирѣпый Печенегъ намъ гибелью грозитъ.
Въ часъ бѣдъ отечеству родъ можетъ ли быть щитъ?
Что сдѣлаетъ твое съ героями днесь сродство?
Потребно ихъ души, не крови превосходство;
Я льщуся то имѣть; умѣю защитить
Сей тронъ, на коемъ ты родился только быть;
Могу примѣръ подать достойнымъ быть державы,
И показаться здѣсь въ коронѣ не безъ славы.

ВЕЛЬКАРЪ.

Родитель мой отецъ народа своего,
Умѣлъ ли царствовать? а я, я сынъ его.

Какое можешь ты подать мнѣ наставленье?
Коварство лишь твое единое ученье;
Указывая на Пламиру... Указывая на себя.
Вдовицу, сироту на тронѣ притѣснять.
Коль должно, чтобЪ владѣть, мнѣ только это знать;
Не стоитЪ тронЪ того, чтобЪ быть на немЪ злодѣемЪ.

ПЛАМИРА.

Мой сынЪ несчастливый никѣмЪ не сожалѣемЪ,
Сіе подобіе супруга моего,
МладенецЪ царственный у трона своего
ОставленЪ ото всѣхЪ вЪ несноснѣйшей судьбинѣ
Не видитЪ помощи подобно какЪ вЪ пустынѣ.
Обратяся ко гробу.
О ВладисанЪ драгой! отецЪ гражданЪ твоихЪ!
За благости тебѣ какая мзда отЪ нихЪ!

ВИТОЗАРЪ.

Я вижу, что избравЪ меня достойнымЪ власти
Желала бЪ днесь, забывЪ гражданЪ твоихЪ напасти,
Меня подобно какЪ преступника казнить
И общество во мнѣ подпоры всей лишишь;
Но поздно. СонмЪ ВельможЪ, отечества хранитель,
Ты буди нашЪ судья и правды защититель.
Со благомЪ общества презрѣвЪ свою и честь,
Дерзнете ли вы мнѣ младенца предпочесть?
Вельможи уклоненіемЪ изображаютЪ свое покорство Витозару.

ПЛАМИРА.

О малодушные, подЪ иго уклоненны!
Вы слабыхЪ удручать лишь только дерзновенны;
БезЪ чести, безЪ души народные главы,
Для счастья своего велики только вы.

ИЗБАРЪ, *который въ семъ явленіи выходилъ, возвратясь Витозару.*

Отъ Князя Печенегъ, тѣснящихъ градъ войною,
Желаетъ посланный предстать передъ тобою.
Я слыша, что для насъ несетъ онъ важну вѣсть,
Къ священнымъ симъ мѣстамъ дерзнулъ его привесть.

ВИТОЗАРЪ.

Да внидетъ онъ сюда; да зритъ сама Пламира,
Колико почтена ея на мнѣ порфира.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и посланный отъ Печенегъ.

Посланный.

Паденья своего отмщающій за стыдъ,
Мой Князь, чтя мужество твое, державу чтитъ;
Но гнѣва праведна еще кипящій жаромъ
Вступаетъ въ договоръ съ могущимъ Витозаромъ;
И чтобы прекратить кровопролитну брань,
Пламиры сына онъ желаетъ мести въ дань.
Доволенъ кровію отродія злодѣя,
Противу васъ вражды онъ болѣ не имѣя,
Погаситъ пламенникъ погибельной войны.

ВИТОЗАРЪ.

Рача о пользѣ я отеческой страны,
Помыслю, что творить мнѣ для сего предмета.
Поди и моего ты ожидай отвѣта.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВИТОЗАРЪ, ПЛАМИРА, ВЕЛЬКАРЪ, ИЗБАРЪ, ЗЕНИДА, Вельможи.

ВИТОЗАРЪ.

Ты видишь, сей ударЪ свершить мнѣ долгЪ велитЪ,
Который мнѣ мое отечество гласитЪ.
ПредЪ онымЪ все твое стенаніе напрасно,
И все противЪ тебя со мной уже согласно.
И словомЪ, общество, мой гнѣвЪ и самый рокЪ,
Все требуетЪ того, чтобы я былЪ жестокЪ.
Отвсюду бѣдствами ты нынѣ окруженна;
Лишь слово я реку, ты будешь истребленна
И сына твоего польется токомЪ кровь.
Одна тебѣ моя осталася любовь.
Одна сія любовь горяща, раздраженна
КЪ спасенью твоему дорога открovенна.
Печальной смутности во мракѣ, вѣрь мнѣ, вѣрь,
Свѣтильнику ея послѣдуй ты теперь.
СЪ тобою сопряженЪ я все тогда забуду:
Пламиру лишь одну я видѣть только буду.
Взведя тогда на тронЪ я сына твоего,
Коль должно умереть, умру я за него.
ВЪ коронѣ первый рабЪ твоей красы любезной,
ЧтобЪ осудить вЪ очахЪ твоихЪ потокЪ сей слезной,
ПотокЪ снѣдающій жизнь горькую мою,
Я нѣжну душу всю на то лишь пролію,
ЧтобЪ пламенемЪ моимЪ безсмертнымЪ, безпредѣльнымЪ
Явить, сколь гнѣвомЪ ты противЪ меня смертельнымЪ,
Виновна вЪ лютости неправедной была;
Что душу мнѣ судьба лишь для тебя дала.
Тобою пламенно все сердце обнаружу
И ненависть твою кЪ раскаянью принужу.
Но ты должна ее вЪ сей часЪ преодолѣть.
Еще единый мигЪ, и станешь сожалѣть.

Супругомъ страждуща застонешь и о сынѣ.
Смятенныхъ чувствъ моихъ въ волнуемой пучинѣ
Мнѣ должно сейже часъ пристанище найти,
Иль къ краю счастія, иль въ гробъ съ тобой войти.
Посредства не могу въ отчаяніи видѣть:
Коль страстно не любить, то смертно ненавидѣть.

ПЛАМИРА.

Жестокій! я найду, я средства для тебя
Избавить честь твою, и сына и себя.
Владѣй; но съ сыномъ мнѣ позволи удалиться,
Въ пустынѣ дикой съ нимъ позволь ты мнѣ сокрыться.
Со мною бракъ тебѣ лишь нуженъ для того,
Чтобъ бѣдства отвратить отъ трона твоего;
Коль чуждый на главѣ вѣнецъ тебя смущаетъ,
Владѣй безъ страха, въ томъ Пламира увѣряетъ.
Владѣй; ты мстителя себѣ не обрѣтешь.
Въ пустынѣ, ежели ты сына дни спасешь,
Дамъ чувствія ему я равны нашей долѣ:
Чтобъ онъ, оставя быть надежду на престолѣ,
Забыть навѣки могъ, къ чему на свѣтъ рожденъ.
Умѣренъ въ гордости, судьбою униженъ,
Во мракѣ онъ лѣсовъ съ своей сравнится частью,
И тамъ безъ скипетра, однако не подъ властью,
Ручаюся, мой сынъ не будетъ отомщать,
Мой сынъ со мною лишь научится рыдать.

ВИТОЗАРЪ.

Что въ тронѣ мнѣ, когда не будешь ты со мною?
Исчезнутъ небеса, вселенна вся съ тобою.

ВЕЛЬКАРЪ.

Престань, любезна мать, о мнѣ лить токи слезъ,
И дай послѣдовать предѣлу мнѣ небесъ;
Они достойную мнѣ смерть опредѣляютъ:
И ежели уже вѣнца меня лишаютъ,
Когда я не могу, какъ мой отецъ, владѣть,

Могу со славою я такЪже умереть,
Отечество моей кончиной искупая.

ВИТОЗАРЪ.

КЪ ВельможамЪ.

Ты хочешь, и умрешь. По долгу поступая,
Влеките вЪ жертву вы отечества его.
Вельможи Велькара отводятЪ.

ПЛАМИРА *бросаясь кЪ ВельможамЪ.*

Постойте, онЪ мой сынЪ!... не внемлютЪ ничего....
Увиди, ВитозарЪ, у ногЪ твоихЪ вдовицу,
Досель сихЪ гордыхЪ странЪ всевластную Царицу,
Стенящу, горестну, забывшую себя,
Просящу милости у подданна тебя.
ЧтобЪ не унизиться, чегобЪ я пожалѣла,
КогдабЪ кЪ несчастію я сына не имѣла:
Но ахЪ! я мать; могу ль что нынѣ пощадить,
ЧтобЪ сына моего отЪ смерти свободить?

ВИТОЗАРЪ.

Поди кЪ нему, поди, чтобы итти оттолѣ
Во гробѣ зрѣть его, иль видѣть на престолѣ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВИТОЗАРЪ, ИЗБАРЪ.

ВИТОЗАРЪ *Избару.*

А ты уготовлять вели ко браку храмЪ.
Да будетЪ, небеса! сей бракЪ угоденЪ вамЪ.
ИмЪ кончатся мои бѣды и злодѣянья.
Во ожиданіи достойна воздаянья
Сбери ты силы всѣ усердья твоего
Скрыть мрачныя стези коварства моего.

По граду разглашай, что мной не принужденна
Пламира будетъ днесь со мною сопряженна.
Все преклоняяся крѣпитъ мою здѣсь власть:
Одинъ Вамировъ видъ вѣщая мнѣ напасть,
Суровой строгостью весь духъ мой возмущаетъ.
Какова странника днесь домъ его вмѣщаетъ?
Кто онъ? извѣстно мнѣ, что бѣденъ и презрѣнъ
Сей странникъ у него и принятъ и почтенъ.
Скажи ему, когда его онъ не отвергнетъ,
Весь гнѣвъ мой на себя сей старецъ опровергнетъ.
А только лишь Вамиръ исполнитъ мой приказъ;
Ты странника закрывъ отъ всѣхъ въ минуту глазъ,
Потщись узнать, кто онъ? за чѣмъ онъ здѣсь? откуда?
Мой духъ трепещущій зритъ пропасти повсюда.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ИЗБАРЪ, ВАМИРЪ.

ВАМИРЪ *не видя Избара.*

Какая лютая по граду мчится вѣсть!
Дотолѣ можетъ ли забыть Пламира честь!

ИЗБАРЪ *Вамиру.*

О благѣ общемъ вѣсть внимай изъ устъ Избара,
Что сердце преклоня къ желанью Витозара,
Пламира къ браку съ нимъ вступаетъ нынѣ въ храмъ,
Чтобъ Княземъ истиннымъ его вѣнчати намъ.
Кто можетъ днесь его противясь повелѣнью
Безъ наказанья быть причастенъ дерзновенью?...

ВАМИРЪ.

Къ кому рѣчь клонится толь грозная?

ИЗБАРЪ.

Къ тебѣ.

ВАМИРЪ.

Страшась однихъ боговъ въ невидимой судьбѣ,
Безсиленъ удержать злодѣйствія успѣхи,
Кому содѣлалъ я ко счастію помѣхи?
Отъ свѣта отвращенъ, отъ пышностей далекъ
Кого забытый я ко зависти привлекъ?

ИЗБАРЪ.

Скрываешь странника, и Витозаръ то знаетъ.

ВАМИРЪ.

Иль добродѣтельнымъ онъ быть не позволяетъ?
Я призрилъ чуждаго и далъ ему покровъ:
Иль тѣмъ виновенъ я, что духъ мой не суровъ,
Что въ бѣдности моей несчастнымъ сострадаю?
О Владисанъ! твою щедроту вспоминаю.
Подъ властію твоей что стоило похвалъ,
За то преступникомъ уже я нынѣ сталъ.

ИЗБАРЪ.

Владыки твоего покорствуя уставу,
Не подвергай себя его ты гнѣва праву:
Отвергнувъ странника ты милостей ищи;
А ежели не то; страшися, трепещи.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВАМИРЪ *одинъ*.

Не сталъ бы трепетать, когда бы надлежало
Лишь только отъ себя врага отвергнуть жало:
Но я храня отца народа своего,
Я ужасаюся страдая за него.
О пагубная страсть къ супругѣ лицемѣрной!
Какую я ему въ его тоскѣ безмѣрной
Къ отрадѣ принесу смертельну, страшну вѣсть!

Какую долженъ скорбь въ томъ сердцѣ произвесть,
Которо нѣжное, чувствительно, горяще
И отъ сомнѣнія ужъ кровію слезяще,
Послѣдній сей ударъ не можетъ пренести!
О боги праведны! какъ мнѣ его спасти?
Злодѣйство, кое все пронырствомъ проницаетъ,
Его послѣдняго пристанища лишаетъ.
Благотворитель нашъ въ плачевнѣйшей судьбѣ
Не зритъ убѣжища въ отечествѣ нигдѣ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ВЛАДИСАНЪ, ВАМИРЪ.

ВАМИРЪ.

Какой опасности себя ты подвергаешь,
Мой Князь!

ВЛАДИСАНЪ.

Медленіемъ меня ты умерщвляешь.
Безвѣстья не могу я болѣе терпѣть.
Ты все ль узналъ? мнѣ жить, иль должно умереть?
Скажи, почто весь градъ, явя отрады знаки,
Печали истребилъ по мнѣ всеобщи мраки?
Какія радости готовятся въ сей часъ?
Какое торжество вѣщаетъ трубный гласъ?
Или Пламира казнь сверша врагу коварну,
Открыла мнѣ пути къ народу благодарну?...
Но ахъ! не то твой видъ вѣщаетъ мнѣ, мой другъ.

ВАМИРЪ.

Гонимый рокомъ Князь! несчастнѣйшій супругъ!

ВЛАДИСАНЪ.

Пронзай мнѣ грудь скорѣй, не утомляя болѣ.

ВАМИРЪ.

Свершити не могу.

ВЛАДИСАНЪ.

Въ моей несносной долѣ
Утѣшь меня, мнѣ давъ послѣдній ты ударъ.

ВАМИРЪ.

Скрѣпись. Съ Пламирою спряжется Витозаръ!

ВЛАДИСАНЪ.

Свершилось все.

ВАМИРЪ.

Мой Князь, ты далъ твое мнѣ слово,
Чтобъ сердце нѣжное, на всѣ бѣды готово
Превыше лютыя судьбины вознести,
Забывъ любовь, себя для славы соблюсти.
Се оный часъ пришелъ; ты будь себя достоенъ,
И скорби одолѣвъ, спокойся.

ВЛАДИСАНЪ.

Я спокоенъ.

ВАМИРЪ.

Но сколько мнѣ сія ужасна тишина!
Подобна смертныя мнѣ кажется она.
Отъ сердца, тягостнымъ стѣсненнаго страданьемъ
Отвергнуть горести не можешь ты стенаньемъ.
Молчанье лютое и смерти блѣдна тѣнь
Вѣщаютъ мнѣ, что твой пришелъ послѣдній день.
Такъ твой народъ отца ужъ больше не имѣетъ?
Несчастный твой народъ, увы! осиротѣетъ?

ВЛАДИСАНЪ.

Пламира!

ВАМИРЪ.

Позабудь невѣрную жену,
И устремясь спасать отеческу страну,
Помысли о своемъ ты собственномъ спасеньи.
На тронѣ нашъ тираннъ смущаясь въ подозрѣньи,
Темнѣйши тайны знать въ своемъ пронырствѣ скоръ.
Уже коварный то его проникнулъ взоръ,
Что странникъ принятъ мной въ моихъ стѣнахъ таится;
Уже мой домъ тебѣ опасенъ становится.

ВЛАДИСАНЪ.

Такъ мнѣ пристанища на свѣтѣ болѣ нѣтъ!
Но вотъ мой гробъ: онъ мнѣ убѣжище даетъ.
Вотъ тронъ мой, вотъ мое отечество любезно,
Отрадно мнѣ въ сей часъ, пріятно и полезно...
Отъ счастія, вѣнца, Пламиры и отрадъ,
Вотъ что осталось мнѣ: лишь гроба смертный хладъ.

ВАМИРЪ.

Остался весь народъ, кѣмъ духъ твой усладится.

ВЛАДИСАНЪ.

Такъ нѣтъ сомнѣнія, и бракъ ихъ совершится?

ВАМИРЪ.

О если бъ я хотя сомнѣнье могъ имѣть!...

ВЛАДИСАНЪ.

О если бъ я возмогъ ее въ сей часъ узрѣть!...

ВАМИРЪ.

На толь, чтобы узря предавшуся тиранну,
И паче растравить твою смертельну рану?

ВЛАДИСАНЪ.

Мнѣ рану растравить ужъ болѣе нельзя:
Хочу ее узрѣть, чтобъ сердце изразя,

Предъ смертію моей ее увидѣть мертву,
Мученью моему разтерзанну на жертву,
Окровавленную... Вамиръ! вотъ вѣрность та,
Которую ко мнѣ измѣнницы уста
И гроба за предѣлъ хранити обѣщали.
Какую мнѣ любовь ея глаза вѣщали,
Какъ горькой должностью моей одушевленъ,
За общество противъ враговъ вооруженъ,
Отсель спѣшилъ искать и смерти я и славы.
Взоръ томный, полный взоръ прелестныхъ слезъ отравы,
Гласъ умирающій, рыданіе и стонъ
Мою ослабленну влекли всю душу вонъ.
Я думалъ, зря ея неизреченны муки,
Не можетъ перенесть она со мной разлуки;
Я думалъ, мѣря скорьбь ея моей тоской,
Исчезнетъ для нее вселенна вся со мной,
Я думалъ... какъ съ душой я съ нею разлучаясь,
Что ежели съ врагомъ за общество сражаясь
Утрачу жизнь мою; то смертію моей
Угаснутъ и лучи ея печальныхъ дней,
Я думалъ... а она въ слезахъ своихъ притворна
И страсти моего губителя покорна,
На то умѣла такъ стонать и слезы лить,
Чтобъ уловя меня, удобнѣй грудь пронзить;
И брачныхъ, тягостныхъ ей узъ освобожденна,
Пріять въ одръ кровію моею обагренна.
О небеса!

ВАМИРЪ.

Сбери разсудокъ расточенъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Что дѣлалъ сей народъ мной столько одолженъ?
Что дѣлалъ ты, Вамиръ?... въ усердіи спокойны,
Вы были ль своего властителя достойны?
Низвергли ль варвара въ Пламириныхъ глазахъ?
Тронъ ими оскверненъ преобратили ль въ прахъ?

Тиранна оскорбивъ подвергся ли кто казни?
Вы плакали о мнѣ. Вотъ весь сей жаръ пріязни.
Слезами ваша лишь платила мнѣ любовь.
Не слезы нужны мнѣ, Вамиръ, не слезы, — кровь.

ВАМИРЪ.

Ахъ если бъ, Государь, всѣхъ нашихъ дней утрата
Не тщетна быть могла тебѣ отъ насъ отплата!

ВЛАДИСАНЪ.

Поди. У варвара ты милостей ищи;
Отъ гнѣва моего сокройся, трепещи!
Поди туда, поди, гдѣ счастье и порфира...
Страшися! все теперь мнѣ кажется Пламира.

ВАМИРЪ *становяся на колѣни.*

Когда тѣмъ грусть твою ты можешь облегчить,
Чтобъ грудь мою пронзивъ, всю кровь мою пролить;
Рази! и будетъ мнѣ пріятна смертна рана,
Котора возвратитъ народу Владисана.

ВЛАДИСАНЪ *поднимая Вамира.*

Прости, любезный другъ, жестокости мои.
Ты знаешь, сродны ли душѣ моей они.
Измѣнница мой часъ послѣдній помрачаетъ,
И сердце лучшее несчастье развращаетъ.
Я злобенъ? я? о рокъ!

ВАМИРЪ.

Ты плачешь?

ВЛАДИСАНЪ.

Сей токъ слезъ
Жестокій, мрачный токъ не есть тотъ даръ небесъ,
Когда на тронѣ я несчастнымъ сострадая
И въ благости моей возмездье обрѣтая
Отъ радости, что я стенящихъ утѣшалъ,

Въ слезахъ я сладости сердечныя вкушалъ....
Прости. Ужъ на землѣ нѣтъ мѣста Владисану,
Прости, любезный другъ; я жить во гробѣ стану.
Но люто время то, въ которое мое
Межъ горькой жизнію и смертью бытіе
Въ несносныхъ бѣдствіяхъ колебляся мутится,
Ужасно время то не долго продолжится.
Однимъ отмщеніемъ привязанъ къ свѣту я.
Единой яростью душа живетъ моя.
Лишь только кровію злодѣевъ насыщуся;
Со злобою моей и жизни я лишуся.

ВАМИРЪ.

Послѣдую тебѣ.

ВЛАДИСАНЪ *удерживая его.*

Остановись, постой.
Тамъ будутъ фуріи бесѣдовать со мной.

Входитъ въ гробницу.

КОНЕЦЪ

Третьяго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ глубокую ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВЛАДИСАНЪ *выходя изъ гробницы.*

Простерта мрачная завѣса тихой ночи.
Пламиры сладкій сонъ теперь смыкаетъ очи;
Во ожиданіи мнѣ смертна торжества
Вкушаетъ даръ сего отрадна божества.
Кровавый мой тираннъ покоится на тронѣ,
Утѣшенъ, радостенъ своихъ злодѣйствъ на лонѣ.
Почіетъ все теперь, земля и небеса:
Единый только я простерши очеса,
Въ ужасной пустотѣ стеню минуту кажду,
И житель гроба я дражайшей крови жажду;
Съ невѣрной не могу и купно умереть.
Напрасно льщуся я ее у гроба зрѣть.
Преступники оттоль свои отводятъ взоры,
Гдѣ счастіе мрачатъ ихъ совѣсти укоры....
Несчастный!... совѣсти?... ахъ, естьли въ ней она!
Супруга своего свирѣпая жена,
Которая его убійцу въ одръ пріемлетъ,
Иль гласу совѣсти въ порочной страсти внемлетъ?
Во добродѣтели безплодной я моей,
Я только мучуся, какъ мучится злодѣй;
А счастливый порокъ невинности подобенъ
Во сердцѣ каменномъ спокоенъ быть удобенъ...
О боги праздные со громомъ въ небесахъ,
Одной невинности внушающіе страхъ!
Иль ужасаютъ васъ самихъ злодѣйства смѣлы?

Скажите, для кого громовы ваши стрѣлы,
Когда блаженствуетъ коварный Витозаръ?
Когда, чтобъ увѣнчать къ нему свой лютый жаръ,
Пламира!... о судьба!... ты знаешь то, невѣрна,
Колико пламенна моя любовь безмѣрна.
Ты знаешь, какъ тебя супругъ твой обожалъ;
Твой взоръ, единъ твой взоръ мою судьбу вмѣщалъ.
Тобой лишь быть могу блаженъ и злополученъ;
А ты ... слабѣетъ гласъ ... кровь стынетъ ... духъ размученъ
Не можетъ болѣе сей мысли преносить.
Се мой послѣдній часъ... я долженъ смерть вкусить.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИСАНЪ, ВАМИРЪ.

ВАМИРЪ.

Мой Князь!

ВЛАДИСАНЪ.

Оставь меня.

ВАМИРЪ.

Вкуси надежды сладость.

ВЛАДИСАНЪ.

Какую мнѣ принесъ, мой другъ, съ собой ты радость?
Или Пламирою какъ прежде я любимъ?
Отдай скорѣе жизнь ты чувствіямъ моимъ.
Вѣщай, отвѣтствуй мнѣ, какія внялъ ты вѣсти?

ВАМИРЪ.

Усердью слѣдуя, и должности, и чести,
Граждане вѣрные храня тебѣ любовь,
Готовы за тебя пролить свою всю кровь,
Чтобы тебя опять увидѣть на престолѣ.

ВЛАДИСАНЪ.

Пойдемъ, когда то такъ, пойдемъ не медля болѣ
Тиранну моему вонзить мечъ острый въ грудь.

ВАМИРЪ.

Но прежде должно намъ устроить вѣрный путь,
Гдѣ понесемъ на тронъ тебя дражайше бремя;
Къ собранью нужныхъ силъ потребно прежде время.
Что въ томъ, когда воздѣвъ на рамена тебя,
Погибнемъ и тебя съ собою погубя,
Когда и кровь твоя безцѣнная прольется.

ВЛАДИСАНЪ.

Но завтра мой злодѣй съ Пламирой сопряжется;
Но завтра тронъ, народъ и весь мнѣ свѣтъ ничто.

ВАМИРЪ.

Стыдись, когда еще тебя терзаетъ то,
Что слабая жена не чувствуя позора,
Порочна хочетъ быть, не потупляя взора,
Стыдись въ тотъ часъ, какъ сонмъ твоихъ вѣрнѣйшихъ чадъ....

ВЛАДИСАНЪ.

О рокъ! такихъ ли я, Пламира, ждалъ наградъ?
Повсюду окруженъ тиранскими сѣтями,
Влача жизнь тяжкую пустынями, лѣсами,
Терпя всѣ бѣдствія, стѣсненный нищетой,
Питая духъ твоей одною красотой,
Въ надеждѣ сладостной, что ты хранишь мнѣ вѣрность,
Несчастья моего не чувствовалъ безмѣрность;
И съ трона я низпавъ въ горчайшу саму часть,
Спокоенъ духъ имѣлъ и твердъ, презрѣвъ напасть...
Но такъ сраженну быть дражайшею рукою!...
Ахъ! сжалься надъ моей растерзанной душою,
Ахъ! сжалься надъ моей ты яростью, Вамиръ!
На мѣсто брачнаго дадимъ кровавый пиръ.

Веди меня, веди въ тѣ гнусные чертоги,
Злодѣйству страшному гдѣ попускаютъ боги.
Я тамъ...

ВАМИРЪ.

Тамъ жизнь твою опасности предавъ,
Ихъ торжество свершишь, злодѣйству жертвой ставъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Ты видишь ли ко мнѣ невѣрной омерзенье?
Коль совѣсти ее не трогаетъ грызенье,
Коль сердце ей о мнѣ уже не говоритъ;
Хотябъ наружностью прикрывъ порока видъ,
Притворной скорьбію украшенна во злобѣ
Пришла въ послѣдній разъ меня оплакать въ гробѣ:
Но нѣтъ; въ любви забывъ и честь и неба громъ,
Грядущая въ порокъ съ возвышеннымъ челомъ,
Во упоеніи преступническа жара
Не слышитъ и не зритъ окромѣ Витозара.

ВАМИРЪ.

Я зрю свѣтильника дрожащій, томный свѣтъ,
Идущихъ въ темнотѣ ко гробу онъ ведетъ.
Сокройся, Государь.

ВЛАДИСАНЪ *становяся на колѣни.*

О вы безсмертны боги!
Когда рѣшили то предѣлы ваши строги,
Чтобъ я подобно, какъ порочный человѣкъ,
Стеня, въ несноснѣйшихъ мученьяхъ кончилъ вѣкъ;
Воспомнивъ, что я чтя едину добродѣтель,
На тронѣ смертнымъ былъ отрада, благодѣтель;
Въ награду мнѣ за то Пламиру дайте зрѣть,
И грудь ея пронзивъ, съ ней купно умереть!

Отходитъ въ гробницу.

ВАМИРЪ.

Пойдемъ гражданамъ всѣмъ его являя рану,
Уготовлять ударъ лютѣйшему тиранну.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИСАНЪ во гробѣ, ПЛАМИРА, ЗЕНИДА со свѣтильникомъ.

ЗЕНИДА.

Подъ игомъ горести трепещущей ногой
Влеча смертельное отчаянье съ собой,
У гроба можешь ли ты чѣмъ тоску умѣрить?

ПЛАМИРА.

Супруга моего иду я тѣнь увѣрить,
Что скоро, скоро съ нимъ здѣсь буду обитать.

ЗЕНИДА.

Какая люта мысль! когда должна спасать
Ты сына твоего, отдавъ тиранну руку;
Ты сердца матери опять забыла муку.
И отъ спасительна союза отвратясь,
Желаешь умереть, къ супругу обратясь.
Вѣрь мнѣ; онъ самъ, когда бъ могъ быть гласъ мертвыхъ слышенъ,
Желая, чтобъ на тронъ былъ сынъ его возвышенъ,
Изъ гроба глубины къ тебѣ бы возстеналъ
И въ сынѣ спасть себя тебя бы умолялъ.

ПЛАМИРА.

Исполню я то все, что долгъ повелѣваетъ.
Иль сердце знавъ мое, Зенида помышляетъ,
Что я могу предать, о страшна мысль! кого?

Возлюбленный залогъ супруга моего,
Сіе подобіе драгова Владисана?
Лишь только вображу жестокости тиранна,
Такимъже варварамъ, каковъ онъ самъ свирѣпъ,
Хотящаго отдать въ кровавый ихъ вертепъ
Младенца, Княжеской остатокъ жалкій крови,
Отторгнувъ отъ моей сердечныя любови
Велькара, для того сношу еще сей свѣтъ;
О томъ едина мысль мнѣ смерти злѣй... нѣтъ, нѣтъ,
Мой сынъ! ты будешь живъ, ты будешь сынъ любезный!
Свершу сей лютый бракъ, сей бракъ тебѣ полезный.
Но я предъ олтаремъ въ присутствіи боговъ,
Связавша узелъ злой несносныхъ мнѣ оковъ,
Отъ коихъ днесь моя трепещетъ вся природа,
Передъ лицемъ вельможъ, передъ лицемъ народа
Святѣйшей клятвою тиранна обязавъ,
Чтобы Велькаровыхъ онъ былъ хранитель правъ,
Чтобъ Владисана кровь на тронѣ возсіяла,
Чтобъ сынъ мой счастливъ былъ. за то, что мать страдала.
Потомъ изъ храма я на гробъ сюда пришедъ,
Гдѣ мой супругъ моихъ не ощущаетъ бѣдъ,
Гдѣ ожидаетъ онъ свою Пламиру вѣрну,
Я съ жизнью сей рукой окончу грусть безмѣрну;
И тѣмъ исполню все покорствуя судьбѣ,
Чѣмъ сыну я должна, супругу и себѣ.
Симъ средствомъ исцѣля мою несносну рану,
Жизнь сыну сохраню, а вѣрность Владисану.
Довольны будутъ сынъ, супругъ, я, Витозаръ.

ВЛАДИСАНЪ *во гробѣ.*

Любезный внемлю гласъ и внемлю, о ударъ!
На то, чтобъ слышать мнѣ злодѣйское названье.

ПЛАМИРА *Зенидѣ.*

О ужасъ! слышишь ли во гробѣ ты стенанье?...
О тѣнь любезна тѣнь, мятуща весь мой умъ!

Окровавленный видЪ, питанье горькихЪ думЪ!
Когда мой плачЪ и стонЪ, и все мое страданье
Проникли до тебя вЪ безвѣстно пребыванье;
Когда то истинна, что сЪ прахомЪ не погасЪ
Сей нѣжный сердца жарЪ, спрягалЪ который насЪ;
ВнявЪ голосЪ мой вЪ сію горчайшую минуту,
Прости, что я могла склониться кЪ браку люту,
Прости, супруга я; но я, увы! и мать:
Я сына твоего должна вЪ сей день спасать;
Должна кЪ отрадѣ я дать видѣть на престолѣ
Твое подобье тамЪ, тебя гдѣ нѣтЪ ужЪ болѣ....

Во гробѣ слышанЪ стонЪ: Пламира приближается ко гробу.

О ВладисанЪ! души несчастной не тревожь;
Стенаніемъ твоимЪ ты мукЪ моихЪ не множь.
Судьбины лютыя покорствуя удару,
Позволь симЪ узамЪ быть спасительнымЪ Велькару.

ВЛАДИСАНЪ.

Моею кровію хотѣла ихЪ купить:
Но боги не дадутЪ злодѣйства совершить.

ПЛАМИРА.

СупругомЪ лишь назвавЪ во храмѣ Витозара...

ВЛАДИСАНЪ *выходитЪ.*

Могу ли ярости сдержать стремленье жара?
То мало, что живу во гробѣ я тобой;
Еще пришла на гробЪ, чтобы ругаться мной,
Пришла твердить твое ужасно злодѣянье!

ПЛАМИРА.

Зенида! гласЪ его!... любезное мечтанье!...
Зенида!... ВладисанЪ!... онЪ самЪ!... его черты!

ВЛАДИСАНЪ.

Невѣрна!

ПЛАМИРА.

Мой супругъ!

ВЛАДИСАНЪ.

Я тотъ несчастный!...

ПЛАМИРА.

Ты!
Ты живъ?

ВЛАДИСАНЪ.

Я живъ на то, чтобъ остріемъ смертельнымъ
Свершити казнь твоимъ злодѣйствамъ безпредѣльнымъ.

ПЛАМИРА.

Противна я тебѣ?... я жизни не берегу.

ВЛАДИСАНЪ.

Противна!...

ПЛАМИРА.

Поражай! вотъ сердце.

ВЛАДИСАНЪ.

Не могу....
Вострепещи, прервавъ священны узы брака!
И видя моего ты смертны тѣни зрака,
Недовершенное твое злодѣйство зри....
Должна ты умереть, преступница! умри.

Возноситъ мечъ, чтобъ Пламиру поразить.

ВАМИРЪ *вбѣгаетъ съ гражданами.*

Удерживая руку Владисана.

Постой! что дѣлаешь, супругъ ожесточенный!

ВЛАДИСАНЪ *порываясь умертвить Пламиру.*

Что должно, что велитъ мой духъ преогорченный.

ВАМИРЪ *удерживая его.*

Невинна... но тираннЪ... она гонима имЪ.

ВЛАДИСАНЪ *бросая мечЪ.*

Невинна! и тобой какЪ прежде я любимЪ!...

ПЛАМИРА.

Гоненія судьбы или мнѣ было мало?
Несчастной мнѣ еще сего не доставало!...
ТакЪ вѣрилЪ ты, что я супругу моему
Могла... ты вѣрилЪ?... нѣтЪ, не вѣрилЪ ты тому.

ВЛАДИСАНЪ *упавЪ кЪ ногамЪ Пламиры.*

О жизнь души моей! дражайшая Пламира!
Прости, когда душа моя горяща, сира,
Которой безЪ тебя вселенная ничто,
КЪ усугубленью мукЪ воображая то,
Что можетЪ оскорбить твою небесну душу,
Прогнѣвала тебя. Я жизнь мою разрушу,
Когда сравнишь твой гнѣвЪ сЪ моею ты виной.

ПЛАМИРА.

АхЪ, можешь ли ты быть виновенЪ предо мной!
Дражайшая вина страданія прелюта!
Все заплатила мнѣ толь радостна минута.
Ты живЪ, забыто все; гоненія небесЪ,
Неправота людей и весь мой адЪ исчезЪ.
Ты живЪ, драгой супругЪ, ты живЪ, меня ты любишь!
Вкушай сихЪ сладость слезЪ, которы ты сугубишь.
Когда бЪ меня виня, чѣмЪ виненЪ ВитозарЪ,
СвершилЪ ты надо мной смертельный твой ударЪ,
ВЪ тотЪ часЪ, вЪ который бы тобой я смерть вкушала;
ВЪ тотЪ самый часЪ тебя любила бЪ и прощала.

ВАМИРЪ *ко гражданамЪ сЪ нимЪ пришедшимЪ.*

Друзья! вы видите тиранскихЪ дѣло рукЪ.

Преступникъ Випозаръ, содѣтель общихъ мукъ,
Издавна сѣя здѣсь своихъ злодѣйствій сѣмя,
Во злости медленной готовилъ гнусно бремя,
Чѣмъ нынѣ онъ тягчитъ на тронѣ согражданъ.
Сей змій, который намъ отъ адскихъ мраковъ данъ,
Кого здѣсь сонмище злодѣевъ обожало,
Въ изгибахъ хитрости свое вращая жало,
Тамъ нашего отца стремился уязвить,
Гдѣ онъ стремился кровь свою за насъ пролить.

ПЛАМИРА.

О варваръ!

ВАМИРЪ.

Но мой сынъ, Вамирова отрада,
Былъ съ помощью боговъ злодѣйствію преграда;
Сей сынъ отечества, сей сынъ любезный мой
Отцу своихъ гражданъ пожертвовалъ собой.
О сколько часть его должна намъ быть завидна!
И сколькобъ жизнь его тогда была постыдна,
Когда, чтобъ нѣсколько безславныхъ дней продлить,
Онъ умеръ бы навѣкъ хотящъ безъ чести жить.
Онъ въ гробѣ; но его свѣтъ славы озаряетъ;
Онъ дышетъ славою и ввѣкъ не умираетъ;
Онъ спасъ отечество, ему отца отдавъ.
О Владисановыхъ защитники вы правъ,
Пріобрѣтенныхъ имъ его души добротой,
Начертанныхъ у насъ въ сердцахъ его щедротой!
Осталось нынѣ намъ то дѣло совершить,
Осталось намъ себя ко славѣ пріобщить,
Къ которой насъ мой сынъ изъ гроба приглашаетъ.
Иль васъ чудовище на тронѣ устрашаетъ?...
Нѣтъ, нѣтъ, друзья; не то являетъ мнѣ вашъ видъ:
Онъ гнѣва пламенемъ багрѣющій горитъ;
Онъ кровь злодѣйскую тиранна лити жаденъ.
И кто возможетъ быть толико гнусно хладенъ,
Безчувственъ столько, подлъ, чтобъ Владисана зрѣть
И зря, къ его врагу во гнѣвѣ не горѣть?

ВЛАДИСАНЪ.

Друзья! вашЪ Князь, вашЪ другЪ ко смерти осужденный,
Супруги своея, престола, васЪ лишенный
Нигдѣ убѣжища на свѣтѣ не имѣлЪ;
И вотЪ сей только гробЪ его одинЪ удѣлЪ.
Но сЪ вами я теперь; да вострепещетЪ злоба,
Я сЪ вами, и мнѣ шагЪ одинЪ на тронЪ изЪ гроба,
На оный тронЪ, гдѣ васЪ равно любилЪ какЪ чадЪ.

ПЛАМИРА.

Пламира, ВладисанЪ, нашЪ сынЪ и весь сей градЪ
ПодЪ игомЪ варварскимЪ презлѣйшаго тиранна!
Со трона, истинна его ногой попранна.
Завѣсой честности закрытый сей злодѣй,
Сіе страшилище и неба и людей,
Все вЪ жертву принося своей прегнусной страсти,
ЛишивЪ меня всего, лишивЪ супруга, власти,
ХотѣлЪ, тиранствуя и сердцемЪ онЪ моимЪ,
ЧтобЪ бракомЪ я была соединенна сЪ нимЪ.
Упорности моей назначилЪ мнѣ вЪ награду
ОнЪ сына умертвить, мою одну отраду!
ВелькарЪ несчастливый теперь вЪ его рукахЪ.
Заутра я должна, о страхЪ! смертельный страхЪ!
Иль лютый бракЪ свершить, или лишиться сына.

ВЛАДИСАНЪ.

Открыта вся теперь злодѣйствЪ его пучина,
Котору сокрывалЪ коварства маркЪ, отЪ глазЪ.
Какою хитростью обманывалЪ онЪ васЪ!
Вы зрите, тартарЪ онЪ прикрытый небесами.

ВАМИРЪ *вынимая мечЪ.*

ЧтобЪ истребить его, клянитеся мечами.

ХОРЪ *гражданЪ, обнажившихЪ свои мечи.*

Зри нашу клятву ты на острыхЪ сихЪ мечахЪ!
На нихЪ твоимЪ врагамЪ сверкаетЪ смерть и страхЪ!

Да упадетъ тираннъ со трона,
Смутя злодѣйствами нашъ градъ!
Сей врагъ, рушитель сей закона,
Да упадетъ во адъ!

ВАМИРЪ.

Друзья! усердья чадъ отцу стенящу сладко;
Но должно обратить намъ въ пользу время кратко,
Которое даетъ оставшей ночи мракъ;
Ужъ скоро, скоро здѣсь зари багряный зракъ
Предвозвѣститъ тотъ день, который зрѣть не долженъ
Кровавый нашъ тираннъ, въ злодѣйствахъ остороженъ.
Пойдемъ, сообщниковъ число умножимъ мы,
И поспѣшимъ сюда извлечь изъ гроба тьмы,
И возвратить на тронъ Пламиру, Владисана.

ПЛАМИРА.

Ахъ! сынъ несчастный мой во власти у тиранна!

ВАМИРЪ.

Невинности его защита небеса.

ВЛАДИСАНЪ *Пламирѣ.*

Въ минуты я сего сладчайшаго часа,
Въ который для тебя тобою оживаю,
За сына, за тебя я только унываю.
Но какъ ни будетъ мнѣ днесь рокъ мой лютый строгъ;
Мнѣ счастье у твоихъ умреть любезныхъ ногъ!

ПЛАМИРА.

Ты счастье мнѣ принесъ на тронъ, гдѣ нынѣ злоба;
Я счастіе найду съ тобой и въ мракѣ гроба.

КОНЕЦЪ

Четвертаго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЛАМИРА, ВЛАДИСАНЪ.

ПЛАМИРА.

Уже заря верьхи горъ здѣшнихъ позлащаетъ.
Вамира медленность мнѣ сердце разрываетъ!
Въ усердіи своемъ Вамиръ остановленъ.
Конечно онъ въ сей часъ тиранномъ уловленъ?
Погибла я, увы! я зрю тебя надъ бездной.

ВЛАДИСАНЪ.

Сей сердцу моему толико страхъ любезной,
Сей трепетъ обо мнѣ и горестный сей стонъ
Мой гробъ мнѣ дѣлаетъ стократъ милѣй, какъ тронъ,
Который нашъ тираннъ возмогъ у насъ похитить.
Да придетъ кровью онъ моей себя насытить;
Всей силою рабовъ злодѣйства вооруженъ,
Неправосудными богами покровенъ,
Да придетъ мнѣ явить свое чело крамольно;
Мнѣ добродѣтели моей одной довольно;
Довольно мнѣ меня злодѣйство устрашить,
Или безъ робости по царски смерть вкусить.
Увижу, какъ снесутъ, хотя и безъ вѣнца
Чело священно имъ властителя, отца.

ПЛАМИРА.

Или не знаешь ты сердецъ сихъ смертныхъ низкихъ,
Корыстью, слабостью всегда къ злодѣйству близкихъ.
Твой духъ возвышенный носяся въ небесахъ,
Не можетъ уклонясь провидѣть весь мой страхъ,

Который мракъ въ меня ползущихъ душъ вселяетъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Ихъ низость мнѣ не страхъ, презрѣніе внушаетъ.
Чего страшиться мнѣ, коль я тобой любимъ?
Съ такимъже духомъ я въ сей часъ предстану имъ,
Съ такимъже духомъ ждать моей и смерти стану,
Съ такоюже душой отъ рукъ убійцъ увяну,
Съ какою царствовалъ, рача о счастьи ихъ.

ПЛАМИРА.

Теряешь ты меня въ геройскихъ чувствахъ сихъ
И сына твоего со мною забываешь.
Когда ты смертныхъ такъ за гнусность презираешь;
Что ты для нихъ себя не хочешь сохранить?
Чѣмъ сына можешь ты, Пламиру обвинить?
Сей сынъ не устрашась ни рока, ни тиранна,
Младенецъ; но явилъ, что сынъ онъ Владисана.
Спаси себя отсель; я слѣдую съ тобой:
Пламиры жалобы гонимыя судьбой
И смертныхъ и боговъ склоняя къ отомщенью,
Найдутъ подвижниковъ супруга къ защищенью.
На тронахъ царствуетъ злодѣйство не вездѣ.
Мы обрѣтемъ владыкъ, которые въ бѣдѣ
Разящей насъ свои увидятъ оскорбленья.
Тиранна противъ насъ имъ общи преступленья.
И добродѣтели отдать вѣнецъ твоей,
Возлюбленный супругъ! есть дѣло всѣхъ Царей.

ВЛАДИСАНЪ.

Лишась вѣнца, могу ль я чуждыхъ ждать усердья,
И ползая, искать у троновъ милосердья?
Когда властитель средствъ въ себѣ не можетъ зрѣть,
Позорна жизнь тогда, и должно умереть.

ПЛАМИРА.

Въ какое ты меня отчаянье ввергаешь!
Ты мертвъ меня терзалъ, и живъ еще терзаешь...

Но ахъ! какой вдали мой слухъ пронзаетъ звукъ?
Вина ли радостей моихъ? вина ли мукъ?
Вамиръ, или тираннъ къ мѣстамъ симъ поспѣшаютъ?...
Спасенье ль, смерть ли намъ свѣщи тѣ возвѣщаютъ,
Которы ускоря грядущій лютый день.
Прогнали до конца оставшей ночи тѣнь?...
Оттоль Вамиру путь; но путь сей тихъ и мраченъ...
Остатка вѣрности Вамиромъ плодъ утраченъ!
Сей шумъ, сей блескъ, супругъ драгой, для насъ свирѣпъ:
Оттуда громъ течетъ, гдѣ варваровъ вертепъ.
Для орошающихъ ты слезъ моихъ зѣницы
Скрой жизнь мою съ собой во мракѣ сей гробницы.

ВЛАДИСАНЪ.

Ты любишь ли меня?

ПЛАМИРА.

Не вѣришь ты тому?

ВЛАДИСАНЪ.

Я вѣрю; но хочу, чтобъ сердцу моему
Не страхомъ, твердостью любовь ты доказала,
Которыя и смерть сама не прерывала.

ПЛАМИРА.

Безсильна, признаюсь... но ближе звукъ разитъ,
Свѣтъ умножается... о видъ! о страшный видъ!...
Вельможи, воины, жрецы, тираннъ кровавой!...
И дышетъ воздухъ весь смертельною отравой....
Пламиру любишь ты? за чтожъ ты ей такъ строгъ?
Пламиру любишь ты? увидь ее у ногъ
Близь смерти, своего просящую спасенья.
Содѣтель моего несноснаго мученья,
Свирѣпый Витозаръ какъ ни былъ мнѣ жестокъ,
Съ такою лютостью не тяготитъ мой рокъ;
Не такъ меня терзалъ тиранскимъ сердца свойствомъ,
Какъ мучишь ты меня смертельнымъ симъ геройствомъ...

Ты долженъ моего супруга сохранить,
Котораго не могъ и врагъ мой погубить;
Кого моимъ слезамъ днесь небо возвращаетъ.
За муки имъ оно невинность награждаетъ;
За горесть мнѣ мою лишь онъ одинъ цѣна;
А люто такъ тобой отъемлется она.
Не властенъ ты надъ симъ боговъ драгимъ мнѣ даромъ...
Когдажъ предъ варварскимъ узрю тебя ударомъ;
Трепещуща, зря смерть летящу на тебя,
Отъ вида лютаго освобожу себя,
Въ отчаяньи мое я сердце растерзаю,
И смерти страхъ твоей я смертью окончаю.

ВЛАДИСАНЪ.

Ты хочешь; долженъ я желанье совершить,
И долженъ чести я себя тобой лишить:
Ты хочешь, я иду во мракѣ скрыти гроба
Тотъ видъ, отъ коего содроглася бы злоба:
Иду я робостью униженный твоей,
Иду, стыдяся самъ я слабости моей,
Котору ты одна во сердце мнѣ внушаешь.

ПЛАМИРА.

Тираннъ идетъ; поди, меня ты умерщвляешь,
Поди, сокрой себя, вруча меня богамъ.

ВЛАДИСАНЪ.

Полезный богъ теперь едина твердость намъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИСАНЪ во гробѣ, ПЛАМИРА, ВИТОЗАРЪ,
Вельможи, Жрецы, Воины.

ВИТОЗАРЪ.

Пламиру ль вижу я у тщетныя гробницы,
Встрѣчающу восходъ предутренней денницы

Того торжественна дражайшаго мнѣ дня,
Въ которыйбы себя со мной соединя,
На тронѣ ей сей гробъ забыти надлежало,
Любви досадной мнѣ изъ сердца вырвавъ жало.

ПЛАМИРА.

Мнѣ гробъ забыти сей?... какъ ты его забылъ?
Здѣсь скрыта жизнь моя! кто въ томъ виновенъ былъ?

ВАМИРЪ.

Виновенъ рокъ одинъ; его всевластна сила
Побѣду даровавъ супруга умертвила.
Отвѣтствовать небесъ кто можетъ за предѣлъ?

ПЛАМИРА.

Кто смертныхъ обмануть въ злодѣйствіи умѣлъ;
Иль можетъ въ счастіи надеждой гордой льститься
Отъ ока и боговъ всевидящихъ укрыться?

ВИТОЗАРЪ.

Какая рѣчь? кого виня злодѣйствомъ ты,
Смятенна горестью творишь себѣ мечты?
О мнѣ ль сомнѣніе? всякъ можетъ ясно видѣть,
Что боги увѣнчавъ, не могутъ ненавидѣть,
И знакъ щедроты ихъ на сей главѣ вѣнецъ,
И то, что будешь мнѣ супругой наконецъ.

ПЛАМИРА.

Мнѣ быть супругою? тебѣ?

ВИТОЗАРЪ.

Дала ты слово.
Пылаетъ жертвенникъ и все уже готово.

ПЛАМИРА.

Дала я слово?

ВИТОЗАРЪ.

Ты. Свидѣтели мнѣ въ томъ
Вельможи и жрецы, и мещущіе громъ
Съ небесъ, которы клятвъ рушителей караютъ,
Безсмертны...

ПЛАМИРА.

А они тебя не поражаютъ?

ВИТОЗАРЪ.

Безсмертны, давшіе мнѣ нынѣ царску часть,
Мнѣ ввѣрили свою надъ смертными и власть.
Ступай во храмъ: моей покорствуя ты волѣ,
Рожденна къ власти, будь достойна на престолѣ
Ты рода твоего; сей родъ священный мнѣ
Лишь мною подкрѣпленъ быть можетъ въ сей странѣ;
Сей родъ, котораго стремится гнать судьбина.

Къ Вельможамъ.

Введите вы сюда ея любезна сына.

Велькара приводятъ.

ВИТОЗАРЪ *продолжаетъ къ Велькару.*

Уже ль вошедъ въ себя и пользы зря твои,
Согласенъ восприматъ старанія мои?
Отъ славы твоея не отвращая взора,
Ты зришь ли, что во мнѣ тебѣ нужна подпора?
Отвѣтствуй, хочешь ли себя ты покорять?

ВЕЛЬКАРЪ.

Я далъ уже отвѣтъ: еще ли повторять?
Пріятнѣй умереть мнѣ сыномъ Владисана,
Какъ сыномъ царствовать презрѣннаго тиранна.

ВИТОЗАРЪ.

Младенецъ, юностью, безумствомъ ослѣпленъ
И въ слабости моимъ терпѣньемъ дерзновенъ,
На чемъ ты утвердилъ такую злость презрѣнну?

ВЕЛЬКАРЪ.

Я слабъ отмстить за мать, за честь уничиженну;
Однако я не слабъ презрѣть тебя и смерть.

ВИТОЗАРЪ.

Я вижу должно мнѣ днесь власть мою простерть;
Ставъ выше ихъ мнѣ толь обидна униженья
Возвысить ихъ къ себѣ, презрѣвъ отриновенья.
Ведите ихъ во храмъ.

ПЛАМИРА.

А любишь ты меня!
Почто же ты на смерть несчастну обвиня,
Ты смерть мою въ сей день свершити ускоряешь?
Жестокостью ль одной ты мнѣ любовь являешь?
Покрытый смертію богамъ явлю я зракъ,
Въ слезахъ, трепещуща... какой ужасный бракъ!
Коль хочешь, Витозаръ, въ любви меня увѣрить...
Любовь могу одной лишь кротостью измѣрить....
Ты сжалься надо мной, и бракъ ты сей отсрочь!
На время, день единъ, еще едину ночь
Ты дай у гроба мнѣ слезами насладиться...
Отъ гроба не могу въ сей часъ я удалиться....

ВИТОЗАРЪ.

Когда не можешь ты оставити сей гробъ,
Да сокрушится онъ, вина твоихъ мнѣ злобъ,
Источникъ горестей, которыми терзаясь,
На части сердце рвешь ты мнѣ сопротивляясь.
Ступайте, воины, преобратите въ прахъ
Преграду моего вы счастія.

ПЛАМИРА.

О страхъ.

Бросаясь на воиновъ, хотящихъ исполнить повелѣніе тиранна.

Постойте, варвары! какое дерзновенье!

Нѣтъ; прежде нежели свершите преступленье,
Должны вы растерзать мою стенящу грудь;
Сквозь сердце вамъ мое единый только путь.
Не приближайтеся: Пламира вамъ вѣщаетъ!
Пламира власть свою отъяту возвращаетъ....
На что? на то ль, чтобы престолъ мой возвратить?
Ахъ, нѣтъ! одну сію гробницу сохранить.
Страшитесь; Владисанъ здѣсь злобой пораженный....

ВИТОЗАРЪ.

Что можетъ твой супругъ во гробѣ заключенный?
Скажи.

ВЛАДИСАНЪ *являясь вдругъ изъ гроба.*

Преступника, тиранна наказать.
Зря Князя твоего, что можешь ты сказать?
Злодѣй!

ВИТОЗАРЪ.

Что вижу я?

ПЛАМИРА.

О Владисанъ!

ВЕЛЬКАРЪ.

Родитель!

ПЛАМИРА.

Вельможи! се вашъ Князь! народъ! се твой спаситель!
Се горькихъ слезъ моихъ возлюбленный предметъ!
Разруште гробъ; теперь въ немъ больше нужды нѣтъ.

ВИТОЗАРЪ *къ воинамъ.*

Возникнуть можетъ ли вашъ Князь изъ вѣчна мрака?
И вамъ ли трепетать подложнаго призрака?
О храбры воины! потщитесь истребить
Мечту, которую обманъ возмогъ родить.

ПЛАМИРА.

Обманъ!... сей слезъ потокъ обманъ ли вамъ вѣщаетъ?
Природы пусть одинъ тираннъ не ощущаетъ:
Привыкнувъ къ лютости, дыша коварствомъ онъ,
Возможетъ почитать притворствомъ сердца стонъ:
Но вы, или сему злодѣю вы подобны?
Или мученій тѣхъ не чувствовать удобны,
Которыя меня предъ вами тяготятъ,
И что онъ мой супругъ, толь ясно говорятъ?

ВЛАДИСАНЪ.

Или уныввшіе подъ бременемъ тирана
Не смѣете познать вы друга, Владисана?
Межъ вами ратниковъ тѣхъ славныхъ познаю,
Съ которыми я лилъ отважно кровь мою,
Которы къ славѣ мнѣ сопутниками были;
А днесь они чело подъ иго уклонили
Тиранна гнуснаго, убійцы моего,
Чело, что должно быть страшилищемъ его.

ВИТОЗАРЪ.

Страшитеся меня во гнѣвѣ предъ собою!
О малодушные! послѣдуйте за мною!
Разити научу моею васъ рукой.

ВЕЛЬКАРЪ.

Постойте! онъ отецъ и мой и вашъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, ВАМИРЪ вбѣгая поспѣшно, съ толпою народа.

ВАМИРЪ.

Постой!
Теперь осмѣлитеся забыть вашъ долгъ священный.

На трупахъ соградданъ путь кровью орошенный,
На трупахъ братіевъ тотъ долженъ сотворить,
Кто хочетъ въ лютости отцеубійцемъ быть.
Се общій нашъ злодѣй! се нашъ отецъ гонимый!

Вамиръ становится на колѣни предъ Владисаномъ, а за нимъ, какъ тѣ, которые съ нимъ пришли, такъ и тѣ, которые съ Витозаромъ были.

ВИТОЗАРЪ.

Послѣдній сей ударъ, ударъ неотвратимый!

ИЗБАРЪ *держащій Велькара.*

Еще тебя; еще возможно защитить;
И коль нельзя спасти, возможно отомстить.

Направляетъ мечъ на грудь Велькара.

ПЛАМИРА.

Граждане, воины, спасайте всѣ Велькара!

ИЗБАРЪ.

Не приближайтеся, страшась сего удара.
Иль ваше торжество плачевно будетъ вамъ.

ПЛАМИРА *къ тѣмъ, которые порываются противъ тиранна.*

Постойте!... лютый видъ Пламиринымъ очамъ!
Мой сынъ, несчастный сынъ подъ остріемъ смертельнымъ!

ВЛАДИСАНЪ.

Чудовищи! такимъ злодѣйствомъ безпредѣльнымъ
Какія радости хотите вы снискать?

ИЗБАРЪ.

Въ срединѣ счастія вамъ сердце растерзать.

ВЕЛЬКАРЪ.

О боги! зрю отца и матерь я любезну!
А помощь ихъ закрыть мою не можетъ бездну.
Предъ смертью не могу я ихъ облобызать.
Прости, родитель мой! прости, о нѣжна мать!

ВИТОЗАРЪ *вырывая мечъ изъ рукъ Избара.*

Оставь злодѣйствіе толь гнусно и безплодно:
Погибнуть должно намъ, погибнемъ благородно.
Алкая въ страсти я Пламирою владѣть,
И добродѣтели, и все умѣлъ презрѣть.
Совмѣстника сего пронзити грудь стремился:
Охотно бъ и теперь я кровью обагрился,
Охотно бъ опровергъ престолы, олтари;
Для ней мнѣ все ничто, и боги и Цари:
Но рокъ возвелъ мою надежду толь высоко,
Чтобъ было лишь мое паденіе глубоко;
Чтобъ страшный мной примѣръ вселенной показать,
Что боги есть всегда преступниковъ карать.
Пламиры я лишенъ себя не защищаю;
Прервите вы вашъ стонъ, вамъ сына возвращаю.

ПЛАМИРА *обнимая Велькара.*

О сынъ возлюбленный! сынъ сердца моего.

ВЛАДИСАНЪ *Витозару.*

Симъ дѣйствомъ тяготу преступка твоего,
И лютость мнѣ твоихъ гоненій облегчаешь,
И душу ты мою на благость преклоняешь!
Ты добродѣтелью былъ славенъ въ сей странѣ;
Пребудь таковъ, живи и буди другомъ мнѣ.
Тебѣ всѣ милости я прежни предлагаю,
Тѣ милости мои...

ВИТОЗАРЪ *закалывается.*

А я ихъ отвергаю.

Тебя лишаю средствЪ мнѣ милости казать;
Не можешь ты меня ужЪ ими унижать....
Пламира не моя: коль такЪ судьбы мнѣ строги;
ЧѣмЪ милостивы быть мнѣ могутЪ сами боги?

КЪ Избару.

А ты, который мнѣ толь твердый духЪ казалЪ,
КакЪ я злодѣйства вЪ путь идущій унывалЪ,
Меня смятеннаго вЪ преступкахЪ ободряя!
Учися у меня, ты грудь свою пронзая,
Достойное твоимЪ неистовствамЪ воздать.

ИЗБАРЪ.

Иду тебя, иду и вЪ гробЪ препровождать. *Закалывается.*

ВАМИРЪ.

Оставь, мой Князь, сіи мѣста злодѣйствомЪ полны.
ЖеланьемЪ зрѣть тебя народа шумны волны
ВидѣньемЪ твоего ты взора укроти;
КакЪ солнце намЪ себя по бурямЪ возврати;
Яви ты здѣшнихЪ странЪ на тронѣ озаренье.

ВЛАДИСАНЪ.

ПойдемЪ во храмЪ, воздать богамЪ благодаренье.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

ВЛАДИМІРЪ
И
ЯРОПОЛКЪ,

ТРАГЕДІЯ.

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЯРОПОЛКЪ, Князь Кіевскій. } Сыны Святослава
ВЛАДИМІРЪ, Князь Новгородскій. } Князя Всероссійскаго.

РОГНЕДА, Княжна Полоцкая.

КЛЕОМЕНА, Княжна Греческая, плѣненная Святославомъ при покореніи Херсонеса и живущая у Ярополка.

СВАДЕЛЬ, Вельможа Ярополковъ.

ВАДИМЪ, Вельможа Владиміровъ.

ВАЛЬМИРА, наперсница Рогнедина.

Дѣйствіе въ Кіевѣ въ Княжескихъ чертогахъ.

ВЛАДИМІРЪ
И
ЯРОПОЛКЪ,
ТРАГЕДІЯ.
ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

СВАДЕЛЬ.

ВЪ печальныхЪ Кіева стѣнахЪ Вадима зря,
Могу ль надѣяться, что тихая заря
По грозныхЪ буряхЪ намЪ отЪ Волхова блистаетЪ?
Ужель ВладимірЪ мечЪ злодѣйственный влагаетЪ,
Который вЪ ярости на брата устремлялЪ?
Россію Русскій Князь Россіей истреблялЪ!
Ужель отрада есть стенящему народу?

ВАДИМЪ.

Сомнѣнья не имѣй; и радуйся приходу
Владиміра вЪ сей градЪ. Внимай желанну вѣсть,
Творящую тебѣ, Свадель, безсмертну честь;

Вкушай плоды твоей къ отечеству любови.
Ты словомъ заградилъ потоки общей крови,
Изъ рукъ изторгнувъ мечъ у Князя моего,
Изъ тигра въ агнца ты преобратилъ его.
Увѣдомленъ тобой, что жаръ изчезъ той страсти;
Въ которой Ярополкъ, Россіянъ для напасти
Рогнедою горя, ему соперникъ былъ,
Въ раскаяніе гнѣвъ Владиміръ премѣнилъ;
И чая окончать онъ страстна сердца стоны,
Быть добродѣтельнымъ не зритъ себѣ препоны.

СВАДЕЛЬ.

Блаженства общаго о гнусная вина!
Къ чему, Россія, ты теперь приведена
Волненіемъ страстей твоихъ Князей строптивыхъ!
Твоя зависитъ часть отъ взоровъ женъ кичливыхъ.
Страна героевъ, днесь игралище любви,
Вѣрнѣйшихъ чадъ твоихъ ты плаваешь въ крови:
Но меньше ль и тогда ты будешь униженна,
Какъ злоба братьевъ сихъ пребудетъ прекращенна?

ВАДИМЪ.

Иль новая грозитъ отечеству напасть?

СВАДЕЛЬ.

Тажъ самая любви толь пагубная страсть
Несчастій нашихъ видъ лишь только премѣняетъ;
Раздоры потуша, намъ низость представляетъ
И въ ново бѣдствіе влечетъ сію страну.
Ты знаешь Греческу плѣненную Княжну,
Сію унылую, прекрасну Клеомену;
Она содѣлала толь чудную премѣну:
И слабый Ярополкъ, Гречанкой ослѣпленъ,
Рогнеду позабывъ, даетъ себя ей въ плѣнъ.
Ты зришь теперь, Вадимъ, что миръ сей устроетъ.
Любовь одна Князей душею управляетъ,
И льстивою маня Россіи тишиной,

Готовитъ свой ударъ надъ Кіевской страной:
А я хочу ихъ влечь, прервавъ гражданъ напасти,
Ко славѣ отъ стыда, ко должности отъ страсти;
И слабость истребя изъ Княжескихъ сердецъ,
Ихъ славою хочу быть общихъ благъ творецъ.

ВАДИМЪ.

Но страсти ихъ, когда гражданъ умолкнутъ стоны,
Блаженству общему быть могутъ ли препоны?
Рогнедѣ ль Ярополкъ, Гречанкѣ ли супругъ,
Не все ли то равно, коль обществу онъ другъ,
Коль прекратитель онъ намъ пагубнаго рока?

СВАДЕЛЬ.

Кто страстенъ, слабъ; кто слабъ, тотъ близокъ отъ порока.
Когда бы Княжескій съ Гречанкою союзъ
Касался только лишь однѣхъ любовныхъ узъ;
Когда бы страсть его во сердцѣ затворенна
Къ позору не была престола устремленна,
И еслибъ онъ, любя, Россіи не вредилъ,
Пускай Гречанку бы на тронъ къ себѣ взводилъ.
Но прежнія лютѣй вкушая онъ отраву,
И для утѣхъ своихъ забывъ и долгъ, и славу,
Отца великаго отмещетъ плодъ побѣдъ
И Грекамъ Херсонесъ обратно отдаетъ:
За сердце плѣнницы, ея младенцу брату
Готовитъ тамъ престолъ Россіи во утрату.
Онъ все любви своей на жертву принесетъ.
На тронѣ Россовъ Грекъ раба себѣ найдетъ,
На твердомъ тронѣ семъ, герои гдѣ владѣли,
Отколѣ молніи ужасныя летѣли,
Обьятый Ярополкъ цѣпями изъ цвѣтовъ
Задремлетъ и падетъ къ ногамъ своихъ враговъ.

ВАДИМЪ.

Предвижу бѣдствіе и дни безчестьемъ полны.

СВАДЕЛЬ.

Довольно ли, Вадимъ, что бы ревущи волны
Со брега тщетно зря, въ уныніи стонать?
Намъ должно дѣйствовать и сограждан спасать,
И для отечества низвергшися въ пучину,
Погибнуть, иль его предупредить кончину.
Вельможей на чреду поставлены судьбой
На вышней степени на то ли мы съ тобой,
Чтобъ бреннымъ возносясь лишь правомъ славна рода,
Во гордой праздности, какъ идолы народа,
Пріемля разточенъ безплодно ѳиміамъ,
Безъ чувствъ, гражданъ своихъ мы зрѣли бъ слезы, срамъ,
И блескомъ только титлъ души скрывая малость,
Что жили мы, о томъ оставили бы жалость?...
Народамъ и Царямъ Вельможи суть оплотъ.
Коль въ буйности на тронъ волнуется народъ,
Вельможей долгъ его остановлять стремленье:
Но если Царь, вкуся величества забвенье,
Покорныхъ подданныхъ во снѣдь страстямъ поправъ,
Изступитъ изъ границъ своихъ священныхъ правъ;
Тогда Вельможей долгъ привесть его въ предѣлы.

ВАДИМЪ.

Твоей претвердыя души совѣты смѣлы
Я внемля, слѣдовать тебѣ готовъ во всемъ;
Но вѣрныхъ средствъ не зрю въ намѣреньи твоемъ....

СВАДЕЛЬ.

Для добродѣтели на всѣ бѣды стремиться,
Любить отечество и смерти не страшиться,
Для счастья своего не льстить страстямъ Князей,
Вотъ были способы всегда души моей,
Съ которыми хотя бъ вселенна рушась пала,
Душа бы и тогда моя не трепетала.

ВАДИМЪ.

Я удивляяся геройству такову,

Превосходящему всеобщую молву,
Коль нашихъ яростныхъ Князей воображаю,
Успѣховъ никакихъ себѣ не предвѣщаю.

СВАДЕЛЬ.

Еще не весь для насъ изчезъ надежды свѣтъ.
Любовь ихъ созвала, а слава сопряжетъ.
Взлагая на гражданъ претяжкой власти бремя,
Порочны; но они героевъ нашихъ племя.
Свирѣпства въ ихъ сердцахъ тиранновъ нѣтъ прямыхъ;
Лія кровь подданныхъ, о бѣдствѣ плачутъ ихъ.
Къ отрадѣ Россовъ средствъ я много обрѣтаю,
И даже на любовь надежду возлагаю.
Гречанки горестной необоримый хладъ,
Ея презрѣніе на мѣсто всѣхъ отрадъ,
Которыхъ Ярополкъ въ любви безплодной чаетъ,
Мое намѣренье успѣхомъ увѣнчаетъ.
Я знаю моего кипящій Князя нравъ:
Свою возлюбленну въ досадѣ растерзавъ,
Со ненавидимой Рогнедой съединится.
Симъ способомъ и самъ Владиміръ изцѣлится.
Лишенъ надежды всей къ успѣху въ страсти злой
Изчезнетъ человѣкъ, останется Герой.
Вадимъ! любовь всегда съ надеждой погасаетъ.
Но се Владиміръ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ, СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМІРЪ *самъ къ себѣ.*

Все мои вины вѣщаетъ.
Стыжусь воззрѣть на свѣтъ и сихъ стыжуся стѣнъ,
Средь лавровъ отческихъ, гдѣ былъ я возрощенъ,
Гдѣ добродѣтели великой зрѣлъ примѣры;

А я... о рокъ! моимъ злодѣйствіямъ нѣтъ мѣры!
О бѣдоносна страсть! о пагубна любовь!
Вокругъ меня моихъ гражданъ дымится кровь!
Остатки зданія разрушенна курятся!
Опустошеніе и смерть повсюду зрятся!
Безславны толь слѣды загладить чѣмъ могу?
Ко брату миръ несу какъ лютому врагу!

Къ Свадѣлю.

Свадель! зри съ ужасомъ ты сына Святослава.
Увидь чудовище низринувше всѣ права!
Нелицемѣрный другъ героя и отца,
Какъ долженъ презирать ты Россихъ бѣдъ творца!

СВАДЕЛЬ.

Терзался, зря тебя порочна, развращенна,
Могу ли не любить въ путь славы обращенна?

ВЛАДИМІРЪ.

Меня?... но какъ врага отечества жалѣть,
Который самъ себя не долженъ бы терпѣть,
Который громъ небесъ злодѣйствомъ привлекаетъ,
Котораго сей громъ на то не истребляетъ,
Что не достоинъ онъ быть небомъ пораженъ,
А только челюстью лишь ада поглащенъ?

СВАДЕЛЬ.

Съ собою принося отечеству отраду,
Прерви противъ себя толь смертную досаду:
Несчастьемъ приведенъ порочнымъ, лютымъ быть,
И славу возлюбя, ты долженъ позабыть,
Что совѣсти твоей грызенія питаетъ.
Ко славѣ на пути тотъ медленъ, кто страдаетъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Намѣсто, чтобъ мои страданья укрощать,
Ты горести мои старайся умножать.

Къ усугубленію полезнаго мученья,
Коль можешь, увеличь мнѣ совѣсти грызенья,
Убійца яростный Рогнедина отца,
Рушитель града ихъ и хищникъ ихъ вѣнца,
Врагъ брату моему, Россіи возмутитель,
И смертныхъ, и боговъ кровавый оскорбитель,
Вселенной ужасъ, страхъ и извергъ естества,
Кому лишь фуріи едины божества...
Когда бъ не совѣсти терпѣлъ я казни строги,
Забылъ бы, можетъ быть, что мстители есть боги.

СВАДЕЛЬ.

И такъ, толь сильнаго раскаянія гласъ
Вѣщаетъ ясно мнѣ, что огнь вражды угасъ,
Которымъ пожиралъ Россію ты несчастну;
Что жизнь минувшую и мрачну, и ужасну
Кленя, покажешь всѣмъ, что сынъ героя ты.
Дерзай преобратить прошедшее въ мечты.
Свирѣпа, гнѣвнаго, любовью униженна
Забудь Владиміра въ пороки погруженна
И будь Владиміромъ грядущимъ славы въ путь.
Къ отечеству твою наполнивъ жаромъ грудь,
Изкореня навѣкъ вражду въ обьятьяхъ брата,
Яви, что всякая тебѣ сносна утрата,
Когда отечество возможешь ты спасти.

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ должно ль жизнь ему на жертву принести?

СВАДЕЛЬ.

Велика ль жертва та, чтобъ только жизнь утратить?
Обыкновенный духъ такой цѣною платитъ.
Какой Россіянинъ, отечество любя,
На пользу общества не принесетъ себя?
Но одолѣть себя для счастія народа,
Презрѣвъ отрады всѣ, прельщаетъ чѣмъ природа,
Жить для отечества страдая и крушась...

ВЛАДИМІРЪ.

Что слышу!... трепещу!... какой ужасной гласъ!...
Рогнеда!... Ярополкъ!... я самъ себя страшуся...
И такъ обманутъ я надеждой тщетной льщуся?...
О небо! ты такимъ несчастьемъ мнѣ грозя,
Злодѣйства упреди, меня въ сей часъ разя.

СВАДЕЛЬ.

Такъ благо общества, великихъ душъ утѣха,
Лишь страсти твоя зависитъ отъ успѣха?
Коль гнѣва твоего отринется ударъ,
Не твой ужъ будетъ то, любви то будетъ даръ.

ВЛАДИМІРЪ.

Я къ добродѣтели теку, въ ней славу вижу;
Но безъ Рогнеды все опять возненавижу.

СВАДЕЛЬ.

Что сердце отвратилъ свое твой братъ отъ ней,
Ни малаго о томъ сомнѣнья не имѣй.
Стенаньемъ гордости, свидѣтелемъ измѣны,
Рогнеда подтвердитъ сей истинну премѣны.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ будешь ты моя!... Но ахъ! въ драгихъ очахъ
Лютѣй чудовищей носящихъ смерть и страхъ
Какою льститься я могу отъ ней любовью?
Какъ обагренному ея дражайшей кровью
Предстать мнѣ ей, и чѣмъ то сердце преклонить,
Которое я такъ свирѣпо могъ разить?
Вотъ право: я ея породы истребитель!
Вотъ титло; я всего отечества губитель!
Влекомый фуріей, а не любви рукой!
Любезной достигалъ кровавою рѣкой.

СВАДЕЛЬ.

Хоть раны данныя тобою и глубоки;
Но бѣдства прошлыя не столько намъ жестоки.

Всю злобой упоя презрѣнная любовь
На брата твоего ея волнуетъ кровь
И лютость ей твою въ забвеніе приводитъ.
Надежды нѣкій лучъ мой духъ тебѣ находитъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Чтобъ праведну ея мнѣ злобу истребить,
Скажи, что дѣлать мнѣ, Свадель?

СВАДЕЛЬ.

Героемъ быть.
И брату показавъ весь стыдъ его безъ лести,
Подать ему самимъ собой примѣры чести,
Явить его глазамъ, что ты забывъ вражды,
Дабы загладить всѣ отечества бѣды,
Вознесши гордый духъ превыше мрачной страсти,
Освободилъ себя ея позорной власти:
Гнушайся явно тѣмъ, что твой порочный братъ
Во славѣ не ища равно, какъ ты, отрадъ,
Любовью предъ тобой во узахъ Грековъ связанъ
Того не помнитъ, чѣмъ отечеству обязанъ:
Представь ему... Но мнѣ ль героя наставлять,
Какъ долженъ онъ себя героемъ представлять.
Могу ли такъ вѣщать, какъ дѣйствовать ты можешь?
Когда отечества бѣдамъ конецъ положешь,
Когда изъ братнина исторгнешь сердца ты
Россіи вредныя Гречанки красоты;
Тогда со славою предстанеши Рогнедѣ;
Она узрѣвъ тебя въ преславной сей побѣдѣ:
Всю ненависть къ тебѣ въ почтенье превратитъ;
Герой лишь будетъ зримъ, а врагъ ея забытъ.
И гордый духъ ея измѣной оскорбленный,
Жестоко желчію презрѣнья упоенный
Измѣннику врага конечно предпочтетъ,
Котораго любовь виной ея всѣхъ бѣдъ.
Скорѣе мы враговъ удары забываемъ,
Какъ оскорбленья тѣхъ, которыхъ обожаемъ.

Се братъ твой. Помни: чтобъ Рогнеду заслужить,
Героя долженъ ты теперь въ себѣ явить.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМІРЪ, ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ, ВАДИМЪ.

ЯРОПОЛКЪ.

Мнѣ боги наконецъ щедроту изъявили,
Россіи счастіе; мнѣ брата возвратили,
Который на меня такъ люто воруженъ....
Но что; забудемъ то, чѣмъ духъ нашъ униженъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Воззримъ на тѣ мѣста, гдѣ наша злоба дышетъ,
Кровавой гдѣ рукой безчестіе намъ пишетъ,
Гдѣ слышанъ стонъ гражданъ, и гдѣ, о вѣчный стыдъ!
Братъ брата своего, и сынъ отца разитъ.
Пріемля отъ Князей своихъ примѣры яры,
Герои днесь стремятъ разбойничьи удары.
То само воинство, съ которымъ Святославъ,
Великій нашъ отецъ ко славѣ путь начавъ,
Толь часто потрясалъ престолъ коварныхъ Грековъ,
Подъ властью нашею презрѣнье человѣковъ.
Сражаяся съ собой за нашъ Россія стыдъ,
Сама себя во грудь своимъ мечемъ разитъ.
Давно вѣнцы на насъ; чтожъ дѣлаемъ на тронѣ?
Мы страстны, Государь; а подданны во стонѣ.
Князья ли мы? и въ чемъ Владиміръ, Ярополкъ
Для блага подданныхъ исполнили свой долгъ?
Который гражданинъ, утѣшенъ нашей властью,
И скиптра нашего не чтя себѣ напастью,
Въ восторгѣ радости, вкушая сладость слезъ,
Князей своихъ нарекъ щедротою небесъ?
Ліются токи слезъ; но горесть проливаетъ.

Подъ властью нашей все дрожитъ и унываетъ.
Все гибнетъ пламенемъ и гибнетъ все мечемъ.
Мы правимъ здѣсь; а мы въ погибель все влечемъ.
Отечества враги на троны вознесенны,
Какъ терпятъ боги насъ злодѣйствомъ раздраженны?...
Но слезы вижу я, мой братъ, въ очахъ твоихъ.
Не тщися удержать стремленія ты ихъ.
Не слабость то, когда отечество страдаетъ.
Природы извергъ тотъ, кто жалости не знаетъ.
Пускай въ свирѣпости стыдится слезъ тираннъ:
Не слезы днесь текутъ, но счастіе гражданъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Ахъ! если бъ чувствія толико благородны,
Къ которымъ кажемся довольно оба сродны,
Мой братъ давно пріявъ, себя преодолѣлъ;
Когда бъ, предвидя зло, онъ слезы лить умѣлъ;
Онъ брата бъ не привелъ къ защитѣ устремиться,
И храбрости своей противъ него стыдиться.

ВЛАДИМІРЪ.

Но толико ли сіе уничижаетъ насъ,
Чѣмъ я виновенъ былъ забывъ природы гласъ?
Есть бѣдства безъ меня Россіи къ униженью:
Я слышалъ, общаго врага къ возстановленью,
Плѣненный плѣнницы заразами твоей,
Во угожденіе ты слабости своей,
Въ дарахъ горящія твоей любви безмѣренъ,
Побѣды помрачить Россійскія намѣренъ?

ЯРОПОЛКЪ.

На пользахъ скипетра я вѣся власть мою,
Съ престола никому отчета не даю.
Симъ бракомъ утвердя владѣнье здѣсь безбѣдно,
Въ томъ пользу я найду, что кажется быть вредно.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ тщетно нашъ отецъ для Россовъ побѣждалъ;
Чтобъ славны были мы, вотще того желалъ?

ЯРОПОЛКЪ.

Онъ свой престолъ возмогъ побѣдами прославить;
Я миромъ возмогу ту честь себѣ доставить.
Но то, что мной еще до днесь не рѣшено,
Не будетъ можетъ быть и въ вѣкъ совершено.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ можетъ, Государь, еще Рогнеда льститься?...

ЯРОПОЛКЪ.

За тѣмъ ли здѣсь мой братъ, чтобъ только извѣститься,
Кѣмъ духъ пылаетъ мой? ты миръ ко мнѣ принесъ.
Ко благу общества или твой жаръ изчезъ,
Или къ избранью здѣсь любовницъ мы стремимся?
Оставимъ слабости и оныхъ устыдимся.
Что въ томъ, Рогнедѣ ли, Гречанкѣ ль я супругъ,
Когда отечество любя, тебѣ я другъ?
Къ Свадею.
Поди, Свадель, и градъ наполнивъ торжествами,
Народу возвѣсти желанный миръ межъ нами.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА.

ЯРОПОЛКЪ.

Прихода твоего что мнѣ считать виной?
Или увидѣться желала ты со мной?

КЛЕОМЕНА.

Я шла къ мѣстамъ, гдѣ братъ мой заключенъ страдаетъ,
И тщетно отъ небесъ спасенья ожидаетъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Спасти его одна возможетъ власть твоя.

КЛЕОМЕНА.

Лишенная всего могу ль что сдѣлать я?

ЯРОПОЛКЪ.

Все можешь, все; и бывъ вселенной мнѣ милѣе,
Оружья Грековъ всѣхъ едина ты сильнѣе.
Польсти хоть взоромъ мнѣ твоихъ драгихъ очесъ,
И брату въ тотъже часъ подвластенъ Херсонесъ.

КЛЕОМЕНА.

Ты брату наградишь всю счастія премѣну;
Но чѣмъ обрадуешь печальну Клеомену?
Что въ томъ, что буду здѣсь на тронѣ обладать?
Величье счастія не можетъ намъ подать,
Могу ли позабыть, терзаясь повсечасно,
Сколь было ваше намъ оружіе ужасно?
Ты брату возвратишь державу и вѣнецъ;
Но гдѣ любовникъ мой, скажи, и гдѣ отецъ?

ЯРОПОЛКЪ.

Погибъ любовникъ твой и твой отецъ навѣки:
Но я остановить хочу слезъ горькихъ рѣки,
Изторгнуты изъ глазъ твоихъ отцемъ моимъ;
Я все презрѣвъ, хочу супругомъ быть твоимъ.
Иль славныхъ Россовъ Князь не стоитъ мрачна Грека,
Однимъ родствомъ Царямъ извѣстна человѣка,
Который въ счастіи изъ гроба мнѣ претитъ?

КЛЕОМЕНА.

Мой Князь! сей Грекъ, кого твой духъ толь мало чтитъ,
Герой, за общество пролившій токи крови.
Какимъ ко мнѣ горѣлъ онъ пламенемъ любови!
Ты видишь, о мой Князь! изъ токовъ слезъ моихъ,

И ахъ! ты слышишь то въ стенаньяхъ горькихъ сихъ,
Чего былъ сей герой возлюбленный достоенъ.
Мой жаръ къ нему его кончиною удвоенъ.
Лишился жизни онъ, мой духъ навѣкъ плѣня;
Всего лишился онъ; но только не меня.
Онъ сердце горестно всечасно населяетъ;
Мое стенаніе его одушевляетъ.
Одинъ мой только плачъ награда всѣхъ заслугъ,
Въ которыхъ похищенъ его геройскій духъ.
Въ вѣкъ будетъ въ мысляхъ жить сія душа геройска,
Сей ужасъ вашего неодолима войска.
Ты помнишь, онъ одинъ, какъ лютый твой отецъ
Стремился съ моего отца сорвать вѣнецъ,
Единый лишь Фаретъ противуополченный,
Любовью, самъ себя, превыше вознесенный
Сражаясь, вашихъ всѣхъ мечемъ остановилъ.
Я плѣннабъ не была, когда бы живъ онъ былъ.
Онъ въ брани палъ, и съ нимъ упали наши стѣны,
И счастье пало все стенящей Клеомены.
Героя мнѣ сего возможно ль позабыть?
И позабывъ его, твоей супругой быть?

ЯРОПОЛКЪ.

Я вижу, что тебя мнѣ должно ненавидѣть,
Я вижу;... но страшись меня во гнѣвѣ видѣть,
Жестокая! страшись въ отчаянье привесть;
На жертву мщенію все, все могу принесть.
Меня теперь и самъ Владиміръ укоряетъ,
Что должность Ярополкъ въ твоихъ красахъ теряетъ,
Что славу я отца, къ тебѣ горя, мрачу;
Но я тебѣ за стыдъ мой вскорѣ отплачу.
Преодолѣвъ себя, чѣмъ должно быть, явлюся,
На гибель Грековъ я со братомъ примирюся.
Я больше сдѣлаю: не могши быть любимъ,
Растерзанъ, огорченъ презрѣніемъ твоимъ,
Я гнѣву моему предѣловъ не увижу:
Какъ смертно я люблю, я такъ возненавижу.

Кровь брата твоего безъ жалости пролью
И оправдаю тѣмъ я ненависть твою.

КЛЕОМЕНА.

И такъ умретъ мой братъ несчастенъ и безсловенъ,
Лишь только мукою сестры своей виновенъ!
За что погибнетъ онъ? Что плачу я и рвусь:
Но ктожъ виновенъ въ томъ, что смертно я крушусь?
Гоненья твоего отца ты самъ свидѣтель;
А братъ невинный мой какихъ вамъ бѣдъ содѣтель?

ЯРОПОЛКЪ.

Блаженство общества, достоинство вѣнца
И слава нашего великаго отца,
Мой долгъ и самъ мой братъ, и все мнѣ возглашаетъ,
Что пламень мой къ тебѣ честь нашу разрушаетъ,
Что лютой страстію, въ чемъ я отрадъ не зрю,
Ко утвержденію лишь Грековъ я горю.
Я очи отворилъ и все я вижу ясно:
Коль братъ твой будетъ живъ, для Россовъ то опасно.
Взмужавъ, потщится онъ престолъ свой возвратить
И побѣдителямъ обиды отомстить.

КЛЕОМЕНА.

Достойная вина сердцамъ геройскимъ страха!
Боятся, чтобъ мой братъ свой павшій тронъ изъ праха
Воздвигнувъ, ополчась, обиды не отмстилъ:
Но ктожъ въ героевъ сихъ опасность ту вселилъ?
Кто въ нихъ внушилъ сей жаръ свирѣпѣйшаго гнѣва?
Младенецъ заключенъ и плачущая дѣва!

ЯРОПОЛКЪ.

Поди, поди обнять ты брата своего:
Но помни то, чѣмъ ты должна спасти его.

КОНЕЦЪ

Перваго Дѣйствія.

ДѢЙСТВIЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНIЕ I.

РОГНЕДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Рогнеды гордыя не познаю я болѣ:
Ко трону званная еще не на престолѣ.
Невѣрный Ярополкъ презрѣвши свой обѣтъ,
Тронъ, сердце отъ нея къ ногамъ иной несетъ;
А духъ, Рогнединъ духъ не прибѣгаетъ къ мести?

РОГНЕДА.

Кто гнусенъ предо мной, не стоитъ гнѣва чести.
Жду съ равнодушiемъ измѣны сей конца,
Чтобъ низостей такихъ презрѣть навѣкъ творца.

ВАЛЬМИРА.

Славнѣе упредить позоръ отриновенья.
Оставя совѣсти измѣннику грызенья,
Оставь навѣкъ тебѣ противную страну;
Иную видишь гдѣ себѣ предпочтену.

РОГНЕДА.

Не явно Ярополкъ къ невѣрности стремится
И кажется, что онъ злодѣйствiя стыдится.
Стократно онъ равно каковъ всегда бывалъ,
Съ раскаяньемъ къ ногамъ Рогнеды упадалъ,
И мукой оправдавъ и стонами измѣну,
Мнѣ клялся позабыть навѣки Клеомену.

ВАЛЬМИРА.

Не всель тебѣ, Княжна, не все ли говоритъ,
И самый сей возвратъ, что сердце не горитъ;
Что презрѣнъ отъ иной, у ногъ твоихъ страдаетъ,
Что онъ свой стыдъ твоимъ позоромъ награждаетъ,
Что не любовь его, но гордость лишь вела,
Что если бъ былъ любимъ, забыта бъ ты была.
Ты плачешь?

РОГНЕДА.

Плачу: стыдъ влечетъ сіи потоки;
Но будутъ слезы тѣ измѣннику жестоки,
Которы не любовь, ни злобы ядъ ліетъ.

ВАЛЬМИРА.

Ахъ, если бъ Ярополкъ лишь гнѣва былъ предметъ,
Когда бъ твой духъ отъ узъ возмогъ освободиться,
Которы любитъ онъ, хотя ихъ и стыдится;
Невѣрна сердца ты презрѣвъ ничтожный даръ,
Не медлила свершить съ грозою и ударъ;
Иль благороднѣйшимъ вооружася мщеньемъ,
Унизила бъ его сама твоимъ презрѣньемъ,
И удалясь отсель...

РОГНЕДА.

А я хочу здѣсь быть,
Чтобъ радости его любви всякъ часъ мрачить.
Не тщетныя меня надежды обольщенье
Удерживаетъ здѣсь, едино отомщенье.
Какая радость зрѣть на пасмурныхъ очахъ
Грызенья совѣсти, смятеніе и страхъ,
Мѣшающи въ любовь его свои отравы!
Сей лютый Князь унылъ среди своей державы,
Всемъ властвуя въ своей пространной толь странѣ,
Имѣя страшну казнь своихъ злодѣйствъ во мнѣ,
Чтобъ ихъ свершить, чего онъ будетъ ужасаться.

ВАЛЬМИРА.

Ты будешь между тѣмъ надеждою ласкаться.

РОГНЕДА.

Могу ль иную я надежду днесь питать,
Какъ только, чтобъ его присутствіемъ терзать.
Вѣрь, если бъ онъ свою отвергнувъ Клеомену,
Любовію хотѣлъ загладить всю измѣну;
Когда бъ раскаянья пуская тяжкій стонъ,
Онъ съ сердцемъ бы повергъ опять къ ногамъ мнѣ тронъ;
Ты зрѣла бъ отъ него съ гнушеньемъ отвращенну
Меня къ послѣднему изъ смертныхъ обращенну.

ВАЛЬМИРА.

Но сердце можетъ ли подвергнуться тому,
Что гнѣву гордости угодно твоему?
Въ надеждѣ зрѣть возвратъ, себя ты омрачаешь
Надъ тою пропастью, въ котору упадаешь;
И льстясь его презрѣть покорнаго себѣ,
Не чувствуешь, какъ милъ невѣрный сей тебѣ,
Не чувствуешь, что гнѣвъ презрѣнной страсти слѣдство,
Утѣха гордости, сугубитъ только бѣдство.

РОГНЕДА.

Почто передо мной ту бездну открывать,
Которой я сама стараюсь не видать,
Почто, жестокая? Хвали мою побѣду
И мысли ты со мной безстрастну здѣсь Рогнеду.
Являй всѣ гнусности злодѣя моего...
Въ какія бѣдствія я ввергласъ для него!
Лишилась братьевъ я, родителя лишилась!
Когда бъ измѣнникомъ я симъ не обольстилась,
Цвѣло бъ отечество и царствовалъ отецъ;
Новградскій бы давно на мнѣ сіялъ вѣнецъ;
Могла бы я сама его страшить на тронѣ.
Презрѣла все, чтобъ здѣсь иную зрѣть въ коронѣ!

Презрѣла все, увы, несчастна! для кого?
Въ комъ вижу лютаго злодѣя моего!
Отъ прелестей любви, чѣмъ духъ мой утѣшался,
Ко трону званной мнѣ лишь только гробъ остался.

ВАЛЬМИРА.

Не гробъ тебѣ судьба готовитъ, пышный тронъ;
И Князь, котораго тобой былъ презрѣнъ стонъ,
Владиміръ въ сихъ стѣнахъ...

РОГНЕДА.

Сей Князь отверженъ мною
Увидитъ гордую Рогнеду предъ собою
Невѣрнымъ презрѣнну, оставленну въ стыдѣ,
Надежды для себя не зрящую нигдѣ!
Сколь нашей бѣдности несносенъ намъ свидѣтель,
Который въ насъ къ себѣ презрѣнья былъ содѣтель!

ВАЛЬМИРА.

Владиміръ можетъ ли Рогнедѣ досаждать?
Содѣланно имъ зло стараясь награждать,
И душу давъ и скиптръ, ничѣмъ не востревожитъ...

РОГНЕДА.

Щедрота враженска несчастье наше множитъ.
Онъ будетъ видѣть то, что я лишась всего,
Ждать помощи должна лишь только отъ него.
И се Рогнедино послѣдне униженье,
Въ томъ помощь зрѣть, къ кому питала я презрѣнье!
Услуги будутъ тѣ меня лишь тяготить;
Его покорства стыдъ всечасно мой твердить.
Я стану зрѣть, терпя мученіе презлое,
Въ семъ лютомъ счастіи несчастіе прямое.
Услуги отъ враговъ горчае всѣхъ обидъ.
Ужасенъ для меня Владиміровъ и видъ.

ВАЛЬМИРА.

Стараяся сіи воображать мечтанья,
Ты тщишся умножать твои бѣды, страданья.
Почто того себѣ злодѣемъ представлять,
Кто не былъ бы врагомъ, коль меньше бъ могъ страдать,
Суровость кто твою и гордость позабудетъ
И будетъ рабъ тебѣ, коль презрѣнъ онъ не будетъ?

РОГНЕДА.

Ты о Владимірѣ мнѣ только говоришь;
Но Ярополка ты безчестнымъ такъ ли чтишь,
Чтобъ онъ, когда его тѣмъ слава увядаетъ,
Что онъ невинную Рогнеду покидаетъ,
Безъ угрызенія въ преступокъ погруженъ,
Какъ сущій былъ злодѣй въ порокѣ утвержденъ?
Рогнеда и одна, вѣрь мнѣ, его тревожитъ;
А ежели свою мнѣ помощь пріумножитъ
Отечество его, которо онъ срамитъ,
И слава скипетра, которую онъ тмитъ,
Сколь сильно бъ духъ его любовь ни ослѣпляла,
Измѣнникъ сей Герой, Рогнеда имъ пылала:
Самъ братъ ему напоминаетъ долгъ;
Владиміръ любитъ честь, возлюбитъ Ярополкъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ, РОГНЕДА, ВАЛЬМИРА.

ВЛАДИМІРЪ.

Игралище моей немилосердой части,
Тобой размученный, творецъ твоей напасти,
Княжна! къ твоимъ ногамъ дерзаетъ упадать.
Не мысли, чтобъ себя я льстился оправдать.
Иной, загладить тѣмъ свою вину желая,
Сказалъ бы, твой отказъ презорный вспоминая,

Что въ пламени любви къ Рогнедѣ онъ кипя,
Ее не стоилъ бы, презрѣніе стерпя,
И что тебя лишась, вселенну ненавидя,
Стремился, ничего въ отчаяньи не видя:
Но тщетно все, когда стонаетъ грудь твоя.
Страдаешь ты, и смерть вкусить достоинъ я.
Вотъ грудь растерзанна раскаяньемъ, любовью
И обагренная тебѣ дражайшей кровью,
Вотъ грудь врага: отмщай за братій, за отца,
За гибель твоего народа и вѣнца.
Вина моихъ злодѣйствъ, скончай мою казнь люту,
Въ которой мучуся я каждую минуту;
Всякъ часъ вкушаю смерть разгнѣвавши тебя!
Утѣшь несчастнаго, порочна истребя...
Но очи полныя слезами отвращаешь?
Иль зря раскаянье, ты жалость ощущаешь?

РОГНЕДА.

Я бѣдства всѣ мои въ сей часъ хочу забыть,
И зря Владиміра, могу спокойна быть,
То вѣдая, что онъ свои преступки видя,
Вошелъ въ себя; и всѣ злодѣйства ненавидя,
Для блага общества стремяся къ симъ стѣнамъ,
Желанну тишину принесъ съ собою намъ:
Что въ мысляхъ лишь одно отечество имѣя,
Стыдяся въ братѣ зрѣть преступника, злодѣя,
Который предаетъ Россійскихъ плодъ побѣдъ,
Ко должности его и славѣ онъ зоветъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Что я ни говорилъ, на все то не взирая,
Колеблется мой братъ; и, славу презирая,
Любовью новою жестоко возмущенъ,
Быть кажется совсѣмъ отъ долга отвращенъ.

РОГНЕДА.

Невѣрный!... сколько то Россіянамъ постыдно!
Такъ къ славѣ рвенія ни мало въ немъ не видно?

ВЛАДИМІРЪ.

Не видно. Въ пламенной онъ страсти слѣпъ,
Не видитъ прелестей, къ которымъ сталъ свирѣпъ.

РОГНЕДА.

Хошь любитъ онъ меня, хотя онъ ненавидитъ,
Нѣтъ нужды больше въ томъ; и онъ сіе увидитъ,
Что я безъ горести его презрѣть могу.
Рогнеда я была, Рогнеду собрегу.

ВЛАДИМІРЪ.

Начнижъ презрѣньемъ симъ скорѣй мое блаженство.
Увидишь скоро ты той страсти совершенство,
Въ которой духъ къ тебѣ Владиміра горитъ.

РОГНЕДА.

Иль униженія сего твой духъ не зритъ,
Въ которое себя навѣки ты ввергаешь,
Что брата обратить ко славѣ средствъ не знаешь.
Владиміръ, скажутъ всѣ, не могъ имѣти силъ...

ВЛАДИМІРЪ.

А нужды нѣтъ тебѣ, что бъ онъ тебя любилъ?
Признайся, что его не можешь ненавидѣть.

РОГНЕДА.

Но въ чемъ же страсть мою Владиміръ можетъ видѣть?
Измѣнника презрѣть сама мнѣ честь велитъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Но толь, что честь твоя, и сердце говоритъ?

РОГНЕДА.

Я знаю, слабый духъ того не понимаетъ,
Какъ сердце съ честію Рогнеда соглашаетъ.
Я знаю, что иной отверженъ, посрамленъ

Обидой прежнею никакъ не оскорбленъ,
И возвратясь, еще на новыя дерзаетъ
И слабости свои въ сердца другихъ влагаетъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Я знаю, на меня стремится сей глаголъ...
Достоинъ я такихъ, достоинъ лютыхъ золъ!
Я знаю, должно бъ мнѣ тебя забыть, жестока!
И отвратясь моихъ пороковъ отъ истока,
И безъ твоей красы счастливымъ быть умѣть:
Но какъ ни долженъ бы мой духъ того хотѣть,
Съ какою силою себя ни устремляю,
Изъ сердца рвя тебя, я сердце вырываю.
Смертельно пораженъ, виновенъ ли я въ томъ,
Что и безсмертныхъ мнѣ тогда не слышанъ громъ,
Какъ отчужденъ тебя съ тобою тратя душу,
Я въ страшныхъ мукахъ всѣ къ тебѣ преграды рушу?
Я виненъ ли, что рокъ, немилосердый рокъ
Въ предѣлахъ мнѣ своихъ толико былъ жестокъ,
Что счастье все мое онъ въ той одной включаетъ,
Которая меня презрѣньемъ отягчаетъ.

РОГНЕДА.

Не проникающій премѣны чувствъ моихъ,
Неправеденъ теперь въ укорахъ ты своихъ.
Какъ ни былъ ты въ своемъ отчаяньи мнѣ злостенъ;
Но ты не столько мнѣ, какъ Ярополкъ несносенъ.
Не знаешь ты, что я тебя предпочитаю
И что любить тебя желала бъ...

ВЛАДИМІРЪ.

Понимаю.
Стремишся ты теперь, съ твоей борясь судьбой,
Ко мнѣ желаніемъ, а къ брату всей душой.
Противъ невѣрнаго ты нынѣ раздраженна;
Но можетъ ли моя тѣмъ участь быть блаженна?
Ахъ! чтя любовь твою превыше я всего,

Колико бы желалъ я гнѣва твоего,
Который болѣе твою горячность кажетъ,
Который лишь грозитъ, но вѣчно не накажетъ,
Который...

РОГНЕДА.

Не желай на мѣстѣ брата быть:
Смертельно бы тебя стремилась не любить.

ВЛАДИМІРЪ.

Тѣмъ больше бы свою любовь ты утвердила;
И сердца твоего обремененна сила,
Стараяся тебя отъ ига свобождать,
Принуждена всегда подъ иго упадать.
Противъ невѣрнаго хотя ты гнѣвъ сугубишь,
Стремяся не любить, сильнѣе только любишь.
Безъ пользы стоны, скорбь скрываетъ гордый видъ;
Чѣмъ болѣ гасишь огнь, тѣмъ болѣ кровь кипитъ.

РОГНЕДА.

Иль стонами любовь являютъ непреложно?
Или во гнѣвѣ намъ стонати не возможно?
Не ясно ли тебѣ вѣщала рѣчь моя,
Что братъ твой гнусенъ мнѣ, что ненавижу я?

ВЛАДИМІРЪ.

Единый ли языкъ любовна страсть имѣетъ?
Не всель являетъ огнь, коль духъ во страсти тлѣетъ?
Коль сердце пламенемъ обьятое горитъ,
Не всѣмъ ли страсть тогда изъ сердца говоритъ?
Поступки, видъ лица и тайно воздыханье,
Унылы взоры, все, и самое молчанье
Сокрытыхъ въ сердцѣ искръ есть самый ясный видъ.
Яснѣе словъ самихъ тѣмъ пламень нашъ открытъ.

РОГНЕДА.

Ты видишь то во мнѣ, что видѣть вображаешь;

Къ безславью своему Рогнеду унижаешь,
И мало чтя меня, себя ты мало чтишь.
Ты мысли, Государь, тогда перемѣнишь,
Коль таинство тебѣ души моей открою:
Что я измѣною лишенная покою
Прибытья твоего въ сіи мѣста ждала
И мыслью иногда тебя сюда звала.

ВЛАДИМІРЪ.

Когда то такъ, что ты зря гнусную измѣну,
Познала моея безсмертной страсти цѣну;
Оставь ты стыдъ свой здѣсь, ступай отсель со мной,
Гдѣ тронъ тебѣ готовъ....

РОГНЕДА.

Смущаяся мечтой,
Теряешь въ слабости тебѣ дражайше время.
Пріявъ на рамена отечества все бремя,
Россіи пользу ты старайся соблюсти
И брата къ должности и славѣ привести.
Истребуй отъ него рѣшительна отвѣта:
Потомъ приди спросить Рогнедина совѣта...
Живѣе опиши безчестіе его...
Почто не возмогу, изъ сердца твоего
Всю слабость изтребя, тебѣ тотъ жаръ доставить,
Которымъ бы навѣкъ ты могъ себя прославить;
Который бы въ тебѣ героя показалъ,
Который бы того все сердце растерзалъ,
Превыше Россовъ всѣхъ кто Грековъ почитаетъ..:
О стыдъ! Россійскій Князь къ Гречанкѣ въ страсти таетъ,
Побѣды отчески кидаетъ за ничто:
А брата, сносно ли! не возмущаетъ то.
Ступай, Героя сынъ, и ополчаясь смѣло,
Съ раченьемъ продолжай начатое ты дѣло.
Проси его, моли для имени боговъ;
Грози ему... Когдажъ уже не станетъ словъ,
Коль честь и все забывъ, и страсти лишь покоренъ,

Во ослѣпленіи пребудетъ онъ упоренъ;
Когда намъ помощи ничто не принесетъ;
Тогда я можетъ быть... но Ярополкъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЯРОПОЛКЪ, ВЛАДИМІРЪ, РОГНЕДА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Отвергнувъ я предъ симъ мнѣ твой совѣтъ полезный,
Прогнѣвалъ, можетъ быть, тебя, мой братъ любезный!
Оставь сіе, оставь смятенью моему,
Что брату быть не могъ покоренъ своему;
Что былъ я властвовать безсиленъ надъ собою,
Но днесь достойно я отвѣтствую герою.
Тебѣ я долженъ всѣмъ; ты честь мнѣ возвратилъ.
О всемъ размыслилъ я, что страстію губилъ.
Увидь во мнѣ теперь желанну перемѣну:
Преодолѣвъ себя, оставлю Клеомену.
А чтобъ яснѣй явить, какъ общество люблю,
Опаснаго ея я брата истреблю.
Поди, оставь меня, и будь теперь спокоинъ.
Благодари боговъ, твой братъ тебя достоинъ.
Увидишь ты, какъ я безчестія брегусь;
Съ Рогнедой предъ тобой навѣки сопрягусь.

ВЛАДИМІРЪ *отходя, самъ къ себѣ.*

Злодѣй!

ЯРОПОЛКЪ *къ Рогнедѣ.*

Но предъ тобой могу ли оправдаться?
Достойнымъ быть тебя я чѣмъ могу ласкаться?
Я извиненія ни въ чемъ себѣ не зрю.

РОГНЕДА.

Зри въ самой той любви, въ которой я горю,
Въ безсмертномъ пламени, что презрилъ ты, жестокій!
Въ слезахъ, которыхъ днесь ліются сладки токи.

ЯРОПОЛКЪ.

Избавь меня, избавь отъ зрѣлища сего;
Мученья множишь тѣмъ ты сердца моего,
Сугубишь ты мое ужасное нестройство.
Оставь растерзанна, мнѣ нужно днесь спокойство.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Еще ли скажешь ты, что мной владѣетъ страсть?
Еще ль не отдаю надъ сердцемъ чести власть?

СВАДЕЛЬ.

Мужайся, Государь, избравъ пути толь строги.
Владѣющимъ собой подобны только боги.
Увиди съ высоты ты твердости твоей,
Сколь гнусенъ прежній мракъ предъ блескомъ тѣхъ лучей,
Которыми себя ты нынѣ озаряешь;
Ты симъ однимъ уже съ отцемъ себя равняешь.

ЯРОПОЛКЪ.

Чего лишался я Гречанкою горя!
Я все, что есть терялъ, на свѣтѣ все презря:
А низость, вѣчный стыдъ тому едины слѣдства.
Какія за собой любовь влечетъ намъ бѣдства!
Тронъ, славу, пользу, все взоръ лестный помрачалъ.
Я счастье въ немъ одномъ и жизнь мою встрѣчалъ.

Но то все минуло; ты будешь мнѣ свидѣтель.
Открывшимъ очи какъ прелестна добродѣтель!

СВАДЕЛЬ.

Что бы героемъ быть, одной предайся ей.

ЯРОПОЛКЪ.

Какую горесть я вкушалъ въ любви моей!
Жестокая! за всѣ сердечны восхищенья
Давала желчь вкушать мнѣ злѣйшаго мученья!
Какіе проводилъ мучительны часы!
Но то все кончилось.... Надѣясь на красы,
Иль думаетъ она, что ввѣкъ любить я стану,
Что счастьемъ чту питать погибельную рану?
Обманывается; увидитъ то она.

СВАДЕЛЬ.

Съ какою красотой Рогнеда рождена!

ЯРОПОЛКЪ.

Когда бъ я упоенъ былъ прежнею отравой
И не стремился бы, гася любовь, за славой,
Сказалъ бы, что всея вселенной красоты
Предъ Клеоменою пустыя лишъ мечты;
Что въ сердце радости лія неизреченны,
Безъ ней всѣ кажутся мѣста опустошенны;
Что горесть самая отъ лютости ея
Отрады всякія пріятнѣй для меня....
Но все прошло. Себя къ Рогнедѣ обращаю:
Величіе ея души я почитаю.

СВАДЕЛЬ.

Ты долженъ то, и долгъ и слава то велитъ.
Съ Рогнедой бракъ тебя отъ Грековъ удалитъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Въ нечаянной такой и лютой перемѣнѣ
Какія горести открою Клеоменѣ!

СВАДЕЛЬ.

Несчастна ль, счастлива ль, забудь навѣкъ ее:
Привыкни находить въ томъ счастіе твое,
Рогнеду чтобъ любить, ей нравиться единой.

ЯРОПОЛКЪ.

Оставленна отъ всѣхъ, гонимая судьбиной,
Стеняща плѣнница, забвенная и мной,
Лишась отца, съ своей раставшися страной,
Теряетъ и меня. Зри часть ея презлосну...
Но должно бъ умѣрять ей гордость толь несносну,
Свадель?

СВАДЕЛЬ.

Престань о томъ и думать и вѣщать,
Удобно что твое спокойствіе смущать.

ЯРОПОЛКЪ.

Ты мыслишь я крушусь? Безстрастенъ и спокоенъ,
Пребудетъ Ярополкъ навѣкъ себя достоенъ.
А чтобъ ты зрѣлъ, какъ я за гордость ей плачу,
Я Клеоменѣ днесь съ тобой предстать хочу.
Пускай жестокая терзаяся застонетъ;
Ни плачъ ея, ни что меня уже не тронетъ.
Что властвую собой, хочу я доказать.
Пойдемъ.

СВАДЕЛЬ.

Ступай себя предъ нею ты терзать,
И павъ къ ногамъ ея, въ ней гордость умножая,
Презрѣнье навлекать, свирѣпу обожая;
Предать отечество, Россійскихъ плодъ побѣдъ
И ввергнуться навѣкъ въ пучину страшныхъ бѣдъ.
Я мыслилъ зрѣть тебя ужъ близко храма славы;
Но ты еще далекъ, наполненъ той отравы...

ЯРОПОЛКЪ.

Остатокъ извини ты слабости моей:

Хотя подъ бременемъ колеблюся душей;
Но не страшись того. Твой слухъ теперь внимаетъ.
Послѣдній стонъ любви, котора издыхаетъ.
Совѣту твоему послѣдовать готовъ.
Мнѣ должно ль бѣдствія Гречанку ввергнуть въ ровъ?
Мнѣ должно ли возвесть къ себѣ на тронъ Рогнеду?

СВАДЕЛЬ.

Поди ты къ ней теперь свершить твою побѣду.

КОНЕЦЪ

Втораго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВЛАДИМІРЪ, ВАДИМЪ.

ВАДИМЪ.

Скрѣпясь, сноси ударъ низпосланный судьбой.

ВЛАДИМІРЪ.

Чѣмъ, небо! виненъ толь Владиміръ предъ тобой,
Что ты себя его напастью утѣшаешь!
Не тыль меня, не тыль къ злодѣйству обращаешь?
Отдай Рогнеду мнѣ, отдай, свирѣпый рокъ!
Иль будешь виненъ ты, коль буду я жестокъ,
Коль мною кровь врага и брата проліется!

ВАДИМЪ.

Коликой славою Владимірѣ вознесется!
Всѣ скажутъ: онъ пришелъ прервать Россіи стонъ;
Героемъ онъ пришелъ, а сталъ убійцей онъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Съ какой свирѣпостью, не страстію сгарая,
А только лишь меня терзати онъ алкая
И утѣшаяся погибелью моей,
Къ Рогнедѣ обратясь, отвергъ меня отъ ней!
Когда бы не было еще его здѣсь брата,
Презрѣніе любви ея была бы плата.
Не можетъ и теперь злодѣй ее любить;
Но мучится, меня чтобъ только погубить.
Возлюбленну свою онъ хочетъ видѣть мертву,

И ненависти онъ любовь приноситъ въ жертву.
Не будешь ты, тираннъ! сей радости вкушать.
Сей день назначенъ мнѣ злодѣйства окончать,
Къ которымъ я на свѣтъ произведенъ судьбою!

ВАДИМЪ.

Забывъ, что онъ твой братъ, рви яростной рукою;
Но радостей не жди, совмѣстника поправъ;
Хотя бъ любимъ ты былъ, нашелъ бы тьму отравъ.
Злодѣйствомъ къ счастію достигнуть не возможно.
Порочныхъ счастіе есть только счастье ложно.

ВЛАДИМІРЪ.

Раскаянья мой духъ не будетъ ощущать:
Мнѣ должно умереть; но должно отомщать!
Или для радостей я къ мести прибѣгаю?
Я смертью съ тѣмъ себя навѣки сопрягаю?
Который позабывъ, что братомъ мнѣ рожденъ,
Одною злобою ко мнѣ одушевленъ;
Который мнѣ пути къ Рогнедѣ заграждаетъ...
Сей варваръ злость свою ко мнѣ въ нее вселяетъ.
Я знаю, какъ мной днесь ругается она.
Къ нему любовію, мнѣ гордостью полна,
Летая въ радости, счастлива и спокойна
И мыслить обо мнѣ не чтитъ меня достойна..
Но вспомнить о себѣ ее принужу я!
Принужу... и рука отчаянна моя
Пронзивши брату грудь и грудь мою несчастну,
Заставитъ клясть ее любовь намъ толь ужасну,
Заставитъ... и ее ко гробу привлечетъ.
Тамъ купно и любви и злобы зря предметъ,
Тамъ въ смертной горести, размученна тоскою
Надъ братомъ возрыдавъ, заплачетъ надо мною.

Къ Вадиму.

Поди, и уготовь послѣдовавшихъ мнѣ
Служити моему отмщенью въ сей странѣ.

Вадимъ, увы! вся въ томъ отрада мнѣ осталась,
Чтобъ часть моихъ враговъ съ моею соравнялась.
Свадель приходитъ при послѣднихъ двухъ стихахъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ, СВАДЕЛЬ.

СВАДЕЛЬ.

Но кто твои враги?

ВЛАДИМІРЪ.

Рогнеда и твой Князь.

СВАДЕЛЬ.

Скажи ты лучше то, скажи не устыдясь,
Что добродѣтель, честь врагами почитаешь.
Вотъ миръ, который ты со братомъ утверждаешь.
Объемля ты его, готовишь смерть ему;
За толь, что слѣдуетъ онъ долгу своему?
Се рока твоего рѣшительны минуты
Тиранновъ злобнѣйшихъ принять названья люты;
Иль обожаемыхъ владыкъ въ пути вступить,
Съ любовію во всѣхъ сердцахъ безсмертно жить,
Или изъ рода въ родъ со ужасомъ мечтаться.

ВЛАДИМІРЪ.

Могу ль любовію вселенной утѣшаться,
Когда лишаюся Рогнеды я навѣкъ?
Всѣ къ добродѣтели мнѣ рокъ пути пресѣкъ!

СВАДЕЛЬ.

Скажи, что днесь тебѣ къ ней путь онъ отверзаетъ,
Для славы твоея твой рокъ тебя терзаетъ.

И къ добродѣтели всѣ смертные текутъ,
Коль счастія пути безтрудно къ ней влекутъ.
Любить ее, то всѣхъ обыкновенно свойство;
Но для нея страдать, вотъ истинно геройство.

ВЛАДИМІРЪ.

Страдати для нея? страдать и я бъ умѣлъ,
Ее на вышнюю чреду бы я возвелъ,
Для добродѣтели я жизни бъ могъ лишиться;
Но ахъ! мнѣ должно днесь съ Рогнедой разлучиться.

СВАДЕЛЬ.

Тѣмъ больше для тебя...

ВЛАДИМІРЪ.

Не внемлю ничего!
И благонравія жестокость твоего
Отчаянной души не изцѣляетъ рану.
Отдай Рогнеду мнѣ; или я кровь лить стану!
Не ты ль, жестокій, самъ мнѣ жалость днесь казалъ?
Жалѣй меня въ сей часъ.

СВАДЕЛЬ.

Жалѣнье ощущалъ
Я къ Князю, совѣсти растерзанну грызеньемъ,
Который, собственнымъ размученъ преступленьемъ,
Изъ пропасти злыхъ дѣлъ ко славѣ обращенъ
И добродѣтели лучами освѣщенъ,
То видѣлъ, кто онъ былъ, и самъ себя страшился
И изъ мучителя отцемъ гражданъ явился.
Но гдѣ теперь сей Князь? яви ты мнѣ его:
Я сердца чувствія открою для него.
Яви Монарха мнѣ, героя, человѣка,
Отраду Россіянъ и ужасъ хитра Грека.

ВЛАДИМІРЪ.

Вступающему въ гробъ все тщетно для меня.

Отдай Рогнеду мнѣ, Владимiръ буду я.
Спаси меня, спаси отечество и брата.

СВАДЕЛЬ.

Но виненъ ли твой братъ? возлюбленной утрата
И смерти злѣйшiя ужаснѣе ему.
Подобенъ горестью онъ брату своему.
Скучаетъ жизнiю, томится и страдаетъ;
Но другъ его въ пути ко славѣ утверждаетъ.
Сей другъ обоихъ васъ къ мученiю влечетъ,
И виненъ въ томъ, что васъ навѣкъ прославитъ свѣтъ.

ВЛАДИМIРЪ.

Когда бъ я могъ познать творца моей напасти,
Я сердце бъ растерзалъ сего врага на части.

СВАДЕЛЬ.

Терзай, коль смѣешь, Князь! Вотъ сердце предъ тобой,
Сраженно бѣдственной отечества судьбой,
Въ путь славы и тебя влекущее, и брата.
Рази, да будетъ смерть за то Свaделю плата,
Что онъ Владимiра героемъ почиталъ.
Рази... за общество я смерть встрѣчать дерзалъ
Съ родителемъ твоимъ на ратномъ полѣ брани:
Но подвергаемы враговъ разящей длани,
И смерть тогда сама щадила дни мои.
Коль хочешь, обагри сѣдины ты сiи
За славу Россiянъ остаткомъ литой крови.
На жертву и меня повергни ты любови.

ВЛАДИМIРЪ.

Князей Россiйскихъ рабъ! какъ можешь ты дерзать
По воли твоея сердца Владыкъ терзать?
И презирая насъ, ты какъ возмогъ забыться,
Чтобъ съ дерзостью такой въ безчинiи открыться?
Или забылъ, кто я? Владимiра губя,
Надежду на кого взлагаешь?

СВАДЕЛЬ.

На себя.

Превыше бѣдствій всѣхъ, готовъ оставить землю,
Спокоенъ въ совѣсти, я страсти грозъ не внемлю.
Не мысли, Государь, ты страхъ въ меня вліять:
Отъемля жизнь мою, не можешь честь отъять.

ВЛАДИМІРЪ.

Не льстися тѣмъ, не льстись: упавъ на мѣстѣ казни,
Властителей твоихъ отверженъ отъ пріязни,
Что ты невиненъ былъ, кто будетъ знать о томъ?
Когда во смертнаго боговъ ударитъ громъ,
Громъ слыша, смертнаго вселенная забудетъ:
Хотя бъ невиненъ былъ, порочнымъ признанъ будетъ.

СВАДЕЛЬ.

А если и весь міръ неправедно судя,
Съ презрѣніемъ меня ко гробу проводя,
Предразсужденія обьятый темнотою,
Одѣнетъ честь мою порока гнусной мглою,
Довольно, ежели покорствуя судьбѣ,
Что безпороченъ я, воспомню самъ себѣ;
И славы звучныя почтеннѣе свидѣтель
У гроба предстоять мнѣ будетъ добродѣтель.

ВЛАДИМІРЪ.

Поди отъ глазъ моихъ; не стоишь ты того,
Злодѣй! чтобъ жертвою быть гнѣва моего.
Живи! ты будешь жить, чтобъ совѣстью терзаться
И добродѣтелью твоей всякъ часъ гнушаться:
Ты будешь жить, чтобъ ставъ злодѣйствъ моихъ виной,
Днесь брата моего сразить моей рукой.

СВАДЕЛЬ.

Доколь хоть слабый лучъ блистать очамъ симъ станетъ,
Дотолѣ честь твоя злодѣйствомъ не увянетъ.

Дерзаетъ кто Владыкъ отъ страсти отвращать,
Тотъ не щадя себя дерзнетъ ихъ защищать.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМІРЪ, КЛЕОМЕНА.

КЛЕОМЕНА.

Къ твоей, мой Князь, къ твоей щедротѣ прибѣгаю!
Я брата твоего всю лютость ощущаю.
За что онъ гонитъ насъ! Всего лишенна я
Послѣднія лишусь отрады моея.
Готовитъ моему онъ смерть младенцу брату,
Закрытой въ будущемъ его вины въ отплату.
Убійства онъ тебя виновникомъ назвавъ,
Въ злодѣйствіи своемъ казаться хочетъ правъ.
Готовъ тиранства мечъ законну власть стремящій:
Князь! человѣчества услыши гласъ стенящій;
Гласъ добродѣтели невнятный лишь звѣрямъ;
Героевъ красоту любезну небесамъ,
И всѣхъ несчастливыхъ то право нерушимо,
Начертанно въ сердцахъ, природою гласимо:
Герой не есть герой, коль онъ не человѣкъ.
Тронися жалостью и облегчи мой вѣкъ.
Ахъ! то ли долгъ Владыкъ, чтобъ кровь несчастныхъ лити!
И трудно ль въ счастіи великодушнымъ быти?

ВЛАДИМІРЪ.

Чего желаешь ты?

КЛЕОМЕНА.

Чтобъ только жилъ мой братъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Смотри, какихъ себя лишаешь ты отрадъ.

Борясь сама съ твоей счастливою судьбою,
Отмещешь ты вѣнецъ плѣненнаго тобою.

КЛЕОМЕНА.

Удобно ли вѣнцемъ несчастной льстить себя?
Ахъ, нѣтъ, мой Князь! я все, что было, погубя,
Несчастье участью моею почитаю:
Не тронъ себѣ, не тронъ, пустыню избираю.
Отвергни бѣдную въ отеческу страну.
Я съ братомъ тамъ на рокъ взлагая всю вину,
Оплакивать свою несчастну долю буду,
И помня то, что я, что я была, забуду.

ВЛАДИМІРЪ.

Какія радости найдешь ты въ той странѣ?

КЛЕОМЕНА.

Ахъ! мало ли утѣхъ осталось тамо мнѣ.
Тамъ прахъ отца и прахъ любовника хранится:
Мой тамо съ ними духъ стенаньемъ съединится.
Гдѣ счастлива была, увижу тѣ мѣста,
Въ которыхъ прежде мнѣ дражайшія уста
Съ толикой вѣрностью клялись меня любити.
Могу ли, Государь, гдѣ счастливѣе быти?
Съ Фаретомъ гдѣ была, чертоги тѣ найду,
Гдѣ хаживала съ нимъ, по тѣмъ тропамъ пойду.
Кропя слезами ихъ, я стану утѣшаться;
Которымъ онъ дышалъ, тѣмъ воздухомъ питаться.
Тамъ будетъ все о немъ тоскѣ моей твердить,
Фарета тѣнь вездѣ я стану находить.
Увижу, гдѣ въ тотъ день... о день! о часъ жестокій!
Какъ крови Греческой лились рѣками токи,
Герой возлюбленный готовяся на бой,
Спасенье выводилъ отечества съ собой.
То мѣсто сердце мнѣ укажетъ смертной скукой,
Гдѣ съ нимъ прощаяся, обьята страшной мукой
Уже въ послѣдній разъ навѣкъ простилась съ нимъ.

Предстанетъ мыслямъ то отчаяннымъ моимъ,
Какъ я идущаго его на мѣсто брани,
Простерши съ высоты трепещущія длани,
Шла духомъ въ слѣдъ ему, глазами проводя:
Въ отчаяньи бѣды предвѣстье находя,
Стенаньемъ, знаками обратно призывала
И ахъ! вторично съ нимъ проститься я желала,
Узрю, гдѣ онъ разя враговъ остановилъ,
И гдѣ сражался такъ, какъ онъ меня любилъ;
Гдѣ строгій рокъ его пресѣкши дней теченье,
Мой вѣкъ преобративъ въ плачъ вѣчный и мученье,
Не могши наконецъ всѣхъ горестей стерпѣть,
Лобзая гробъ его могу я умереть.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЯРОПОЛКЪ, ВЛАДИМІРЪ, РОГНЕДА, КЛЕОМЕНА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ *къ Владиміру.*

Се часъ насталъ, тобой толико ожидаемъ,
Явить, какъ ревностно мы къ обществу пылаемъ.
Гречанку гордую оставилъ я на вѣкъ.
Да радуется Россъ и да трепещетъ Грекъ.
Уже свѣтильники на олтаряхъ пылаютъ,
Твой миръ со мной, мой бракъ съ Рогнедой возвѣщаютъ.
Лишь только вѣчнымъ съ ней союзомъ сопрягусь,
Надменныхъ Грековъ сихъ я кровью обагрюсь,
И брата истребя противной Клеомены,
На Константиновы я устремлюся стѣны:
Владиміръ твердый самъ поборникъ будетъ мнѣ;
И лавры мы пожнемъ въ той самой сторонѣ,
Гдѣ оныхъ сѣмена посѣялъ нашъ родитель.
Какъ я, подобно такъ ты страсти побѣдитель.

Забывъ прошедшее, со мною внидешь въ храмъ,
Предъ самымъ олтаремъ гдѣ бракъ...

ВЛАДИМІРЪ.

Я... буду тамъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Но твой суровый видъ не дружбу предвѣщаетъ;
Иль огнь твоей вражды ко Грекамъ угасаетъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Ты въ храмъ меня зовешь, во храмѣ буду я.

Указывая на Рогнеду.

Довольно ли сего для радостей ея?

Къ Рогнедѣ.

Но счастливой себя ты рано почитаешь.
Напрасно въ радостяхъ ты мыслями летаешь:
Къ веселью, кажется, готово все теперь,
Согласны боги въ томъ; я живъ... богамъ не вѣрь!

РОГНЕДА.

Какое право ты имѣешь надо мною?
Не ты ль мою лилъ кровь свирѣпою рукою?
Не ты ли и отца и братьевъ растерзалъ?
Не тѣмъ ли къ моему ты сердцу путь сыскалъ?
Тираннъ! лишь только я тебя воображаю,
Отъ страха трепещу, отъ горести стонаю.

ВЛАДИМІРЪ.

Все знаю то, чѣмъ я виновенъ предъ тобой;
Но мнѣ тебя любить предписано судьбой:
Но мнѣ страданія сносить не льзя ужъ болѣ.
Была ль ты отъ меня когда въ такой злой долѣ?
Не льстись, свирѣпая, спастися отъ меня!
Я живъ еще, я живъ, и я горю стеня.
Страшись! еще твое блаженство не свершенно
И остріе еще мнѣ въ сердце не вонзенно.

Коль хочешь отъ моей избавиться любви,
Ищи спасенія себѣ въ моей крови,
Блаженства твоего ищи въ моемъ ты гробѣ.
Вотъ тамъ конецъ любви и мукъ моихъ и злобѣ!
Я живъ!... ничто съ тобой не разлучитъ меня,
Ни брата кровь, ни громъ, ни ненависть твоя.
Хотя бъ отъ рукъ твоихъ мнѣ рокъ судилъ умрети,
Съ тобой спрягусь, чтобъ мигъ тебя моею зрѣти.
Терзайте днесь меня и лейте кровь мою;
Или безъ жалости я вашу пролію,
Тиранны! смерть свою моею упредите
И до злодѣйства меня не допустите.
Самъ храмъ святой меня не можетъ удержать;
Убійца былъ для ней, и буду святотать.
Я тамо кровь лія отчаянной рукою,
Не видя и самихъ безсмертныхъ предъ собою,
Разруша олтари, одну Рогнеду зря,
Достигну до нее, перуновъ громъ презря.

ЯРОПОЛКЪ.

На что перуновъ громъ; моей руки довольно
Остановить твое стремленье своевольно.
Чего любовь сама содѣлать не могла,
То дерзость днесь твоя во мнѣ произвела:
И если бъ я ее и смертно ненавидѣлъ,
Сопрягшася меня ты съ нею бы увидѣлъ;
Что бы явить тебѣ, сколь мало я страшусь,
И чтобъ тебя терзать, всего, что есть, лишусь.

ВЛАДИМІРЪ.

Чтобъ грудь твою пронзить, вотъ вся моя отрада.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

РОГНЕДА, ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ *къ Рогнедѣ.*

Межъ нами рушилась теперь ужъ вся преграда,
Ужъ больше униженъ не будешъ Ярополкъ.
И польза общества, и честь и самъ мой долгъ
Свѣтильникъ воспаля неугасимый брака,
Прогнали страстнаго остатокъ весь призрака,
Чѣмъ столько я себя на тронѣ помрачалъ.
Забудь все, чѣмъ твою я душу огорчалъ;
Во храмѣ, на моемъ возвышенная тронѣ
Во мнѣ измѣнника забудь въ моей коронѣ.
Узри совмѣстницу поверженну къ ногамъ,
Замѣшанну въ толпѣ, причисленну къ рабамъ,
Забвенну, презрѣнну и жалости достойну.
Ступай передъ боговъ, имѣя мысль спокойну,
Увидишь тамъ меня достойнаго тебя.

РОГНЕДА.

Минувшаго и тѣнь изъ мыслей истребя
И вѣря вшедшаго въ себя героя чести,
Иду передъ боговъ, карателей злой лести.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЯРОПОЛКЪ, КЛЕОМЕНА, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ.

Ты гордостью своей лишилася всего,
Содѣлала врагомъ владыку твоего:
Ты вмѣсто скипетра оковы принимаешь,

И брата, и себя, и все пренебрегаешь,
Чтобъ только радости, свирѣпыя вкушать,
Презлѣйшу ненависть ко мнѣ вовѣкъ питать.
Желала ты меня злодѣемъ лютымъ видѣть;
Утѣшся: стану я смертельно ненавидѣть:
Тобою омерзенъ, мнѣ въ гнѣвѣ каждый Грекъ
Теперь быть кажется гнуснѣйшій человѣкъ;
Ихъ гибель съ твоего начну любезна брата...

КЛЕОМЕНА.

Рази; но помни, то послѣдня мнѣ утрата:
Рази, и дней моихъ ты узелъ разрѣши.
Ужъ не останется для горестной души,
Всего лишенной, чѣмъ на свѣтѣ веселиться;
За братомъ и сестра во гробъ переселится...
Но человѣкъ ли ты, или лютѣйшій звѣрь?
Отверзи мнѣ безъ мукъ гробницы мрачну дверь:
Иль столько можешь ты несчастну ненавидѣть,
Чтобъ смерть дая вкусить, хотѣть въ терзаньяхъ видѣть;
Что бы очамъ моимъ явить сей страшный видъ,
Какъ варварска рука младенца поразитъ,
Какъ братъ, невинный братъ влекомъ на мѣсто казни,
Не зная ничего, безъ злобы, безъ боязни
Обьемля, станетъ тѣхъ мучителей ласкать,
Которы повлекутъ безгласнаго терзать?
Скрой видъ сей отъ меня кончиною моею,
Свирѣпою рукой сраженная твоею,
Во гробѣ счастлива, не буду зрѣть того,
Какъ въ сердце мечъ вонзишь ты брата моего:
А можетъ быть, сестры ты кровью утоленный
И тѣнью жалостной моею умоленный,
Несчастну вспомянувъ, которую любилъ,
Которую терзавъ, свирѣпо умертвилъ,
Что бы пожертвовать мнѣ пагубной любови,
Во братѣ сохранить моей остатокъ крови.

ЯРОПОЛКЪ.

Постой. Я чувствую, что я еще люблю;
Но я въ послѣдній разъ мой громъ остановлю.
Тебя упорную на тронъ ведущу року
Впослѣдни умолять унижуся жестоку.
Впослѣдни... помни то! для имени боговъ!...
Уже и брачный храмъ и острый мечъ готовъ...
Трепещешь... трепещи! я самъ себя страшуся!
Когда теперь твоимъ упорствомъ огорчуся...
Въ ужаснѣйшемъ душа волненіи моя...
Я брата поражу... умрешь... умру и я!
Рѣшись въ сей часъ... вотще потоки слезъ сугубить.

КЛЕОМЕНА.

Коль тѣмъ виновенъ братъ, что ты несчастну любишь,
Которая любить не можетъ никого...
Готова жертвой быть спасенія его.
Влеки меня отсель на смертное закланье;
И презираючи страдающей стенанье,
По брачномъ торжествѣ вели готовить гробъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Довольно ли сего ко обличенью злобъ,
Которыя ко мнѣ, жестокая, питаешь?
Но тщетно утомить мою любовь желаешь.
Чѣмъ болѣ мучишь ты, тѣмъ болѣ я люблю,
И если я тебя несклонную гнѣвлю,
Коль сердце я твое свирѣпствомъ раздираю,
Оставь отчаянью; ты видишь, умираю!
Во ослѣпленіи противъ меня твоемъ
Ты хочешь умереть предъ самымъ олтаремъ,
Велишь готовить гробъ: я тронъ уготовляю,
Твою разрушенну страну возстановляю,
На брата твоего взлагаю я вѣнецъ.
Я жизнь любить тебя принужу наконецъ.
Въ коронѣ находить нетрудно намъ отрады.
Иль мнѣ за жаръ и той не хочешь дать награды?

Чтобъ жить, чтобъ обладать и Кіевомъ и мной?
Клянуся небомъ я, клянусь тобой самой,
Клянусь безсмертною къ тебѣ моею страстью,
И каплю слезъ твоихъ считать моей напастью,
Твои желанія всегда предупреждать
И жизнь въ твоихъ очахъ дражайшихъ обрѣтать;
Коль должно, жертвовать тебѣ моею кровью.
Готовься въ храмъ, моей увѣрена любовью:
Что Князь твой обѣщалъ, исполнитъ все супругъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЯРОПОЛКЪ, СВАДЕЛЬ.

ЯРОПОЛКЪ *по нѣкоторомъ молчаніи.*

Безмолвенъ ты, Свадель?

СВАДЕЛЬ.

Ты паки Грекамъ другъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Я послушаніемъ раба усердье мѣрю,
Не умствованьемъ.

СВАДЕЛЬ.

Нѣтъ; еще сему не вѣрю.
Не вѣрю, Государь, хотя ты самъ сказалъ,
Чтобы вознесшійся твой духъ опять низпалъ.

ЯРОПОЛКЪ *съ гнѣвомъ.*

Свадель!

СВАДЕЛЬ.

Пусть гнусный льстецъ безславье Князя множа,
Предатель общества робѣетъ злой вельможа,
Коль очи гнѣвныя властитель обратитъ;

Меня лишь честь твоя и польза Россовъ льститъ.
За нихъ я, Государь, твои обьемлю ноги,
За нихъ всѣ казни мнѣ твои не будутъ строги.
Вотъ грудь моя, рази! я жити не хощу,
Коль жертвой сей гражданъ напасти прекращу;
И жити не могу, коль Князь мой устремится,
На гибель общества и онымъ посрамится.
Рази!... на что мнѣ жить? на толь, чтобъ зрѣть тебя
На тронѣ отческомъ унизивша себя
Изъ обладателя рабомъ любви и Грека?
Отъемли, Государь, остатокъ слабый вѣка
Того, героямъ кто служити пріобыкъ;
Иль жизнь во мнѣ оставь, ты ставши самъ великъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Сокройся отъ меня, мнѣ горестей содѣтель!
Въ пустыняхъ исполняй ты вредну добродѣтель;
Въ изгнаньи ею ты по волѣ веселись,
Ступай, и въ сейже часъ изъ града удались.

Уходитъ.

СВАДЕЛЬ.

Коль Князи истинну отъ троновъ удаляютъ,
Невинны только тѣ, кого они караютъ.

КОНЕЦЪ

Третьяго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГНЕДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Мнѣ удивительно терпѣніе сіе!
Когда свершается безчестіе твое,
Когда на пышный тронъ, тебѣ опредѣленный,
Измѣнникъ красотой иныя ослѣпленный
Возводитъ странницу, ругаяся тобой;
Ты не тревожася ужаснѣйшей судьбой,
Въ молчаньи, кажется, спокойна пребываешь:
Но симъ молчаніемъ меня ты ужасаешь.
Громъ страшный слѣдуетъ нерѣдко тишинѣ.

РОГНЕДА.

Поди и призови Владиміра ко мнѣ.

ВАЛЬМИРА.

Конечно премѣнить его желаешь долю,
И счастіемъ...

РОГНЕДА.

Скорѣй мою исполни волю;
Скажи Владиміру, чтобъ онъ пришелъ въ сей часъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

РОГНЕДА *одна.*

Въ глазахъ свѣтъ меркнетъ, гнѣвъ перерываетъ гласъ!
Восторги ревности! отчаянье смертельно!
Подобное любви отмщенье безпредѣльно!
Вамъ, боги, вы мои! вамъ нынѣ предаюсь!
Любовницей была, и фуріей явлюсь!...
А ты, о вредна страсть, готовяща намъ гробы!
Преобрати свой огнь во мрачный пламень злобы.
Любовь! котору я толь сладостною чла,
Вотъ радости въ тебѣ какія я нашла!
Я зрю невольницу тобой превознесенну,
Себя отверженну, навѣки посрамленну.
Она пріемлетъ скиптръ, а я пріемлю стыдъ:
Но смерть загладитъ все, и въ гробѣ насъ сравнитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

РОГНЕДА, ВЛАДИМІРЪ, ВАЛЬМИРА.

ВЛАДИМІРЪ.

Не тщетно ль счастіемъ Вальмира мнѣ ласкала?
Могу ль повѣрить я? ты зрѣть меня желала?
Или не такъ тебѣ несносенъ я кажусь.

РОГНЕДА.

Что любишь ты меня, не тщетно ли я льщусь?

ВЛАДИМІРЪ.

Люблю ли я тебя! еще ль сего не знаешь?
Еще ли страсти ты моей не примѣчаешь
Въ отчаяньи моемъ, въ очахъ смятенныхъ сихъ,
Въ моихъ восторгахъ всѣхъ, въ несчастіяхъ твоихъ,

Въ свирѣпости, мою затмившей добродѣтель,
Во злодѣяніяхъ, которыхъ я содѣтель,
Въ стенаньяхъ горестныхъ отечества всего,
И ахъ! родителя въ паденьи твоего;
Во всемъ, что въ ужасъ днесь Владиміра приводитъ?
О рокъ! въ несчастьяхъ лишь твоихъ мой духъ находитъ,
Чѣмъ страсть тебѣ мою зловредну доказать.

РОГНЕДА.

Чѣмъ виненъ предо мной, все можешь оправдать,
И можешь быть ты мнѣ всего милѣй на свѣтѣ.

ВЛАДИМІРЪ.

Могу! кто? я? открой въ дражайшемъ мнѣ отвѣтѣ,
Скажи, что дѣлать мнѣ? мнѣ должно ль умереть?
Готовъ лишь кровь мою, всѣ бѣдства претерпѣть.

РОГНЕДА.

Но если предъ тобой Рогнеда изъяснится,
Жаръ скоро, можетъ быть, во хладъ преобратится.

ВЛАДИМІРЪ.

Сомнѣніемъ такимъ мое ты сердце рвешь;
Въ часъ радости моей во грудь мнѣ ядъ ліешь.
Что жертва я любви, тебѣ ли сомнѣваться?
Чѣмъ клясться мнѣ, что я готовъ во все вдаваться?
Какихъ боговъ мнѣ звать? Клянусь твоей красой!...
Ты вѣришь ли теперь? откройся предо мной.
Коль должно не щадить тебѣ на жертву крови,
Я смертью клятву дамъ тебѣ въ моей любови;
Скажи лишь только мнѣ, что должно совершить?
Чѣмъ быть могу я милъ?

РОГНЕДА.

Въ грудь брата мечъ вонзить,
Измѣну наказать, мой стыдъ омыщи кровью,

Злодѣйства тѣмъ твои загладить предъ любовью,...
Но ты оцѣпенѣлъ; куда твой дѣлся жаръ?

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ брата кровь пролить? мнѣ?

РОГНЕДА.

Кто жъ свершитъ ударъ?
Коль будетъ жить твой братъ, не буду я твоею.
Нѣтъ способовъ иныхъ владѣть моей душею.
Стенаньемъ варвара прерви Рогнединъ стонъ!
Содѣлавъ столько ты любви твоей препонъ,
Толико оскорбивъ несчастную Рогнеду,
Ты видишь надо мной нетрудную побѣду;
Любить себя велю, повелѣвая мстить:
Ты можешь то; а ты не хочешь поразить.

ВЛАДИМІРЪ.

Вообрази себѣ, къ чему меня приводишь;
И къ счастью моему какой ты путь находишь!
Велишь злодѣйствіемъ тебя достойнымъ быть!
Братоубійца ты возможешь ли любить?

РОГНЕДА.

Нѣтъ нужды: мщеніе въ обидѣ я имѣя,
Зря кровь, могу любить гнуснѣйшаго злодѣя....
Трепещешь!... не страшись... не льзя порочнымъ быть;
Всему отечеству тѣмъ можешь услужить,
И не злодѣй, герой уже Владиміръ будетъ,
Для блага общества коль братство онъ забудетъ.
Сразить его, тебѣ колико есть причинъ!
Отца великаго достойный ли ты сынъ?
Герой ли ты? Внимай отечества стенанье.
Ты любишь ли меня? услышь мое страданье.
Зри слезы ярости, которы стыдъ ліетъ,
Которы кровь врага въ минуту пресѣчетъ.
Сугубый тронъ тебя, Владиміръ, ожидаетъ,

Рогнеда предстоитъ и быть твоимъ желаетъ.
Лишь только Ярополкъ вздохнетъ въ послѣдній разъ,
Супругой назовешь меня ты въ тотъже часъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Я знаю, Ярополкъ достоинъ лютой казни,
Я знаю, все велитъ презрѣть родства пріязни;
Но низкой хитростью велитъ его сразить.
Въ оливахъ мирныхъ мечъ возможно ли укрыть,
Не облекаяся въ безчестье вѣроломства?
Могу ли я не быть злодѣй въ очахъ потомства?
Когда стремится братъ Россіянъ до стыду,
Себѣ къ безславію, отечества къ вреду,
Пускай уже свое злодѣйствіе свершаетъ
И наше мщеніе съ тобою оправдаетъ;
А мы отшедъ отсель къ престолу моему,
Къ защитѣ общества, къ погибели ему,
Отъ Волховскихъ бреговъ собравши сильны рати,
Открытою войной пойдемъ врага попрати,
И неизмѣнною, побѣдою сразимъ:
Мы далѣ молнію войны распространимъ;
Отъ грома Росскаго тронъ Грековъ потрясется.

РОГНЕДА.

Однако онъ въ сей день съ Гречанкой сопряжется.
Ты хочешь, чтобы я терпѣньемъ облеклась,
Презрѣнна, со стыдомъ отселѣ отвлеклась,
И горестна, враговъ оставила бъ въ утѣхѣ;
Чтобъ на сомнительномъ еще войны успѣхѣ
Мой духъ отмщенія надежду возлагалъ;
А я хочу, чтобъ днесь весь Кіевъ возрыдалъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Вообрази себѣ безчестье. . .

РОГНЕДА.

Малодушный!
Иль ярости одной, иль робости послушный!

Ты не безчестія, страшишся смерти ты.
Поди; стенанія твои обманъ, мечты.
Безъ жалости меня въ мученьи можешь видѣть.
Ты любишь, такъ меня, какъ должно ненавидѣть.
Я средство подаю Рогнеду заслужить,
Я способы кажу меня достойнымъ быть;
А то Владиміръ все презрѣвъ, уничтожаетъ
И быть любезнымъ мнѣ безчестьемъ вображаетъ.
Поди... достойный братъ злодѣя моего!
Покорствуй, будь рабомъ ты брата своего!
Онъ ту, кѣмъ ты горишь, смертельно раздираетъ,
Ставъ лютымъ Грекамъ другъ, онъ брата презираетъ,
Предъ нимъ, въ его очахъ отечество срамитъ.
И слава, и любовь, и все тебя стремитъ;
А ты передо мной вздыхая, только млѣешь:
Злодѣя наказать трепещешь и робѣешь;
Какой еще злодѣй! онъ мнѣ въ сей день постылъ,
А завтра можетъ быть опять мнѣ будетъ милъ.
Коль днесь не ускоришь явить его мнѣ мертва,
То завтра отъ тебя сія безплодна жертва.

ВЛАДИМІРЪ.

Коль такъ, мнѣ должно днесь пронзити грудь его...
Онъ можетъ быть любимъ... довольно мнѣ сего....
Погибнуть долженъ сей отечества предатель:
Я долженъ, долженъ быть его злодѣйствъ каратель
И остріе вонзить во сердце... но за что?
Чего алкаю я, онъ мнѣ даруетъ то.
Въ сей самый часъ, какъ званъ тобой, къ тебѣ стремился,
Со мною Ярополкъ навѣки примирился.
Оставимъ, онъ сказалъ, мы прежнихъ злобъ мечты;
Люби меня: владѣй навѣкъ Рогнедой ты.

РОГНЕДА.

Сей страшный Ярополкъ, тобой непобѣжденный,
Твоею робостью какъ нѣкій богъ почтенный,
Пускай возможетъ всѣмъ царямъ законъ давать

И ими, какъ тобой, равно повелѣвать:
Пускай весь міръ къ его ногамъ восхощетъ пасти;
Но знай, Рогнединъ духъ его превыше власти...
О тѣнь родителя! оставь мою вину,
Которую, собой гнушаяся, кляну,
Что я смятенная унизилась въ забвеньи
Къ убійцѣ твоему простерть мои прошеньи:
Оставь; какъ лютымъ я сего врага ни чла,
Его еще въ сей часъ стокрашъ лютѣй нашла.

Къ Владиміру.

Благодарю тебѣ: твоимъ отриновеньемъ,
Ты разлучилъ меня съ моимъ уничиженьемъ
Быть должною тебѣ, и злобу утвердилъ,
Которой лютый рокъ едва не истребилъ.
Не омрачаяся отмщенія въ надеждѣ,
Ты больше гнусенъ мнѣ, какъ былъ ты гнусенъ прежде.
Я къ брату твоему въ сей самый часъ иду,
Грызенье совѣсти ему съ собой веду.
Коль нѣки прелести во мнѣ онъ прежде видѣлъ,
Не мысли, чтобъ меня онъ такъ возненавидѣлъ,
Чтобы не тронуться стенаніемъ моимъ,
Чтобъ равенъ былъ тебѣ безчувствіемъ своимъ:
Я сердце отворю, явлю, какъ я крушуся.
А ежели уже всѣхъ способовъ лишуся;
Утраченную честь своей рукой найду,
И въ сердце я его со остріемъ войду.
Тамъ смертью помрачу тотъ зракъ побѣдоносный,
Совмѣстницы моей сей образъ мнѣ несносный,
И въ тотъже часъ сама я съ жизнью разлучусь;
Не могши купно жить, съ нимъ въ гробѣ сопрягусь.
Вотъ то намѣренье, которо предпріемлю.
Какъ хочешь рвись, кляни и небо ты и землю;
Но поздно будетъ все. Пустымъ ты звукомъ словъ
Не возвратишь меня.

Рогнеда хочетъ итти.

ВЛАДИМІРЪ.

Остановись... готовъ....

Постой, жестокая!... твою исполню волю.
Кровь брата съединитъ мою съ твоею долю.
Любовь не сопрягла, спрягаетъ злоба насъ.
Вѣрь: будешь ты моя, и будешь въ сейже часъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОГНЕДА, ВАЛЬМИРА.

ВАЛЬМИРА.

Къ чему въ отчаяньи толь лютомъ приступаешь?
Въ какую ты себя опасность повергаешь?
Не видишь...

РОГНЕДА.

Ничего; и видѣть не хочу.
Къ погибели моей я съ радостью лечу,
Лишь только бъ отомстить,

ВАЛЬМИРА.

Но Ярополкъ вступаетъ.

РОГНЕДА.

Спѣши къ Владиміру, скажи, да не дерзаетъ
Еще отмщенію служити моему:
Когда разить, я то сама скажу ему.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЯРОПОЛКЪ, РОГНЕДА.

ЯРОПОЛКЪ.

Быть можетъ, мой приходъ твой паче духъ тревожитъ
И дерзостью моей мои преступки множитъ:
Но я винѣ моей не тщась видъ правды дать,
Что виненъ предъ тобой, пришелъ тебѣ сказать.
Иной, стараяся невиннымъ показаться,
Подлѣй бы только сталъ, дерзая притворяться,
Иной бы могъ сказать, на мѣстѣ бывъ моемъ,
Что зря совмѣстника во братѣ онъ своемъ,
Россію утомилъ враждой единокровныхъ:
Завѣсу въ томъ нашедъ для слабостей любовныхъ;
Блаженствомъ общества закрывъ бы свой порокъ,
Явилъ участникомъ въ своихъ преступкахъ рокъ:
Но къ низкимъ Ярополкъ притворствамъ неспособенъ,
И въ слабостяхъ моихъ я самъ себѣ подобенъ;
Таковъ въ невѣрности, каковъ я былъ любя.
Сражался съ братомъ я, ты знаешь, за тебя;
Но днесь тебя уже Владиміру вручаю.
Спасеньемъ Россіянъ себя не извиняю.
Неодолимою я страстію горю;
И сердце, и престолъ иной навѣкъ дарю:
Не крой и ты себя, свою отверзи душу;
И ежели я твой покой измѣной рушу,
Когда еще того могу достоинъ быть,
Чтобъ гнѣвъ твой на себя хоть мало обратить;
Не притворяяся сама передо мною,
Обременяй меня моею ты виною.
Не гнѣва твоего, молчанія страшусь;
Я скромностью твоей лишь болѣ сокрушусь.

РОГНЕДА.

Не удивляюся, что сильный бывъ властитель,

Возможешь слабый быть ты клятвъ своихъ блюститель;
Что славы не храня и не смотря на честь,
На мѣсто мнѣ любви казалъ едину лесть,
Дщерь Князя обманувъ, въ презрѣнiи оставилъ,
И сердце явно въ путь злодѣйствiя направилъ.
Ты больше дѣлаешь: отечество, вѣнецъ
И самъ себя даешь въ плѣненье наконецъ.
Сынъ побѣдителя стократъ попранныхъ Грековъ,
Уничиженiемъ быть хочешь человѣковъ.
Чего инаго ждать, кто мало чтитъ себя?
Невинну оскорбить, достойно то тебя:
Но вѣдай же и ты, что то меня достойно,
Чтобы презрѣвъ тебя, ждать мщенiя спокойно.
Я пѣнями себя не стану посрамлять;
Еще пылаетъ кто, тотъ долженъ укорять.
Не можешь, сею ты утѣхой услаждаясь,
И зря, какъ буду я стоная и терзаясь
Моей тоской твое величить торжество,
Тѣмъ сердца твоего возвыся божество,
По пѣняхъ ей моихъ предстать въ покорномъ видѣ:
Не пѣни, Государь, но кровь течетъ въ обидѣ.
Чтобъ зрѣть меня въ стыдѣ, дерзнувши оскорбить,
Въ единый хочешь день ты слишкомъ счастливъ быть.
Ты стоновъ отъ моей любви не опасайся,
Какъ хочешь тай, гори и въ страсти погружайся
И прелестей въ красахъ иныя находи;
Но если вѣришь мнѣ, во храмъ ты не входи.

ЯРОПОЛКЪ.

Отъ пѣней бы твоихъ мой духъ возмогъ смутиться:
А устрашить меня Рогнеда тщетно льстится.
Терзался, мысля быть я виненъ предъ тобой;
Но радуюсь, нашедъ согласную со мной.
Я обманулъ себя, твоихъ зря строгость взоровъ.
Любиму должно быть, чтобъ ждать себѣ укоровъ.
Спокойно, сердце днесь могу иной отдать.
Давно бы намъ себя престати принуждать,

И отвратив сердца, не могши съединиться,
Развратом таковым друг с другом согласиться:
И ты моглаб того оставить завсегда,
Кто может быть любим, и не был никогда.

РОГНЕДА.

Престол, отца и все на свѣтѣ погубила;
А я тебя, а я, о варвар! не любила.
Чтож дѣлала, скажи? искала ль я чего,
Окромѣ одного лишь сердца твоего?
Не скажешь ли, твоей короны я желала?
Но меньше ль твоея державы потеряла?
Новград пріять меня мнѣ длани простирал.
Не для тебя ль мой дух в нем Князя презирал,
Которому меня, жестокій! ты вручаешь?
Ах! чѣм ты наградишь за то, чего лишаешь?
Прибавь к Владиміру всея вселенной власть,
Давать закон Царям его пусть будет часть,
Отдай и свой вѣнец, в пустыню удалися;
Послѣдую тебѣ, лишь только обратися.
Я там владѣючи единым лишь тобой,
Превыше всѣх Царей, блаженна той судьбой,
Ни тронам, ни богам завидовать не буду
И счастливѣе всѣх, с тобой весь мір забуду.
Ты видишь, и теперь еще ты как мнѣ мил;
Люблю невѣрнаго; а еслиб вѣрен был....
Но ты ни слова мнѣ, тиранн! не отвѣчаешь,
Потерянным со мной ты время почитаешь,
И только ты отсель отвергнуться спѣшишь;
Взираешь на меня; но ты меня не зришь:
И обращаяся душею с Клеоменой,
Ты утѣшаешся лютѣйшею измѣной.
Ты здѣсь; но мыслію во храмѣ ты давно,
Ты слышишь только лишь и видишь то одно.
Безмолвен, очи ты без чувства простираешь:
Ступай, злодѣй! ты мнѣ лишь сердце раздираешь!
Но будешь отвѣчать за низость мнѣ мою,

За стыдъ, за слезы тѣ, которыя лію,
За стоны горестны, за всѣ восторги тщетны,
Которые тебѣ въ сей часъ едва примѣтны,
Которы слышати тебѣ твой огнь претитъ.
Сокройся отъ меня, и скрой съ тобой мой стыдъ!
Все кажетъ мнѣ твою ужасную измѣну;
Ступай на смерть!

Уходитъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Узрю во храмѣ Клеомену.

КОНЕЦЪ

Четвертаго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РОГНЕДА *одна.*

Гдѣ я? куда иду?... отчаянна, смятенна,
Судьбиною на край стремнины приведенна,
Я чувствую, паду въ глубоку бездну бѣдъ!
Я слышу, мнѣ любовь, мнѣ жалость вопіетъ:
Постой, свирѣпая! къ чему ты приступаешь,
И радостей какихъ отъ мщенія ты чаешь,
Свирѣпою рукой чью кровь теперь ліешь?
Какіе ты плоды со злобы соберешь?
Увидь того, кто былъ тебѣ всего милѣе,
Попранна!... что сего возможетъ быти злѣе?
Я зрю трепещуща его въ ручьяхъ крови,
О видъ, ужасный видъ!... се плодъ моей любви...
Геройское чело покрыто смертной тьмою!...
Пускай умретъ... когда спрягается съ иною...
Иную онъ на одръ возводитъ и на тронъ!
Иную... сладокъ мнѣ его смертельный стонъ...
Почто же трепещу? почто же я страдаю?
Ахъ! чувствую, что съ нимъ я купно умираю.
Несчастная! умри, коль должно умереть;
Но будь невинна... Мнѣ во торжествѣ узрѣть,
Который такъ меня жестоко оскорбляетъ,
Который до того несчастну презираетъ,
Что въ сей ужасный часъ, смертельный для меня,
Изъ сердца совѣсть всю и честь изкореня,
И вѣдать онъ о томъ гнушается во страсти,
Живали я еще въ моей несносной части!
Мнѣ жалость ощущать къ лютѣйшему врагу!

Я ненавидѣти его не возмогу....
Онъ знаетъ, что ему я въ жертву приносила,
Онъ вѣдаетъ, его какъ страстнобъ я любила.
Всего лишилась я и все пренебрегла;
И всебъ въ одной его любви найти могла.
Погибнуть долженъ онъ и заплатить мнѣ кровью,
Чего онъ заплатить не могъ своей любовью.
Противъ преступниковъ коль громъ небесъ замолкъ,
Я гряну въ гнѣвѣ....

ЯВЛЕНІЕ II.

РОГНЕДА, ВАЛЬМИРА.

РОГНЕДА.

Что? Владимірь?... Ярополкъ?...

ВАЛЬМИРА.

Во храмѣ Ярополкъ и жертвенникъ пылаетъ.

РОГНЕДА.

Онъ живъ? злодѣй!

ВАЛЬМИРА.

И всю вселенну забываетъ.
Я видѣла, какъ онъ любовью упоенъ,
Неслыханнымъ своимъ безстыдствомъ восхищенъ,
Гордяся гнусностью лютѣйшія измѣны,
Не видя ничего при видѣ Клеомены,
Тебѣ обѣщанный вручая ей вѣнецъ,
Вѣщалъ: „Я дѣлаю твоимъ бѣдамъ конецъ.
„Униженна судьбой, своимъ велика родомъ,
„Владѣй какъ мной, такъ симъ подвластнымъ мнѣ народомъ.

Потомъ къ собранію смятенну обратясь:
„Се вамъ Владычица!...

РОГНЕДА.

Престань.... О робкій Князь!
Владиміръ гнусный! ты меча не извлекая,
Сихъ словъ не прервалъ, грудь измѣннику пронзая!
Чего ты ждешь?... И онъ мнѣ хочетъ измѣнить!
Я вижу, должно мнѣ надежду отложить,
Котору на сего я робкаго взлагаю.
Ему ко счастію дорогу предлагаю;
А онъ, я знаю то, онъ медлитъ и дрожитъ;
Постой! то все одна Рогнеда совершитъ.
Пойду; и въ ярости отчаянной рукою,
Не видя ничего въ смятеньи предъ собою,
Повергну перваго представшаго очамъ,
Не пощажу, хотябъ то былъ Владиміръ самъ,
Мнѣ срама сей злодѣй прибавилъ только къ сраму.

ВАЛЬМИРА.

Стопами томными онъ влекъ себя ко храму.
Онъ шелъ служить тебѣ Владычицѣ своей
И на челѣ его, позорище страстей,
Необычайныя я видѣла премѣны.
Страшася гнуснаго онъ имени измѣны,
Братоубійцемъ быть отъ ужаса блѣднѣлъ;
И вдругъ отъ ярости какъ въ пламени горѣлъ,
Когда воображалъ, что тѣмъ тебя лишится,
Коль мщеніе твое въ сей часъ не совершится.
Я видѣла его имуща грозный видъ,
И видѣла, что онъ въ уныніи дрожитъ.
Казалось мнѣ, уже и мечъ онъ извлекаетъ,
Казалось, слезы льетъ и горестно стонаетъ,
И словомъ, страсти всѣ его волнуютъ кровь:
Отчаяніе, стыдъ, и жалость, и любовь.
Стремится вихремъ вдругъ, и вдругъ онъ каменѣетъ.

РОГНЕДА.

Чтожъ будетъ наконецъ? имъ радость овладѣетъ.
Не сдѣлавъ ничего, придетъ передъ меня
Хвалить свою любовь, меня одну виня.
И что онъ сдѣлаетъ?...

ВАЛЬМИРА.

Тебѣ ли сомнѣваться,
Чтобъ волѣ онъ твоей не сталъ повиноваться.

РОГНЕДА.

Ступай во храмъ, увидь ты робкаго сего,
Всей фуріи моей влей пламень ты въ него;
Напомни, что ему готовится въ награду:
Скажи, что въ немъ одномъ я зрю мою отраду;
Что Ярополкову я мысля видѣть кровь,
Ужъ стала чувствовать къ Владиміру любовь.
Спѣши... постой... скажи, чтобъ мечъ онъ въ грудь вонзая,
Сказать не позабылъ, что онъ его терзая,
Моей лишь ярости на жертву предаетъ.
Вся сладость моего отмщенья пропадетъ,
Коль издыхая врагъ мой лютый не узнаетъ,
Что злость моя одна его во гробъ ввергаетъ...
Что слышу? стонъ и вопль наполнилъ воздухъ весь!

ВАЛЬМИРА.

Конечно твой злодѣй свой вѣкъ кончаетъ днесь.
Возрадуйся; твоя свершилася побѣда:
Владиміръ обагренъ.

РОГНЕДА.

Несчастная Рогнеда!

ЯВЛЕНІЕ III.

РОГНЕДА, ВЛАДИМІРЪ, ВАЛЬМИРА, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

Свершилось все!... мой братъ!... угодно ль то тебѣ?
Поверженъ Ярополкъ!... я мерзостенъ себѣ!

РОГНЕДА.

Ужъ нѣтъ его!

ВЛАДИМІРЪ.

Увы! скончался братъ любезный!...
Еще ль не вѣришь?... вѣрь, мои зря токи слезны...
Зря ужасъ на лицѣ, жестокая, повѣрь!...
Я самъ себя стращусь!... довольна ль ты теперь?
Спокойна ль?... торжествуй!... насытилася злоба!
Низверженъ братомъ братъ во мрачны тѣни гроба!
И блѣденъ, и кровавъ!... его померкшій видъ
Владиміру небесъ отмщеніемъ грозитъ.
Повсюду слѣдуетъ сей страшный зракъ за мною!
Братоубійца я! Мнѣ нѣтъ нигдѣ покою!...
Я зрю, какъ воинствомъ моимъ онъ окруженъ,
Въ минуту острыми мечами изъязвленъ,
Взирая на меня укоровъ полнымъ окомъ,
Измѣны смерть вкушалъ въ молчаніи глубокомъ.
Я слышу сей его мой духъ пронзившій гласъ,
Которымъ совершилъ онъ свой послѣдній часъ:
„Оставьте, небеса, вы брату ослѣпленну
„Вину его, не имъ, но страстью сотворенну!...
Ставъ гнусенъ и себѣ, и смертнымъ, и богамъ,
Хотѣлъ бы я въ сей часъ себя убѣгнуть самъ!...
Но ты осталась мнѣ единая отрада.
Уже ли рушилась межъ нами вся преграда?
О плодъ, дражайшій плодъ злодѣйства моего!
Ужель все кончилось для мщенья твоего?

РОГНЕДА.

Ахъ, что содѣлалъ ты!

ВЛАДИМІРЪ.

Что злость твоя велѣла,
Въ чемъ кровь противилась, чего любовь хотѣла,
И словомъ, лютый твой исполнилъ я приказъ.

РОГНЕДА.

Сокройся отъ моихъ, чудовище, ты глазъ!
Не множи моего смертельнаго мученья!
Не представляй ты мнѣ ужаснаго видѣнья!
Въ крови омытыхъ рукъ!... Кого ты умертвилъ?
И чью ты пролилъ кровь? и чѣмъ онъ виненъ былъ?
За что? и кто велѣлъ? кто въ томъ тебя наставилъ?
И кто судьей тебя надъ Княземъ здѣсь поставилъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Что слышу! небеса!... не тыль велѣла мнѣ?
Не тыль, жестокая? Иль было то во снѣ?

РОГНЕДА.

Велѣла я; но тыль то долженъ былъ исполнить
И кровью братнею мѣста сіи наполнить?
Велѣла я; почто ты вѣрилъ мнѣ, злодѣй?
И ослѣпленіе ты страсти зря моей,
Стремясь къ злодѣйствію, почто не возвратился?
На грудь подъявши мечъ, ты какъ не устрашился?
Почто ты не пришелъ еще меня спросить?
Ты можетъ быть меня возмогъ бы умягчить.
Но нѣтъ; ты братниной алкалъ напиться крови,
Ты смерти моея искалъ, а не любови.
Зачемъ сюда пришелъ? Ты въ Кіевъ миръ принесъ,
Какой ужасный миръ! источникъ смертныхъ слезъ!
Когдабъ не осквернилъ ты града пребываньемъ,
Когда бы воздуха не заразилъ дыханьемъ;

Еще бы Ярополкъ въ волненіи страстей
Пристанища къ бѣдѣ не избралъ бы своей;
Колеблясь, между насъ до нынѣбъ не рѣшился,
И можетъ быть ко мнѣбъ впослѣдокъ обратился.
Ты смерти моея единая вина!
Тобой, злодѣй, всего Рогнеда лишена!
Тобою дней своихъ Рогнеда ненавидитъ!
Мнѣ гнусенъ солнца свѣтъ; его Владиміръ видитъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЛАДИМІРЪ, ВАДИМЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

Чей слышалъ голосъ я? и кто мнѣ здѣсь вѣщалъ?
Рогнеда ли была? иль адъ ко мнѣ дышалъ?
О братъ несчастный! О фурія презлая!
Вадимъ! я виненъ тѣмъ, что злость ея слѣпая
Моею пользуясь несчастной страстью къ ней,
Соединивъ меня со яростью своей,
Прегнуснѣйшимъ въ сей день злодѣемъ учинила!...
О страшная любовь! ты все теперь свершила.
Любовницы своей невиннаго отца
Лишилъ я и сыновъ, и жизни, и вѣнца:
Противъ отечества и брата воружился,
Терзалъ моихъ гражданъ, ихъ кровью обагрился!
Къ злодѣйствамъ симъ чего не доставало мнѣ?
Но мало то: я къ сей приближился странѣ
Подъ видомъ утвердить отечества спокойство,
Во сердцѣ ярость несъ, являючи геройство.
Здѣсь Князь и братъ меня какъ друга воспріялъ;
Онъ мнѣ даруетъ то, чего я столь алкалъ:
Во храмѣ зря меня, меня еще лобзаетъ;
А братъ ему, а братъ во сердце мечъ вонзаетъ!

ВАДИМЪ.

Оставь раскаянье безплодное твое;
И въ пользу время ты употребя сіе,
Старайся избѣжать граждaней здѣшнихъ злобы.
Ты Князя ихъ сразилъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Пускай готовятъ гробы
Они обѣимъ намъ.
Хочетъ заколоться.

ВАДИМЪ *отнимая мечъ.*

Сбери разсудокъ твой,
И вспомни: обществу ты долженъ самъ собой.

ВЛАДИМІРЪ.

Гдѣ я?... густая мгла мнѣ очи помрачаетъ.
О страшна тишина! никто не отвѣчаетъ.
Не вижу я тебя небесъ пресвѣтлый верьхъ.
Живаго кто меня въ подземны бездны свергъ?...
Мое злодѣйствіе.... Какіе скорбны стоны!...
Не здѣсь ли строгіе и праведны законы
Безсмертныхъ истинну злодѣямъ казнь вершатъ?
Какія дремлющи свѣщи меня страшатъ?
Во мракѣ тартара лишь ужасъ умножаютъ!
Какія блѣдныя мнѣ тѣни угрожаютъ?
То жертвы, яростью пожертыя моей!...
Вотъ слѣдствіе въ страстяхъ заблуждшихся Князей.
Кровавые ручьи и виды только мертвы....
А вы несчастные! моей вы злости жертвы!
Граждане! коихъ кровь рѣками проливалъ,
Страданье ваше все я въ сердце воспріялъ!...
Престаньте мучити порочна, но несчастна,
И сжальтесь надо мной!... о жалоба напрасна!
Немилосердаго кто хочетъ пощадить?...
И ты, мой братъ, ты здѣсь!... престань вину твердить,

Злодѣю твоему, убiйцѣ и тиранну.
Закрой еще твою дымящуюся рану,
Котора на меня отмщеньемъ вопiетъ,
Которая не кровь, но казнь мою лiетъ.....
Рогнеда!... Ярополкъ, сокроемся отселѣ!...
Зри страшну фурiю въ ея прекрасномъ тѣлѣ;
Смотри, какъ взоръ ея отъ ярости горитъ;
Взираетъ молнiей и громомъ говоритъ.
Какая злость!... Ещель ты алчешь нашей крови?
Еще ли ищешь ты злодѣйствъ въ моей любови?
Но ихъ умножити что можешь изобрѣсть?

ВАДИМЪ.

Спасемъ его, спасемъ, доколѣ время есть.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДIИ.

СОФОНИСБА,

ТРАГЕ́ДІЯ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СИФАКСЪ, Царь Нумидскій.

СОФОНИСБА, жена его, дочь Асдрубала, брата Карѳагенскаго Аннибала.

МАССИНИССА, Князь Нумидскій, подкрѣпляемый Римлянами, и ищущій своего наслѣдственнаго престола у него Сифаксомъ похищеннаго.

СЦИПІОНЪ, Римскій Консулъ.

ЛЕЛІЙ, намѣстникъ Сципіоновъ.

НАРЦЕСЪ, Массиниссинъ наперсникъ.

ФИЛОНЪ, придворный Сифаксовъ.

ФЕНИСА, КОРИСВА, наперсницы Софонисбины.

Дѣйствіе въ Циртѣ Нумидскомъ городѣ, въ царскомъ чертогѣ, гдѣ тронъ закрытый завѣсами и въ отдаленіи жертвенникъ богамъ.

СОФОНИСБА,

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОФОНИСБА, ФЕНИСА.

ФЕНИСА.

Царица! прекрати тѣ лютыя мученья,
Тѣ совѣсти твоей напрасныя грызенья,
Неправедно твою снѣдающія грудь.
Невинна будучи спокойна ты пребудь.
Въ тоскѣ порочныхъ душъ, ты можешь ли быть зрима?

СОФОНИСБА.

Нумидскій юный Князь, нашъ врагъ и другъ сей Рима,
Сей Массинисса, кѣмъ встревоженъ весь нашъ градъ,
Грозитъ намъ гибелью съ мечемъ у нашихъ вратъ;
И Римомъ подкрѣпленъ, онъ молніей сверкаетъ,
Которую ему злость Рима поручаетъ
Чтобъ тронъ разрушить нашъ Сифакса изтребя;
А я, Сифаксова жена забывъ себя,
Хотяща превратить я Массиниссу въ друга
И скрывъ намѣренье мое отъ глазъ супруга,

Унизилась писать ко общему врагу.
Коль то откроется, чѣмъ оправдать могу?
Хоть правъ поступокъ мой, но кажетъ онъ злодѣйство.
Любови прежнія сіе почтутъ за дѣйство
И возмутится духъ супруга моего.

ФЕНИСА.

Ты льстила ли въ письмѣ любви врага сего?
Не нѣжность, ненависть твоей рукой водила;
Та къ Риму ненависть, которыя вся сила
Тебѣ родителемъ въ наслѣдство предана.
Дщерь Асдрубалова, иль тѣмъ огорчена,
Что слабый твой супругъ, преклонный къ подозрѣнью,
Возможетъ пищу дать безчестному сомнѣнью?

СОФОНИСБА.

Онъ знаетъ всю мою ко Массиниссѣ страсть,
Котору и сама родительская власть,
Согласная съ моей душею, подтверждала;
Въ которой вѣчное я щастье обрѣтала.
Ужъ день желаннаго назначенъ брака былъ:
Но рокъ жестокій все въ ничто преобратилъ!
И Массиниссинъ духъ, прельщенный властью царства,
Повергся наконецъ въ сѣть Римскаго коварства.
Другъ Рима, моему отцу онъ сталъ врагомъ.
Сразила вѣсть сія меня, какъ страшный громъ.
Тогда, я къ олтарю съ Сифаксомъ привлеченна,
Ни смертныхъ, ни боговъ не зрѣла, чувствъ лишенна.
Стѣсняя въ сердцѣ грусть, снѣдая токи слезъ,
Клялась, не смѣюща воззрѣть на свѣтъ небесъ;
Клялась... ахъ нѣтъ! не я тѣ клятвы изрекала...
Что мой языкъ вѣщалъ, душа то отрицала...
Не я клялась, отецъ ту лютость совершалъ,
Отецъ мой клятвы мнѣ ужасныя внушалъ,
Чтобъ Массиниссу ввѣкъ, презрѣвши, ненавидѣть!...
Безсмертные! сердца могущіе провидѣть,
Должны ли были вы тѣ клятвы допустить,
И смертію меня отъ нихъ не свободить.

ФЕНИСА.

И такъ любовью грудь твоя еще томится?

СОФОНИСБА.

Но Софонисбы честь сей страсти не страшится:
Ты въ низостяхъ меня не смѣй подозрѣвать:
Страдаю, но себя умѣю почитать.
Я признаюсь; тебѣ я сердце открываю,
Что я безплодно страсть мою одолѣваю.
О Массиниссѣ мысль питаетъ горькій духъ;
Имъ полно зрѣніе, имъ полонъ весь мой слухъ;
Мою я душу имъ единымъ составляю;
И только лишь тогда о немъ не помышляю,
Какъ горестью, сама лишенная себя,
Не знаю, я живу ль, всѣ чувства погубя.
Но скрыты муки тѣ, тѣ тайны слезы, стоны,
Не добродѣтели, а сердцу лишь уроны.
Порочно ль, вѣчну страсть питая безъ плода,
Въ страданьи умирать, крушася завсегда;
И должности святой храня уставы строги,
По мукамъ только знать, что есть безсмертны боги.

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФОНИСБА, ФЕНИСА, КОРИСВА.

КОРИСВА.

Царица! все теперь открылося, о страхъ!
Письмо несчастное въ Сифаксовыхъ рукахъ.
Разгнѣванный супругъ въ молчаньи взоры мещетъ,
Передъ которыми все въ ужасѣ трепещетъ.
Сокройся, удались отъ ярости Царя.

СОФОНИСБА.

Невинна, не смущусь ничѣмъ супруга зря.

ЯВЛЕНІЕ III.

СИФАКСЪ, СОФОНИСБА, ФЕНИСА, КОРИСВА.

СИФАКСЪ.

Царица безъ души, супруга ты безъ чести,
Достойная моей ужаснѣйшія мести,
Возтрепещи въ твоей винѣ!...

СОФОНИСБА.

Мнѣ трепетать?
Почто?

СИФАКСЪ.

Дерзаешь ты такъ смѣло вопрошать.
Но твердость возпріявъ невинности пристойну,
Напрасно душу ты являешь мнѣ спокойну.
Притворства твоего сквозь завѣсу сію,
Сугубящу мой гнѣвъ зрю горесть я твою.
Злодѣйски не всегда обманываютъ лики.
Признаньемъ отврати ты низости улики,
Достойныя твоей, но не моей души.

СОФОНИСБА.

Стремленье дерзостно ты гнѣва утиши.
Что Софонисба я того не забывая,
Коль хочешь, поражай меня не унижая.

СИФАКСЪ.

Во гнѣвѣ праведномъ мнѣ должно бы разить,
И грудь невѣрную измѣнницы пронзить,
Котора, позабывъ то все, что намъ священно,
Меня предать врагу стремилась ухищренно;
Мнѣ должно бы пролить твою порочну кровь,
За тронъ, за общество, а паче за любовь,
Любовь безмѣрную тобою оскорбленну,

Котора, и въ сей часъ, себя зря посрамленну,
Во сердцѣ, слабомъ семъ стонаетъ за тебя....
Жестока! все тебѣ на жертву погубя,
Противу трона пользъ я ставъ злодѣемъ Риму,
Дерзнулъ на силу я его неодолиму.
На край стремнины тѣмъ мой тронъ постановилъ;
Но, слыша Рима громъ, спокоенъ духомъ былъ,
И вашу ненависть прiявъ себѣ въ наслѣдство,
Мнѣ щастьемъ за тебя казалось само бѣдство!
Чѣмъ платишь ты? о часть! о горька часть моя!
Милѣй кто жизни, та въ себѣ змѣю тая,
Царицу позабывъ и позабывъ супругу,
Къ злодѣю моему писала такъ какъ къ другу.
Какой твой умыселъ? Сифакса истребя,
Востогамъ прежнiя любви предать себя?
Коль только жизнь моя въ семъ щастiи препона,
Почто, невѣрная! безъ униженья трона,
Не восхотѣла ты достигнуть до того?
Во упоенiи я сердца моего,
Когда тебя не зрѣлъ, ту каждую минуту,
Щитая для меня за кару саму люту,
Ядъ новый черпая всякъ часъ въ твоей красѣ,
Съ тобою проводилъ минуты жизни всѣ!
Имѣла ль ты, скажи, когда превратно время
Мнѣ грудь пронзивъ, себя освободить отъ бремя,
Такъ люто не смутя всей жизни моея,
Котору чту теперь ужаснѣй смерти я?
Моглабъ сразить меня во страсти безопасна,
Не умножаючи злодѣйства преужасна,
Не прiобщаяся къ лютѣйшему врагу,
Который.... продолжать я болѣ не могу....
Я силъ лишаюся и мой языкъ нѣмѣетъ,
Кровь стынетъ, меркнетъ свѣтъ и сердце каменѣетъ.
Жестока! довершай. Исторгнувъ мечъ ты мой,
Убiйство кончи днесь начатое тобой;
Затми въ моихъ глазахъ небесное свѣтило,
Которо мнѣ тобой одною только льстило.
Избавь его лучей могущихъ освѣщать,

Что съ громомъ молнія должна бы пожирать,
И сердце накажи ты слабостью обильно,
За то, что наказать оно тебя безсильно....
Зрю слезы изъ очей текущія твоихъ.
Скажи, что вижу я въ свидѣтеляхъ такихъ?
Раскаянье ль твое, иль стыдъ отъ неуспѣха?
Злодѣйства ль то печать, или моя утѣха?

СОФОНИСБА.

Униженна тобой себя я оправдать,
Могу ли горькихъ слезъ рѣкой не проливать.
Ты знаешь, Государь! душѣ благорожденной,
Сколь тяжко, люто быть невинно помраченной.
Чело привыкшее вовѣки не краснѣть,
Въ преступкахъ можетъ видъ невинности имѣть;
Но кто безчестія страшится даже тѣни,
Равно преступнику, смутяся, внемлетъ пѣни.
Я плачу... и кажусь виновна предъ тобой.
Я плачу... купно плачь, жестокой! ты со мной.
Во сердцѣ чувствуя твоихъ укоровъ жало,
Не плакать, умереть въ сей часъ мнѣ надлежало.
Но люту жизнь мою мнѣ должно сохранить.
Въ сей часъ себя моглабъ я смертью обвинить.
Отрада всѣмъ одна въ намѣреньяхъ безпрочныхъ,
Она убѣжище нерѣдко и порочныхъ.
Знай также, низостью я оправданья чту.
И такъ въ молчаніи неся неправоту,
Какъ свѣтъ ни тягостенъ я жить не устрашаюсь:
Не словомъ предъ тобой, но жизнью оправдаюсь.

СИФАКСЪ.

Ты оправдаешься? коль можешь то свершить,
Почто жъ сей радости хотѣть меня лишить?
И если истинно мое несносно бѣдство,
Хоть омрачить меня найди себѣ посредство.
Но какъ? и чѣмъ? открытъ мнѣ мой свирѣпый рокъ!
Тобой, въ твоихъ чертахъ доказанъ твой порокъ.

Чѣмъ можешь скрыть твой стыдъ и облегчить мнѣ муку?
Смотри, и устыдись познавъ невѣрну руку.

Показываетъ Софонисбѣ письмо ея къ Массиниссѣ.

СОФОНИСБА.

Ты ревности слѣпой надъ сердцемъ власть отдавъ,
Стыдися самъ себя, тѣ строки прочитавъ,
Въ которыхъ включено отечества спасенье;
Но изъ которыхъ ты извлекъ мнѣ посрамленье....
Не мысли, чтобъ твоя нещастная жена,
Не сердца нѣжностью съ тобой сопряжена,
Но только злобою одною противъ Рима,
Моглабъ, сомнѣніемъ твоимъ въ сей часъ разима,
Въ притворствѣ скрывъ себя, являть къ тебѣ любовь,
Которою ея не воспаленна кровь.
Съ какою твердостью себя одолѣваю,
Столь твердо предъ тобой и сердце открываю.
Жестокой! Зри его томящеся всегда,
Мученій полное, однако не стыда,
И Массиниссою влекомо безпрестанно,
Во узахъ должности стѣсненно и попранно....
Въ сей день, нещастный день, обьимъ лютый намъ,
Я зря съ тобой нашъ тронъ подверженный бѣдамъ,
Стремнины на краю клонящійся къ паденью,
И зная, что твой духъ, несклонный къ униженью,
Погибель низости удобенъ предпочесть,
Чтобъ съ трономъ и тобой спасти твою и честь,
Симъ скрытымъ отъ тебя письмомъ на то дерзнула,
И Массиниссѣ долгъ его напомянула.
Читай... „Воспомни кровь текущую въ тебѣ.
„Измѣною обрѣсть желаешь ты корону.
„Изъ друга нашего ставъ другомъ Сципіону,
„Какъ можешь Римскаго раба сносить въ себѣ?
„Бѣды отечеству и Аннибалу строя
„Предатель общества ты въ щастливой судьбѣ.
„Раскайся, возврати намъ прежняго героя.
„Скинь узы Римскіе съ безчестіемъ твоимъ.
„И если ты хотѣлъ когда быть мной любимъ,

„Съ побѣдою твое оставя униженье,
„Тѣмъ Софонисбино ты заслужи почтенье.
Теперь, коль смѣешь ты, супругу укоряй,
И купно и себя со мною оскорбляй.
Множь бѣдство, ревности ты низкимъ подозрѣньемъ,
Однимъ любовникамъ приличнымъ симъ мученьемъ.
Но время ли любить, когда бѣды грозятъ?
Не нѣжность намъ съ тобой, но гробы предлежатъ.
Царь! въ слабости любви престани погружаться.
Летаетъ смерть вкругъ насъ, днесь должно намъ сра-
жаться.

СИФАКСЪ.

Летаетъ смерть, и я на встрѣчу ей спѣшу;
На полѣ чести я мою судьбу рѣшу:
Я тамъ представлю грудь совмѣстнику щастливу;
И въ крайности храня я душу горделиву,
Котору низостью никто не укоритъ,
Съ оружіемъ въ рукахъ заглажу я тотъ стыдъ,
Что въ Массиниссѣ мнѣ спасенья ты искала.
Коль есть оно; душа еще моя не пала.
Безъ помощи твоей пойду моимъ путемъ
И преклоню врага не прозьбою, мечемъ:
А если пасть предъ нимъ я осужденъ судьбою,
Предъ нимъ я преклонюсь, но разлученъ съ душою.
Тогда, свободна ты отъ брачныхъ тяжкихъ узъ,
Возможешь довершить сердечный твой союзъ;
Тогда, забывъ родство съ Великимъ Аннибаломъ
И клятвы, отъ тебя приняты Асдрубаломъ,
Унижься, и презрѣвъ его ты дочь въ себѣ,
Зри въ Сципіоновомъ ты щастіе рабѣ!
Но трепещи ты злость воспомнивъ горда Рима;
Ту злость, котора ввѣкъ для насъ неукротима.
Въ ней будетъ свѣтъ мою отмстительницу зрѣть.
Живи, а я иду со славой умереть.

СОФОНИСБА.

Я слѣдую тебѣ. Повсюда, гдѣ ни будешь,
Того, что я тебя достойна, не забудешь.

Во пламени войны, среди кровавыхъ рѣкъ,
Мой будетъ сопряженъ съ твоимъ всечасно вѣкъ;
И смертью окруженъ, ты будешь мой свидѣтель,
Что тщетно ты мрачилъ супруги добродѣтель.
Увидишь слабу грудь мою передъ твоей
Безъ трепета тебѣ щитомъ противъ мечей.
Коль Массиниссу рокъ представитъ мнѣ во брани,
Въ очахъ твоихъ къ нему простру мои я длани;
Но я простру, чтобъ грудь невѣрную пронзить,
Котора обществу дерзнула измѣнить.
Коль должно умереть, всѣ трое будемъ мертвы.

СИФАКСЪ.

Останься; отъ тебя не требую сей жертвы.

ЯВЛЕНIЕ IV.

СИФАКСЪ, СОФОНИСБА, ФИЛОНЪ.

ФИЛОНЪ.

Изъ Массиниссиныхъ гражданскихъ нашихъ войскъ,
Почувствовавъ въ себѣ, хоть поздно, духъ геройскъ;
Съ раскаяньемъ, что кровь гражданей проливали,
Чтобъ съ нами умереть здѣсь воины предстали.

СИФАКСЪ.

Причисли ихъ Филонъ, ты къ ратникамъ моимъ.
Щедроты моея яви ты знаки имъ.
Извѣдай, Сципiонъ уже ль...

ФИЛОНЪ.

Онъ близко града.
Въ сей день погибельна окончится осада;
И Массиниссою ужъ приступъ учрежденъ
Къ паденью страшному нещастной Цирты стѣнъ.

СИФАКСЪ.

На ихъ развалинахъ пойдемъ себя прославить.
И Римлянъ жадности единый прахъ оставить.

ЯВЛЕНІЕ V.

СОФОНИСБА *одна.*

О грозная судьба! Все гибнетъ для меня!
Супругъ, мой томный духъ сомнѣньемъ бременя,
Почтенья своего невинную лишаетъ;
Любовникъ мой меня напастью угрожаетъ
И трона съ высоты въ сей день свергаетъ въ плѣнъ.
Противъ меня, о рокъ! весь гнѣвъ твой устремленъ,
И можетъ ли когда твоя быть больше злоба.
О состояніе ужаснѣйшее гроба!

КОНЕЦЪ

Перваго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАССИНИССА въ одѣяніи простаго воина, НАРЦЕСЪ.

НАРЦЕСЪ.

Какое, Государь, намѣренье сіе?
Сокрыть въ одеждѣ сей величіе твое!
И Массиниссѣ ли пристойно днесь коварство,
Когда побѣдою ему открыто царство?

МАССИНИССА.

Искалъ его, я духъ отмщеньемъ упоя,
Не царства я ищу, но жизни моея.
Любовь, которая казалась мнѣ презрѣнна,
Досадою была въ семъ сердцѣ заглушенна;
Но днесь, когда блеснулъ надежды лучъ для ней,
Сталъ гнусенъ самъ себѣ въ побѣдѣ я моей.

НАРЦЕСЪ.

Какой надежды лучъ твоей блистаетъ страсти?

МАССИНИССА.

Ты слышалъ, что презрѣвъ лютѣйшія напасти,
Мнѣ Софонисба днесь отважилась писать.
Когда бы не любовь, почто на то дерзать
И лютой ревности Сифакса подвергаться?
Оплакностью въ любви хочу я съ ней сравняться.
Подъ броней ратника, въ опасныхъ сихъ мѣстахъ
Хочу найти я то въ возлюбленныхъ устахъ,
Что у меня съ письмомъ Сифаксомъ похищенно.

НАРЦЕСЪ.

Не тщетно ли твое тѣмъ сердце восхищенно?
Какъ въ гнѣвѣ, такъ въ любви, не видя гдѣ предѣлъ,
На вихряхъ ты страстей всегда нестися смѣлъ.
Смертельно ты любилъ дочь горда Асдрубала;
Но въ фурію любовь преобращенна стала,
Какъ Римлянъ другъ въ тебѣ имъ былъ отриновенъ.
Единой желчію вражды одушевленъ,
Летѣлъ ты въ слѣдъ орламъ побѣдоносна Рима
И въ лаврахъ месть твоя была вседневно зрима.
Въ сей день ужъ напряженъ послѣдній твой ударъ:
Тронъ всей Нумидіи готовъ отъ Римлянъ въ даръ;
Но благость ихъ презрѣвъ и дружбу Сципіона,
Всей славы твоея любовь опять препона.
И что тому виной? едина тщетна вѣсть,
Которая мрачитъ Царицы здѣшней честь.
Но Софонисбина извѣстна добродѣтель.
Ты можешь самъ себѣ быть страшныхъ бѣдъ содѣтель.

МАССИНИССА.

Пускай мой смертный врагъ, Сифаксъ, познавъ кто я,
Отраву изтощитъ всей злости на меня;
Пусть гордый Римъ, Царей сей алчный изтребитель,
Пускай и весь съ нимъ міръ пребудетъ мой гонитель;
Коль Софонисбою, какъ прежде я любимъ,
Ничто мнѣ и Сифаксъ и міръ и грозный Римъ.
Вотъ все намѣренье, которо предпріемлю.

НАРЦЕСЪ.

Но Государь. . .

МАССИНИССА.

Ни чьихъ совѣтовъ я не внемлю.
Безъ Софонисбы мнѣ противенъ цѣлый свѣтъ.
Любовь разсудокъ мой, а сердце мнѣ совѣтъ.
Царицу жду. Ужъ ей донесено, что воинъ
Усердьемъ къ ней ея всѣхъ благостей достоинъ,

Желаетъ зрѣть ее, чтобъ тайную ей вѣсть
И важную для ней къ ногамъ ея принесть.
Се шествуетъ она. Красы сея Царицы,
Подобно какъ восходъ пресвѣтлыя денницы,
Мнѣ въ сердце мрачное вливаетъ жизни свѣтъ.
О зракъ! отраднѣй всѣхъ и троновъ и побѣдъ.

ЯВЛЕНIЕ II.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА, КОРИСВА, НАРЦЕСЪ.

СОФОНИСБА *Корисвѣ.*

Не сей ли воинъ мнѣ открыть желаетъ тайну?

КОРИСВА.

Онъ самъ.

СОФОНИСБА *Массиниссѣ.*

Какую вѣсть имѣешь чрезвычайну?
Вѣщай... что вижу!... рокъ!... онъ!... вотъ его черты...
Не ошибаюся ль?.... ты, Массинисса, ты?...
О ты, отечества несчастный притѣснитель!
Другъ Рима, врагъ ты мой, и лютый мой гонитель!
Забывъ преграды всѣ межъ мною и тобой,
Какой ты привлеченъ въ сiи мѣста судьбой?
За чѣмъ пришелъ? моей тоскою ль насладиться?
Слезами ль горестной Царицы возгордиться?
Насыться зрѣнiемъ несчастiй всѣхъ моихъ!

МАССИНИССА.

Когда въ лiющихся слезахъ изъ глазъ драгихъ
Драгiя слезы есть изъ сердца мнѣ пролиты;
Коль чувства нѣжныя мнѣ стонами открыты
И жаръ, что все мое блаженство составлялъ,
Который никогда во мнѣ не погасалъ,

Я сердце приношу, отчаяньемъ виновно,
Отъ рукъ возлюбленныхъ вкусити смерть безсловно:
А если твоего я сердца отлученъ;
Коль Массинисса въ немъ Сифаксомъ помраченъ,
Своей рукою, самъ себѣ несносно бремя,
Пришелъ я сократить плачевно жизни время.

СОФОНИСБА.

Въ часы, когда тобой отверсты гробы намъ,
Когда здѣсь алчна смерть летаетъ по стѣнамъ,
Приносишь чувство ты и поздно и безпрочно
Священно прежде мнѣ, но днесь уже порочно.
Стремись отечество въ развалинахъ узрѣть,
А мнѣ несчастной дай съ супругомъ умереть.

МАССИНИССА.

Ты можешь отомстить отечества рушенье,
Супруга твоего съ престола низверженье.
Несчастій всѣхъ твоихъ виновникъ предъ тобой.
Вотъ мечъ, потрясшій всей Нумидскою страной;
Вознесшій днесь на васъ послѣдніе удары;
Да будетъ онъ моей орудьемъ смертной кары!
Рази, искореняй тебѣ протившый видъ.
Ужъ сердце то твоимъ ударамъ предлетитъ,
Которое тобой единой жизнь вкушало,
Отверженно тобой оно безъ жизни стало.
Не казнь мнѣ будетъ смерть, но благость отъ тебя.
Не свѣта, мукъ лишишь меня ты погубя.
Рази! могу ль я жить, когда меня не любишь.
Но слезъ возлюбленныхъ потоки ты сугубишь?

СОФОНИСБА.

Жестокой! скройся ты отъ сихъ опасныхъ стѣнъ,
Гдѣ страстію твоей ты тщетно ослѣпленъ,
Сугубя только тѣмъ мнѣ горесть нестерпиму,
Стремишься въ лютости на смерть неизбѣжиму.
Скажи, сей дерзостью что можешь произвесть?

Утратя жизнь твою, мою утратишь честь.
Довольствуйся ты тѣмъ, что слезъ лія потоки,
Оплакиваю дни твои мнѣ толь жестоки:
Не сдѣлай, чтобъ твою зря смерть я въ сихъ мѣстахъ,
Оплакала бъ ее супруга во очахъ.

МАССИНИССА.

Оплачешь смерть мою? о смерть отраднѣй свѣта!
О небо! моего услыши гласъ обѣта!
Да придетъ сей супругъ и въ бѣшенствѣ своемъ,
Въ очахъ ея пронзитъ мнѣ томну грудь мечемъ;
Отъ слезъ ея драгихъ я смерть вкушая сладку,
Всей жизни предпочту сію минуту кратку;
И самъ Сифаксъ твоей владѣющій красой,
Мнѣ позавидуетъ оплаканну тобой.

СОФОНИСБА.

Онъ знаетъ, что въ моемъ ты сердцѣ обитаешь,
Что противъ воли грудь тоскою наполняешь.
Я то отважилась сама ему сказать.
Но ты не долженъ ли сей смѣлостью познать,
Что та, которая во слабости призналась,
Ни мало слабости своей не устрашалась;
Что въ сердцѣ гордомъ страсть, сколь сильно ни горитъ,
Безъ дѣйства огнь ея, коль должность говоритъ;
И что хотя умру я не стерпя злой части,
Не честь мою, мои оплачутъ лишь напасти.
Ты внемля то, чего дерзаешь ожидать?
Невинно, не могу я на тебя взирать.
Ступай и скрой твой видъ, отъ глазъ тобой прельщенныхъ,
Отъ чувствъ любовію, тоской, стыдомъ смущенныхъ.
Отъ сердца, ни какихъ не знающаго средствъ,
Какъ только смерти ждать моихъ предѣла бѣдствъ.
Пусть видясь счастливы любви вкушаютъ радость;
А мнѣ надежда гробъ, отчаяніе сладость.

МАССИНИССА.

Доволенъ частью той, что въ сердцѣ я твоемъ
Превыше жизни чту остаться вѣчно въ немъ:
Иду отъ глазъ твоихъ, твоей покоренъ волѣ;
Не побѣдить, умреть на ратномъ брани полѣ:
Въ моемъ злодѣѣ чтя супруга твоего,
Не извлеку я тамъ меча противъ него.
Чтобъ угодить тебѣ одну ту мысль питая,
Приму его ударъ себя не защищая.
Но въ награжденіе за жертву мнѣ сію,
Простри десницу ты дражайшую твою.
Въ послѣдній разъ позволь облобызать мнѣ руку.
И тѣмъ идущаго на смерть смягчи ты муку.

СОФОНИСБА.

Почто сей мыслію обременять меня,
Живи мой Князь, живи супруга дни храня.

ЯВЛЕНІЕ III.

СИФАКСЪ, СОФОНИСБА, МАССИНИССА, НАРЦЕСЪ, КОРИСВА.

СИФАКСЪ.

О преступленіе, какова не бывало!
Къ нещастью моему сего не доставало,
Чтобы въ мѣстахъ, гдѣ все подвластно мнѣ, мой врагъ
Забывъ почтеніе къ Царю и должный страхъ,
Дерзнулъ бы, допущенъ супруги гнусной страстью,
У ногъ ея моей ругаться тщетной властью.
Но жизнію твоей заплатишь мнѣ за стыдъ,
Которымъ днесь меня ее смущаетъ видъ,
Являя о тебѣ мнѣ жалость и мученья!
Пронзивъ тебя, мои исторгну огорченья
Изъ сердца твоего.

МАССИНИССА *вынимаетъ мечь.*

Одинъ я съ симъ мечемъ,
Побѣдою тебя стѣснившимъ въ градѣ семъ,
Предаться моему отважася злодѣю,
Не сталъбы трепетать предъ силою твоею;
И смѣлость храбростью дерзая оправдать;
Умѣлъбы дорого я жизнь мою продать.
Но ты ея супругъ; и я не защищаюсь. *Бросаетъ мечь.*
Безмолвенъ, я твоимъ ударамъ подвергаюсь.
Ты робостью того не можешь укорять,
Кто побѣдивъ тебя приходитъ смерть пріять.
Рази, но не дерзай ты въ низкомъ подозрѣньи,
Супруги твоея усугублять мученьи;
Чтя добродѣтели возвышенной души,
Моей виной ея ты сердца не круши.
Отъ сердца дерзостна, въ любви горяща страстно,
Ты сердце отличи пороку непричастно.
Когда тебѣ нужна днесь жертва; поражай,
Но купно ты со мной супругу обожай.

СОФОНИСБА *Массиниссѣ.*

Оставь Государь, свое ты обоженье:
То вѣдай, мнѣ твоя защита униженье.
И добродѣтели довольно мнѣ моей,
Чтобъ оправданіе найти въ душѣ своей.
Когда кто въ совѣсти не чувствуетъ упрековъ,
Превыше мнѣній тотъ пристрастныхъ человѣковъ.

Къ Сифаксу.

Ты знаешь моего всю сердца глубину;
Ты знаешь рану ту, которую кляну.
И алча изцѣлить, я излѣчить безсильна.
Судьба въ гоненіяхъ своихъ ко мнѣ обильна.
Лишь только чувствовать себя я начала,
Сію безсмертную любовь произвела.
Я, бѣдства отъ отрадъ себѣ не предвѣщала;
Сердечной склонности моей не побѣждала.
Уготовляя скорбь, которую терплю,

Уже любила я, не зная что люблю.
Любовь со мной росла. Не кровь во мнѣ лилася,
Но огнь, которому всѣмъ сердцемъ предалася.
Не мысль была во мнѣ, но Массиниссинъ зракъ.
Все было безъ него пустыня, горесть, мракъ.
Цвѣтами зря, любви усѣянну дорогу,
Изъ сердца создала олтарь сему я богу.

Указывая на Массиниссу.

Онъ здѣсь; онъ внемлетъ то въ присутствіи твоемъ,
Что долженъ былъ внимать боговъ предъ олтаремъ.
Онъ внемлетъ, что отецъ съ моей согласный страстью,
Мнѣ къ щастью подтверждалъ родительскою властью....
Въ немъ Асдрубалъ тогда героя почиталъ....
Онъ внемлетъ, что и самъ Сифаксъ предъ бракомъ зналъ.
Мой духъ, отъ низостей пороковъ удаленной,
Дерзалъ отверстымъ быть предъ цѣлою вселенной.
Притворствомъ помрачать себя я не могла.
Что ты вина мнѣ бѣдъ, я то тебѣ рекла.
Но добродѣтелью моею ободренны,
И ты, и мой отецъ, вы были устремленны,
Моей напастію себя соединить....
Оставь.... я не хочу и въ томъ тебя винить;
И я чувствительность супруга почитая.
Виню одинъ мой рокъ грусть въ сердце заключая...
Оставь.... невольною преступница виной,
Не смѣетъ вопрошать, чѣмъ винна предъ тобой.
Коль гнѣву твоему разить необходимо,
Да будетъ сердце имъ одно мое разимо.
Чтобъ славу моего властителя спасти,
Готова я себя на жертву принести.
Лей кровь ты не къ тебѣ горящу нѣжнымъ жаромъ,
Но не безславь себя убійца ты ударомъ.

МАССИНИССА.

Меня рази, меня! все требуетъ того;
Отечество, любовь, честь трона твоего.
Безчестія такимъ ударомъ не покажешь,
Которымъ ты врага отечества накажешь.

СИФАКСЪ.

Отмщеньемъ низкимъ честь не помрачу мою.
Хоть смерти стоишь ты, я жизнь тебѣ даю.
Ступай и возвратись вѣщати Сципіону,
Что Царь, котораго отъемлетъ онъ корону,
Дабы ее тебѣ, мой лютый врагъ, отдать;
Владѣя самъ собой, достоинъ обладать.
Что ты оружіемъ надъ нимъ снискавъ побѣду,
Не могъ ни малаго себѣ увидѣть слѣду,
Великодушіе стѣсненно побѣдить.
Какъ въ дерзости меня ни тщился оскорбить,
Поступкомъ таковымъ возмогши помрачиться,
Не могъ унизити меня съ тобой сравниться.
Хотя ужъ клонется къ паденію мой тронъ,
Не страшны мнѣ никто ни ты, ни Сципіонъ.
Ступай. Увидимся съ тобой на полѣ чести.
Тамъ слава пріобщась къ моей правдивой мести,
Покроетъ огнь ея сіяніемъ своимъ.
За общество мечемъ вооруженный симъ
Въ гробъ сниду, удрученъ враговъ несмѣтныхъ строемъ,
Не Массиниссинымъ убійцей, но героемъ.

МАССИНИССА.

Я Софонисбина супруга чтя въ тебѣ,
Противясь на тебя стремящейся судьбѣ
И съ сожалѣніемъ оружье простирая,
Спасу тебя ея достоинъ умирая.

СИФАКСЪ.

Не посрамляй меня сей жалостью твоей;
Не смѣя сожалѣть сражаться только смѣй,
И ежели сей мечъ Сифакса не избавитъ,
Инымъ посредствомъ онъ себя не обезславитъ.
Ты Рима подданный, ступай твой долгъ свершать:
Я Царь; иду мой санъ до гроба защищать.

Массинисса и съ нимъ Нарцесъ уходятъ.

къ Софонисбѣ.

И свѣта и тебя навѣки я лишаюсь.
Алкая умереть, тѣмъ только огорчаюсь,
Что Асдрубала дочь позора вкуситъ зло,
Предъ Римомъ преклоня увѣнчанно чело.
Познать властителя несносно для Царицы!
Несноснѣй въ слѣдъ итти побѣды колесницы,
У коей водитъ Римъ прикованныхъ Царей.

Отходитъ и съ нимъ Филонъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СОФОНИСБА, КОРИСВА.

СОФОНИСБА.

О смертна мысль душѣ отчаянной моей!
О Римъ! о Асдрубалъ! о вѣчная ты злоба!
Приятнѣй для меня врата ужасны гроба,
Какъ униженіе, чѣмъ мнѣ судьба грозитъ!
Чего страшуся? смерть всѣ бѣдства прекратитъ.

КОНЕЦЪ

Втораго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОФОНИСБА, ФЕНИСА.

СОФОНИСБА.

Остановимся здѣсь. Трепещуща, смятенна,
Не помню я себя всѣхъ чувствъ моихъ лищенна.
Влеча по всѣмъ мѣстамъ отчаянье съ собой,
Не видѣть не могу и зрѣть страшуся бой.
Онъ въ полномъ пламени свирѣпости пылаетъ,
И кровь вкругъ нашихъ стѣнъ рѣками протекаетъ.
Свершай судьба, свершай послѣдній твой ударъ.
Въ семъ состояніи мнѣ смерть пріятный даръ!

ФЕНИСА.

Се звукъ оружія по граду раздается:
Уже по улицамъ кровава брань несется.

СОФОНИСБА.

Какой ужасный вопль колеблетъ воздухъ весь!
Отъ шума страшнаго трепещутъ стѣны здѣсь.
Но се Филонъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФОНИСБА, ФЕНИСА, ФИЛОНЪ.

СОФОНИСБА *къ Филону.*

Скажи.... о чемъ я вопрошаю?
Я на твоемъ лицѣ всѣ бѣдства созерцаю.
Погибло все?

ФИЛОНЪ.

Навѣкъ престолъ Сифаксовъ палъ.

СОФОНИСБА.

Но живъ ли мой супругъ?

ФИЛОНЪ.

По царски жизнь скончалъ.
Не унижай его слезами сожалѣнья;
Кто такъ умретъ, не слезъ достоинъ, обоженья.
Внимай, Царица, тѣ геройскія дѣла,
Чѣмъ слава въ храмъ его безсмертія ввела.
Вооружась, сіи оставилъ онъ чертоги,
Спокоинъ, свѣтелъ, какъ съ небесъ низходятъ боги.
Устроивъ ратниковъ, со твердостью имъ рекъ:
„Лишь мужествомъ богамъ подобенъ человѣкъ.
„Инова воинамъ нѣтъ къ храму славы слѣду.
„Даруетъ не число, но храбрость намъ побѣду.
„И что мы смертію возможемъ потерять?
„Ту жизнь, которую намъ должно презирать.
„Жизнь гнусную и мной со омерзеньемъ зриму;
„Сужденную навѣкъ влачиться въ рабствѣ Риму"
При ономъ словѣ Царь содрогся, поблѣднѣлъ.
И вдругъ отъ гнѣва зракъ его какъ туча рдѣлъ,
Котора молнію сокрывъ въ кипящемъ чревѣ,
На крыльяхъ вѣтренныхъ при бурномъ страшномъ ревѣ,
Пареньемъ дерзостнымъ терзая неба твердь,

Наноситъ ужасъ, страхъ, отчаянье и смерть.
Таковъ Сифаксъ, на брань стремяся за стѣнами,
Единодушно былъ сопровождаемъ нами.
Удара нашего не могъ сдержати врагъ.
Въ первые Римляне познали смертный страхъ;
И легіоновъ ихъ орлы непобѣдимы,
Парящи съ трепетомъ предъ нами были зримы.
Се Массинисса къ нимъ, какъ быстрый вихрь паритъ.
Бѣгущимъ воинамъ со гнѣвомъ онъ гласитъ:
Вы Римляне!... лишь рекъ, судьба перемѣнилась;
Вскипѣла брань; отъ насъ побѣда удалилась.
Внушаетъ бодрость онъ своимъ, а нашимъ страхъ;
Въ его десницѣ смерть, а молнія въ глазахъ.
Успѣха своего Сифаксъ узря предѣлы,
Стремится сквозь мечи, сквозь копія и стрѣлы;
Опровергая все разящею рукой,
Достигъ въ минуту онъ кровавою рѣкой,
Гдѣ Массиниссинъ гласъ одушевлялъ все войско.
Царя туда влекло стремленіе геройско,
Нашедъ совмѣстника достойнаго себя,
Отмстить и умереть, побѣду погубя.
Пресѣкли войска брань смятенныя симъ боемъ.
Замолкло все: герой сражается съ героемъ.
Со изступленіемъ Сифаксъ врага разитъ;
Но Массиниссинъ духъ спокойствіе хранитъ;
И только лишь, его удары отвращая,
Онъ защищается, Царя не поражая.
Но наконецъ.... о рокъ, ты такъ опредѣлилъ!
Своею храбростью лишенъ остатка силъ,
Стыдяся смерть искать, котора убѣгаетъ,
Сифаксъ безплодный мечъ во грудь свою вонзаетъ,
Падетъ съ коня и прахъ онъ кровію багритъ,
Которая еще отмщеніемъ горитъ.
Симъ зрѣньемъ тронутъ врагъ его великодушный,
Ліетъ потоки слезъ, на трупъ Царя бездушный.
Но между тѣмъ простря во гнѣвѣ храбру длань,
Вожди Сифаксовы творятъ упорну брань.
Не побѣдить они возможностью щитаютъ,

Но къ Риму ненависть Сифакса продолжаютъ,
И воздвигая гробъ Царю изъ Римскихъ тѣлъ,
Остаться живъ изъ нихъ никто не восхотѣлъ.
Покрыла каждаго вѣнцемъ лавровымъ слава.
Вотъ какъ свершилася сія война кровава.
Коль должно истинну и ко врагамъ хранить,
Позволь мнѣ чувствіе мое тебѣ явить,
Что Массинисса сей достоинъ обоженья.
И если онъ великъ во грозный часъ сраженья,
Не меньше онъ великъ побѣду одержавъ.
Стремленье ратниковъ жестокихъ обуздавъ,
Во градѣ жителей стенанье укрощаетъ:
Побѣдой данно зло щедротой превышаетъ.
Толико милосердъ, колико въ брани строгъ,
Въ бою онъ богъ войны, здѣсь мира кроткій богъ.

СОФОНИСБА.

Онъ съ Римомъ побѣдилъ, его подверженъ власти,
Что сдѣлаетъ моей къ отрадѣ онъ напасти?
Несчастливый Сифаксъ! о жертва рока злобъ!
Супруга за тобой послѣдуетъ во гробъ.

ФЕНИСА.

Почто въ отчаянье толь лютое ввергаться?
Рожденная прельщать должна ли сокрушаться?
Твоей небесною плѣненный красотой,
Въ оковахъ у тебя самъ побѣдитель твой.

ЯВЛЕНІЕ III.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА, ФЕНИСА.

МАССИНИССА.

Къ ногамъ возлюбленнымъ, я лавры повергаю,
Которы слезъ моихъ потокомъ орошаю.

СупругЪ твой кончилЪ вѣкЪ на МарсовыхЪ поляхЪ.
Зря очи моея владычицы вЪ слезахЪ,
Содрогшись отЪ ея тоски я сердцемЪ страстнымЪ,
НевиненЪ, чту себя преступникомЪ ужаснымЪ.
Но небомЪ я клянусь; клянусь твоей красой,
Что жилЪ бы твой супругЪ, коль меншебЪ былЪ герой;
Когда бы уступить онЪ могЪ своей судбинѣ.

СОФОНИСБА.

Могу ли, Государь, кого винить я нынѣ?
Одно гоненіе жестокія судьбы
Унизило меня до участи рабы....

МАССИНИССА.

Рабы!... кто? ты раба?.... о слово грому равно!
О чувство, не тебѣ, но только мнѣ безславно!
Я живЪ, я побѣдилЪ, все здѣсь подвластно мнѣ,
А ты быть думаешь рабою вЪ сей странѣ....
НародомЪ какЪ, такЪ мной повелѣвай со трона.
Податель буду здѣсь я лишь того закона,
Который изЪ твоихЪ дражайшихЪ устЪ приму.
Дающей сердцу жизнь плѣненну моему
ПокоренЪ, щастіемЪ сЪ богами равенЪ буду.
ВЪ твоихЪ очахЪ я РимЪ и цѣлый мірЪ забуду.

СОФОНИСБА.

Но ненависть сія, котору АсдрубалЪ,
МежЪ РимомЪ и межЪ насЪ безсмертною создалЪ!....
Ты знаешь, что сія мнѣ злость опредѣляетЪ....
О мысль, которая меня какЪ адЪ терзаетЪ!...
Ты знаешь, я должна вЪ оковахЪ вЪ РимЪ предстать,
И торжество моимЪ позоромЪ возвышать.

МАССИНИССА.

ГероевЪ нашихЪ дщерь! души моей Царица!
Обязанный мнѣ РимЪ, не будетЪ мой убійца;

СОФОНИСБА.

А если, Государь....

МАССИНИССА.

А если онъ дерзнетъ,
Забывъ мои дѣла, которы видѣлъ свѣтъ,
Свое чело, моей поддержанно рукою,
Съ презрѣніемъ ко мнѣ возвысить предо мною;
И отрицаяся почтенье къ той хранить,
Котору долженъ онъ со мной боготворить,
Явитъ гнуснѣйшую ко мнѣ неблагодарность,
Унизить возмогу его высокопарность.
Ставъ долженъ ненависть я вашу воспріять,
Сей Римъ я, можетъ быть, принужу трепетать.
Одною хитростью онъ въ силахъ возрастаетъ,
И троны ею онъ толь дерзко попираетъ.
То зная, я его уже предупредилъ,
И Аннибалу то сокрыто возвѣстилъ:
Что былъ я врагъ ему не могши снесть обиду;
Но днесь въ объятія его съ побѣды сниду.
Симъ уготовилъ я убѣжище для насъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА, ФИЛОНЪ.

ФИЛОНЪ *Массиниссѣ.*

Здѣсь нѣкій Римлянинъ, твоей побѣды въ часъ,
Со дерзостнымъ челомъ, предтеча Сципіона,
Вѣщая, что предъ нимъ ничто твоя корона,
И присвояя власть пристойную тебѣ.
Гремитъ законами, не ставя мѣръ себѣ.
Предѣловъ наглости своей не полагаетъ;
Царицу, Римскою рабою нарицаетъ.

МАССИНИССА *къ Филону.*

Поди. Я дерзости такія прекрачу,
И почитать себя на тронѣ научу.

ЯВЛЕНІЕ V.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА.

МАССИНИССА.

Въ сей крайности, когда спасать тебя мнѣ должно,
Обрядовъ свѣта намъ хранити не возможно.
Оставимъ вымыслы пустые тѣхъ людей,
Что добродѣтели не зря въ душѣ своей,
Ее наружностью единой замѣняютъ
И пустоту души тщетою наполняютъ.
Должна ли сердцемъ ты супругу твоему?
Ты съ лишкомъ принесла и въ жизни жертвъ ему,
Чтобъ днесь еще твоя тѣснилася свобода.
Тебя мнѣ отдаетъ побѣда и природа,
Любовь безсмертная, которою живу,
Злость Рима, на твою гремящая главу.
Все, въ сей же самый часъ насъ къ браку призываетъ,
Единый только бракъ со мной тебя спасаетъ.
Ты знаешь весь мой духъ. Я за тебя готовъ
Дерзать на цѣлый міръ, дерзать противъ боговъ.
Увижу, гордый Римъ тиранномъ ставъ ко другу,
Какъ можетъ изъ моихъ изторгнуть рукъ супругу.

СОФОНИСБА.

Влекомая къ тебѣ и сердцемъ и судьбой,
Спрягаюся душей навѣки я съ тобой.

Указывая на олтарь.

Се тотъ олтарь, для насъ пылалъ гдѣ пламень брачный,
Который превратилъ Сифаксъ во пламень мрачный.

Днесь, въ смушные часы не будетъ онъ горѣть;
Нѣтъ нужды, чтобъ меня тебѣ супругой зрѣть,
Не олтари, сердца намъ въ вѣрности залоги;
А брачные жрецы, намъ будутъ сами боги.

Приближается къ олтарю.

Клянусь тебѣ, клянусь твоей супругой быть.

МАССИНИССА.

Клянусь и умереть и для тебя и жить;
Клянусь въ тебѣ одной мою вселенну видѣть,
И какъ тебя люблю, Римъ столько ненавидѣть.
Се Лелій гордостью, и наглостью надменъ,
Который былъ теперь Филономъ возвѣщенъ.
Съ нимъ купно шествуютъ и дерзость и обида,
Сокройся отъ его противнаго ты вида;
Да не мрачитъ твоихъ очей небесный взглядъ
Въ немъ Римской дикости Царямъ лютѣйшій ядъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАССИНИССА, ЛЕЛІЙ.

ЛЕЛІЙ.

Споспѣшникъ ты побѣдъ владычественна Рима,
Се, на челѣ твоемъ уже корона зрима,
Которую Сифаксъ такъ долго похищалъ,
Которой защищать не могъ и Аннибалъ.
Щедротой царствуешь ты Римскаго народа.

МАССИНИССА.

Щедротой!... моего сей тронъ наслѣдье рода;
Я право кровію моею искупилъ,
И самъ себѣ служа, я Риму услужилъ.
Я далъ ему въ себѣ союзника достойна,
Мной нынѣ власть его во Африкѣ спокойна;

И грозный Аннибалъ у Карѳагенскихъ стѣнъ,
Успѣхомъ подвиговъ моихъ остановленъ;
Въ груди моей еще и нынѣ видны раны....
Неблагодарны суть единые тиранны!

ЛЕЛIЙ.

Неблагодарностью толь смѣешь называть,
Что можешь въ сей странѣ въ вѣнцѣ повелѣвать;
Скажи, Римъ можетъ ли быть такъ судьбой наказанъ,
Чтобъ онъ Нумидцу былъ за милости обязанъ?
Благотворителемъ твоимъ хотѣлъ онъ быть,
Великодушіе его страшись забыть.
Неодолимый онъ нещастнымъ сострадатель,
Неблагодарности неумолимъ каратель.
Зри молніей его низверженныхъ Царей:
Плачевный то примѣръ для дерзости твоей.

МАССИНИССА.

Римъ нужду зря въ моей рукѣ простертой къ мести,
Блисталъ передо мной сіяньемъ ложной чести
И добродѣтелью притворной уловлялъ
Мой духъ, который ввѣкъ коварства презиралъ;
Но днесь щадить меня ужъ нѣтъ ему причины,
Се, силы Римскія единыя пружины;
Монарховъ пользуясь волненіемъ страстей,
Съ успѣхомъ возмущать Царей противъ Царей;
Другъ другомъ съ высоты ихъ троновъ низлагать
И побѣдителя потомъ въ свой плѣнъ ввергать.
Сначала Римъ мой гнѣвъ, какъ другъ мой, подкрѣпляетъ;
Лишь только палъ Сифаксъ, мнѣ Римъ ужъ угрожаетъ,
И во устахъ твоихъ владыкой говоритъ.

ЛЕЛIЙ.

Римъ вида своего вовѣкъ не премѣнитъ.
Онъ только справедливъ и никогда не злобенъ,
Какъ въ счастьи, такъ въ бѣдахъ всегда себѣ подобенъ,
Главы ни предъ какой онъ силой не склонялъ.

Побѣдой какъ надъ нимъ взносился Аннибалъ,
Всегда неколебимъ онъ къ безднѣ приближался,
Съ той славой умиралъ, съ какою и рождался.
Коль ты ему днесь другъ; тебѣ Римъ будетъ щитъ,
Подъ сѣнью крылъ орловъ своихъ онъ довершитъ
Твое величье, плодъ полезной дружбы съ нами.

МАССИНИССА.

Я Риму другомъ былъ за Циртскими стѣнами,
Я другъ его и здѣсь; не премѣнюсь и ввѣкъ,
Коль помнитъ Римъ, что я и Царь и человѣкъ.

ЛЕЛІЙ.

Остави ты Царя ничтожно титло Риму;
Предъ нимъ порфиру скрой рабомъ боготвориму,
Коль хочешь, чтобы онъ тебя не пренебрегъ.
Ты Рима другъ, вѣрь мнѣ, се титло выше всѣхъ.
Оно единое героевъ созидаетъ,
А часто Царское тиранна закрываетъ.

МАССИНИССА.

Но дружба равенство всегда должна хранить;
Тотъ можетъ ли быть другъ, кто хочетъ оскорбить?

ЛЕЛІЙ.

Въ нелицемѣріи ты оскорбленье видишь.
Едва въ вѣнцѣ, а ты ужъ правду ненавидишь.
Се титла Царскаго все право и вся честь,
Чтобъ строгу истинну отъ глазъ скрывала лесть.
Отъ Римскихъ устъ сія удалена отрава.
Ихъ жертва мужество, а боги вольность, слава.

МАССИНИССА.

Тѣжъ боги и мои.

ЛЕЛІЙ.

Увидимъ.

МАССИНИССА.

Довершай;
Желай всего, мою лишь честь не помрачай.
Вся Риму кровь моя за дружество безъ лести.
Чего желаетъ онъ, скажи?

ЛЕЛІЙ.

Твоей лишь чести.
Вѣщаютъ, будто бы Сифаксовой вдовой
Въ оковы вверженъ ты и сердцемъ и душой;
Что Рима силою надъ нею побѣдитель,
Противу Рима ты ей нынѣ покровитель;
Что тайно на него острищь невѣрный мечъ....

МАССИНИССА.

Клянусь я симъ мечемъ, сей мечъ тотчасъ извлечь
Противу варваровъ, кто мнѣ ни будутъ строги...
То самъ ли Римъ, или то будутъ сами боги!....
Хоть громомъ вооруженъ, смущая міръ съ небесъ,
Восхощетъ у меня ее отнять Зевесъ. . . .
Отецъ боговъ! рази, въ ней вся моя отрада.
Сражаться за нее и громъ твой не преграда!

ЛЕЛІЙ.

Се дружбы твоея и вѣрности отвѣтъ.

МАССИНИССА.

Се гнѣва Римскаго достойнѣйшій предметъ.

ЛЕЛІЙ.

Ты знаешь ненависть сію непримириму:
Что стоила она отъ Аннибала Риму?
Сената нашего ты вѣдаешь предѣлъ:
Согласенъ прежде съ нимъ ты самъ того хотѣлъ.

МАССИНИССА.

Хотѣлъ, и даже былъ съ мечемъ того рачитель;

Хотѣлъ, когда Сифаксъ, красы ея мучитель,
Въ дражайшемъ сердцѣ мнѣ казался счастливъ быть.
Смертельно уязвленъ, стремяся только мстить,
Обманутъ злобой, я любовь возненавидѣлъ,
И въ прелестяхъ ея единый ужасъ видѣлъ;
Отчаянной рукой лія рѣками кровь,
Все тщился истребить природу и любовь,
И самаго себя.... кому Римъ долженъ мною?
Безъ гнѣва моего чтобъ сдѣлалъ онъ рукою,
Изъ коей Аннибалъ уже исторгнулъ мечъ,
Лишь только сей мой гнѣвъ возмогъ его извлечь.
Изъ рабства гордыя во счастьи Карѳагены,
Велики нынѣ вы отъ мнимой сей измѣны.
Коль злобой Римъ моей на прежней высотѣ,
Римъ долженъ всѣмъ лишь сей несчастной красотѣ,
Котора быть должна моихъ побѣдъ цѣною.

ЛЕЛІЙ.

Римъ долженъ бы своей гнушатися судьбою,
Когда бъ мечтѣ страстей побѣдой одолженъ,
Чтить слабости твои онъ былъ бы униженъ.

МАССИНИССА.

Онъ долженъ почитать не слабость, счастье друга,
Чтобъ словомъ все сказать, она моя супруга.

ЛЕЛІЙ.

Чтобъ словомъ все сказать, рѣшись на сихъ часахъ.
Скажи, что Римъ тебѣ? твой другъ ли, врагъ ли?

МАССИНИССА.

Врагъ!

Уходитъ.

ЛЕЛІЙ *одинъ.*

Коль хочешь погибать ввергайся въ бездну съ трона.
Но сколько оскорблю я онымъ Сципіона;

Какой отвѣтъ ему неожиданный дамъ;
Я сердце кроткое его.... но вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

СЦИПІОНЪ, ЛЕЛІЙ.

ЛЕЛІЙ.

Разсудокъ погубя и честь свою и славу,
Не покоряяся могуща Рима праву,
Нумидецъ дерзостный утратить долженъ тронъ,
Который отдалъ Римъ ему и Сципіонъ.
Дочь Асдрубалова въ немъ все преодолѣла;
Въ немъ ненависть ея къ намъ нынѣ воскипѣла.

СЦИПІОНЪ.

Быть можетъ строгости простерши за предѣлъ,
Душею овладѣть ты гордой не умѣлъ.
Я знаю духъ его открытый и свободный,
Подвластный всѣмъ страстямъ, однако благородный:
Противу гордости онъ дикъ, неукротимъ,
Но нѣженъ къ кротости и дружбой умолимъ.

ЛЕЛІЙ.

И дружбой умолимъ!... Такъ должно унижаться
Римлянину просить Царя и съ нимъ равняться?
Къ покорству сихъ владыкъ намъ должно пріучать.
Часть Римская гремѣть, а Царска трепетать.

СЦИПІОНЪ.

Владѣть сердцами, нѣтъ сея пріятнѣй власти.

ЛЕЛІЙ.

Мы часто кротостью ввергаемся въ напасти.

СЦИПІОНЪ.

Не столь оружіемъ я Риму приобрѣлъ;
Великодушіемъ я болѣе успѣлъ.

ЛЕЛІЙ.

Такъ хочетъ Сципіонъ, противясь Рима долѣ,
На то лишь побѣждать, чтобъ видѣть на престолѣ,
Преслушныхъ, дерзостныхъ Царей вѣнчанныхъ имъ.

СЦИПІОНЪ.

Извѣстенъ я тебѣ; всего мнѣ выше Римъ;
И тщетный гласъ его мнѣ есть законъ священный.
Моею славою мой духъ не обольщенный,
Что Римъ мнѣ повелѣлъ исполнить все готовъ.
Дочь Асдрубалова не избѣжитъ оковъ.
Хоть часть жалка и мнѣ несчастной сей Царицы,
Увидитъ въ узахъ Римъ ее у колесницы.
Но смертныхъ бѣдствіе почто отягощать?
Почто безъ жалости желати ихъ терзать?
Не бремени предѣлъ поставленъ небесами,
Несчастье усладимъ мы нашими слезами.
Я Массиниссы скорбь, его зря, утолю.
Мнѣ Римъ проститъ, что я сего Царя люблю;
Что строгость надъ его любезной совершая
Въ немъ грусти укрощу, я дружбой утѣшая.

ЛЕЛІЙ.

Что можетъ дружество, когда гласитъ любовь.
Неизреченный огнь его волнуетъ кровь.
Какъ Этна пламень, онъ къ намъ злобу извергаетъ.
Вѣрь мнѣ, я знаю то, онъ тайно сплетаетъ,
Намъ вредный умыселъ. Брегись, чтобъ Аннибалъ,
Тобой низверженный, днесь паки не возсталъ!

СЦИПІОНЪ.

Къ несчастнымъ жалостливъ, о нихъ я сожалѣю;
Неустрашимъ, смирять измѣнниковъ умѣю.

Мнѣ Массинисса другъ и Риму услужилъ,
Герой, пріязни онъ моей достоинъ былъ;
Страсть пламенна его теперь преображаетъ,
И Римъ его руки прехрабрыя лишаетъ.
Оставя пользы всѣ, погибеленъ себѣ,
Онъ Африканской днесь покорствуетъ судьбѣ.
Потщимся отъ него, его въ сей часъ избавить;
Мнѣ друга, Риму въ немъ союзника доставить.
Чтобы преступникомъ себя не обличилъ,
Ослѣпшаго въ любви лишимъ мы вредныхъ силъ:
Исторгнувъ мечъ изъ рукъ ослабимъ безразсудна.
Въ томъ польза и ему и Риму обоюдна.
Не будетъ Римъ жалѣть, что долженъ наказать
Того, который намъ услуги могъ казать;
А Царь оставшися во славѣ и на тронѣ,
Не станетъ сожалѣть зря друга въ Сципіонѣ.
Подъ видомъ оградить его престолъ, поди
Нумидски всѣ полки изъ града изведи.
Да будутъ стражами нетвердыя короны,
Едины Римскіе лишь только Легіоны.

КОНЕЦЪ

Третьяго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА.

СОФОНИСБА.

Твое уныніе и твой печальный взглядъ,
Драгой супругъ! ліютъ мнѣ въ сердцѣ смертный ядъ.
Что сдѣлалось тебѣ? открой твою мнѣ душу,
Не я ли чѣмъ, не яль твое спокойство рушу?
Чтобъ грусть твою прервать, нужна ли кровь моя?
Коль будешь счастливъ ты, умру спокойно я.

МАССИНИССА *въ смятеніи.*

Нѣтъ, прежде нежели съ тобою разлучуся....
Небесной красотой твоей я въ томъ клянуся,
А не безсмертными.... и что мнѣ въ сихъ богахъ!
Въ часъ нашихъ бѣдъ они спокойны въ небесахъ!...
Римлянамъ щедры лишь, остатку міра строги!...
Твое мнѣ сердце міръ, твои глаза мнѣ боги!
Клянуся ими я....

СОФОНИСБА.

На что мнѣ клятвы тѣ,
Нерѣдко бытіе дающи и мечтѣ.
Что Массинисса мнѣ не можетъ лицемѣрить,
Моя любовь одна удобна въ томъ увѣрить.
Сія безсмертная и пламенна любовь,
Хотябъ равно твою не воспаляла кровь,
Отверста предъ тобой во всемъ ея блистаньи,
Заставила бъ тебя вкусити состраданьи:

И равнымъ чувствiемъ твою наполнивъ грудь,
Ко счастью моему могла бъ тебя тронуть.
Какъ я въ тебѣ, во мнѣ все счастье обрѣтая,
Люби меня безъ клятвъ ты сердцемъ увѣряя.
Но ты смущаешься, твой паче страждетъ духъ!
Какую вижу я премѣну страшну вдругъ?
Едва съ тобою я союзомъ сопряженна,
Иль тѣмъ ужъ мучишься, что я тобой блаженна?

МАССИНИССА.

Я мучусь, что еще кровь Римляней не лью.
Тиранны!

СОФОНИСБА.

Довершай; открой мнѣ смерть мою.
Ни что отъ злобы ихъ меня не защищаетъ?
И даже то меня несчастну не спасаетъ,
Что именемъ твоей супруги почтена;
Что съ ихъ спасителемъ навѣкъ сопряжена?
Отвѣтствуй и яви мнѣ всю жестокость Рима.
Иль злоба и тобой его неумолима?
Отвѣтствуй.

МАССИНИССА.

Мой отвѣтъ предъ воинствомъ моимъ,
Когда содрогшися отъ ужаса весь Римъ,
Плывущаго меня въ его крови увидитъ
И лютости свои онъ самъ возненавидитъ.
Уже я далъ приказъ, чтобы мои полки,
Привыкши побѣждать подъ кровомъ сей руки,
Противъ моихъ враговъ готовились дерзать;
Со мною за тебя сражаться, умирать.

СОФОНИСБА.

Что Риму сдѣлала? невинна и несчастна,
Чѣмъ я ему, скажи, чѣмъ быть могу опасна?

МАССИНИССА.

Намъ тратить должно ли часы въ пустыхъ словахъ;
Въ кровавыхъ помощь намъ потокахъ, не въ слезахъ.
Не ослабляй моей ты твердости душевной;
Одно имѣнье мнѣ она въ часъ рока гнѣвной;
Въ сей лютый часъ, когда лишаяся тебя,
Все должно мнѣ губить, и самаго себя.

ЯВЛЕНІЕ II.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА, НАРЦЕСЪ.

МАССИНИССА *къ Нарцесу.*

Исполнено ль мое тобою повелѣнье,
И наше праведно готово ль отомщенье?

НАРЦЕСЪ.

Нумидцы наши всѣ. . . .

МАССИНИССА.

Готовы умирать
И славѣ дань съ мечемъ геройску отдавать.
Я знаю храбрость ихъ, и я не сомнѣвался,
Чтобъ Римлянъ побѣдить ихъ духъ поколебался.
Ужъ время! . . .

НАРЦЕСЪ.

Государь.

МАССИНИССА.

Почто сей робкій взоръ
И смутное чело, гдѣ горестей соборъ,
Которыхъ ты открыть не смѣешь, видѣнъ ясно.

НАРЦЕСЪ.

О безполезный гнѣвъ! стараніе напрасно!

МАССИНИССА.

Вѣщай, что сдѣлалось? открой мнѣ все скорѣй:
Не возмутитъ судьба ни чѣмъ души моей.
Или мои полки? . . .

НАРЦЕСЪ.

Изъ града изведенны.
Римлянами сіи чертоги окруженны.
Взирая на сію печальную страну,
Быть кажется сей градъ, а съ нимъ и мы въ плѣну.

МАССИНИССА.

Невѣрныхъ Римлянъ се послѣдне ухищренье:
Се дружбы пагубной, коварной обличенье.

СОФОНИСБА.

Несчастій всѣхъ твоихъ едина я вина;
Ты гибнешь отъ того, что я твоя жена.
Гдѣ я, повсюду тамъ напасти, злость, измѣна.

Упадая на колѣна:

Твои, о Государь! объемлю я колѣна!

МАССИНИССА *поднимая ее.*

Тебѣ ли упадать съ моленіемъ къ ногамъ!
Пристойно ли твоимъ то Царственнымъ красамъ!

СОФОНИСБА.

Забудь величіе мнѣ тяжкое въ напасти.
Днесь униженіе моей прилично части.
Сужденна предъ лицемъ я Рима стать рабой,
Лишенна средства быть спасенна и тобой;
Супруга ль я твоя и здѣшняя ль Царица?
Героевъ сирота, Сифаксова вдовица;

Могу я безъ стыда упасть къ твоимъ ногамъ,
Противна Риму я, противна и богамъ.
Гдѣ я покровъ найду въ сіи часы толь строги?
Ты мнѣ одинъ покровъ, отецъ, супругъ и боги;
Одинъ удобенъ ты меня въ сей часъ спасти;
А что и болѣе, возможешь соблюсти
Твои драгіе дни во славѣ, на престолѣ. . . .
Предѣлы положи моей несносной долѣ;
И мой свершить позоръ не допуская Римъ,
Содѣлай смертію конецъ бѣдамъ моимъ.
Зря образъ твой драгой въ часы моей кончины,
Забуду лютыя гоненія судьбины;
И помня, что ты тѣмъ спасенъ отъ Римскихъ злобъ,
Блаженна, я твоей супругой сниду въ гробъ.

МАССИНИССА.

Стѣсняя въ сердцѣ адъ, недвижимъ я, безгласенъ,
Сердечны чувствія открыть мой трудъ напрасенъ.....
Неблагодарности такой примѣра нѣтъ.
Мой гнусну Риму мечъ побѣду подаетъ.
Подъять его главу изъ бездны помогаетъ.
Добычею Царей и славой осыпаетъ.
За подвиги мои, за раны, за труды
Тебя одну, иной не требую я мзды;
А онъ. . . . возможно ль то изречь не содрогаясь!
Завѣсой дружества въ коварствѣ покрываясь,
На раменахъ моихъ воздвигнутъ, укрѣпленъ. . . .
Несчастный! я же имъ, я нынѣ подавленъ!
И чтобъ священны всѣ разрушить вдругъ союзы,
Благотворителя онъ ввергъ во гнусны узы.
Нѣтъ. Должно мнѣ собой примѣръ великій дать;
Отмщеніе мое съ обидою сравнять.
Да возрыдаетъ Римъ, на мнѣ узрѣвъ оковы!

НАРЦЕСЪ.

Воспомни сколько намъ теперь судьбы суровы;
Безъ помощи рука оставлена твоя.

Противу Рима силъ съ тобой кто станетъ?

МАССИНИССА.

Я,

Единый только я и для меня довольно!
Иль славно умереть несчастному невольно?

Къ Софонисбѣ.

Вѣрь мнѣ; доколь еще со мной сей будетъ мечъ
И крови въ сердцѣ семъ хоть капля станетъ течь,
Дотоль Царица ты, дотоль моя супруга.

СОФОНИСБА.

Береги могущаго себѣ ты въ Римѣ друга;
Храни наслѣдіе твое ты въ сей странѣ;
Ты долженъ подданнымъ собою, а не мнѣ.
Я смертію моей твое отвергну бѣдство.

МАССИНИССА.

Безъ низости умреть вотъ все мое наслѣдство.
Поди и помня всю мою къ тебѣ любовь,
Коль должно смерть вкусить, два гроба ты готовь.

Софонисба уходитъ.

Къ Нарцесу.

Послѣдуй ей и всѣ движенья примѣчая,
Храни ее, за жизнь дражайшу отвѣчая.

Нарцесъ уходитъ.

Я вижу шествуетъ сей кроткій Сципіонъ,
Мой прежде другъ, иль днесь мучитель мой и онъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

СЦИПІОНЪ, МАССИНИССА.

СЦИПІОНЪ.

Свирѣпы взгляды зря, того не понимаю,
Чѣмъ Массиниссу я толико раздражаю.

Какою отягченъ во славѣ ты тоской?
Увѣнчанъ лаврами, короною....

МАССИНИССА.

Постой.
Что знаю я, почто ты то мнѣ возглашаешь?
Ты прежде мнѣ скажи, съ кѣмъ ты теперь вѣщаешь?
Со другомъ ли? или со плѣнникомъ твоимъ?

СЦИПІОНЪ.

Со другомъ, коль тебя такимъ увидитъ Римъ.

МАССИНИССА.

И такъ, когда бъ твой Римъ коваренъ, кровожаденъ,
Забывъ, сколь въ бѣдствіяхъ ему я былъ отраденъ,
Во мзду погибель бы мою опредѣлилъ,
И въ лютости какъ тигръ. . .

СЦИПІОНЪ.

Ты Царь себя забылъ.
Воспомни, на главѣ кѣмъ носишь діадиму.
Не должно бъ мнѣ терпѣть слова безчестны Риму;
Но мы теперь одни; и Консулъ днесь его
Прощаетъ все тебѣ для друга своего.

МАССИНИССА.

Для друга?... я твой другъ и ты всесиленъ здѣсь,
А ты... О рокъ! я мой разсудокъ трачу весь!...
А ты... какъ то свершить безъ трепета отъ злобы!...
Супругѣ ты моей и мнѣ готовишь гробы.

СЦИПІОНЪ.

Супругѣ! кто она?

МАССИНИССА.

Героевъ нашихъ дщерь;
Царица Цирты . . .

СЦИПІОНЪ.

Нѣтъ Царицы здѣсь теперь.
На тронѣ, Рима другъ, герой и побѣдитель,
И своего врага и нашего рушитель.

МАССИНИССА.

Но гдѣ сей Рима другъ? не вижу я его.

СЦИПІОНЪ.

Ты кто же?

МАССИНИССА.

Отлученъ отъ войска моего,
Гнушаюся собой я на моемъ престолѣ!

СЦИПІОНЪ.

То сдѣлано, чтобъ зрѣть тебя въ счастливой долѣ.

МАССИНИССА.

А ты мнѣ другъ?.... тиранъ!

СЦИПІОНЪ.

Такимъ теперь кажусь;
Но какъ въ твоихъ глазахъ тогда преображусь,
Когда отъ смертнаго ты пламени избавленъ,
Останешься герой и Царь навѣкъ прославленъ.
Твою надежду Римъ въ наградахъ превзошедъ,
Потщится удивить щедротой цѣлой свѣтъ,
И изтоща свою признательность дарами,
Онъ друга своего осыплетъ царствъ вѣнцами.
Какъ позавидуютъ Цари твоей судьбѣ,
Тогда скажи, тогда, что я тираннъ тебѣ.

МАССИНИССА.

А что мнѣ въ сихъ вѣнцахъ коль жизнь моя въ Царицѣ?
Слезами ль ихъ кропить стоная въ багряницѣ?

Величье вЪ горести лишЪ бремя для сердецЪ,
Жестокой СципіонЪ, возми и мой вѣнецЪ,
Возми и жизнь мою!... За кровь мою вЪ награду,
Хоть нѣсколько минутЪ вкусить мнѣ дай отраду,
Дочь Асдрубалову Царицей здѣсь узрѣть,
И скиптрЪ оставя ей спокойно умереть.

СЦИПІОНЪ.

Когда бы низкій духЪ, имѣя женски свойства,
Безчувственъ кЪ славѣ былЪ безсмертья и геройства;
И вЪ суетныхЪ красахЪ все счастье полагалЪ,
Я муки зря его сЪ презрѣньемЪ бы молчалЪ:
Но Массинисса! ты!

МАССИНИССА.

Ты варварЪ жесточайшій!...
Се славный СципіонЪ, се смертныхЪ другЪ кротчайшій,
И даже отЪ враговЪ имЪ сверженныхЪ любимЪ....
Несчастный! лишЪ одинЪ имЪ смертно я разимЪ!

СЦИПІОНЪ.

Имѣя кЪ лютости я сердце неприступно,
Скорбь друга чувствуя сЪ тобою плачу купно.

МАССИНИССА.

Ты плачешь; а вЪ твоемЪ намѣреньи ты твердЪ:
Плачь меньше СципіонЪ, будь больше милосердЪ.

СЦИПІОНЪ.

Притворства кинувЪ всѣ ненужны предЪ героемЪ,
Мы наши, какЪ друзья, сердца теперь откроемЪ.
Увидь мое, увидь, тебѣ извѣстенЪ я,
Стѣсненно бѣдствіемЪ супруги твоея.
Хоть не имѣла бы и дружба вЪ томЪ участья,
Я, тронутЪ горестью толь злѣйшаго несчастья,
ЧтобЪ осушить ея источникЪ горькихЪ слезЪ,
Всѣ пользы собственны на жертву бЪ ей принесЪ.

Когда жЪ отраду дать несчастнымЪ всѣмЪ способенЪ,
Чего бЪ для дружбы я содѣлать неудобенЪ.
Ты зная, какЪ тебя я искренно люблю,
Повѣрь, что равную твоей тоску терплю;
Но только сострадать, одно вЪ моей то волѣ.
Коль дружбѣ долженЪ я, я Риму долженЪ болѣ.
Ты вѣдаешь его отмщенія предѣлЪ;
Исполню слѣпо то, что РимЪ мнѣ повелѣлЪ.
Я стражду; но его священной волѣ внемля.

МАССИНИССА.

Жестокой! продолжай; рази меня обЪемля.
Стонай и плачь о мнѣ мою пронзая грудь.
Я вижу то, что мнѣ претитЪ тебя тронуть.
Несчастну посрамить какая польза Риму?
Питая гордость ты вЪ душѣ неукротиму,
Лишь только ты одинЪ неумолимЪ, свирѣпЪ,
Всѣ чувства потерявЪ, во тщетной славѣ слѣпЪ,
Алкаешь вознестись несчастіемЪ Царицы
И видѣть у своей влекому колесницы.
Не ради Рима лютЪ, для пышности одной,
Она единая твой РимЪ и идолЪ твой;
Все тратишь для нея, и даже добродѣтель;
Для ней одной моихЪ ты адскихЪ мукЪ содѣтель.

СЦИПІОНЪ.

Колико, глубину зря сердца моего,
ОтЪ бренностей ты сихЪ далека зрѣлЪ его.
Всѣ пышны почести, то черни удивленье,
И часто и вельможЪ ей равныхЪ обольщенье,
Отрада не моя. Хоть слава мнѣ мила,
Не почести, ее гласятЪ мои дѣла.
Священной должности я твердый исполнитель,
Для сей я должности и твой теперь мучитель.
Все вЪ жертву ей несу, и самаго тебя:
Коль должно ей отдамЪ на жертву и себя.
Любезный другЪ! тебѣ РимлянЪ извѣстны нравы.
Любовь кЪ отечеству, вотЪ ихЪ источникЪ славы.

Быть можетъ, я бы могъ гнѣвъ Рима оправдать,
Отъ коего теперь ты долженъ такъ страдать;
И вспомня бѣдствія всѣ Римскаго народа,
Терпимы долго имъ отъ Софонисбы рода,
И какъ мрачилася героевъ нашихъ честь,
Сказать бы могъ кротка сія отъ Рима месть.
Но лютые сіи доводы оставляю
И друга моего я горесть почитаю,
Не бременя его. . . .

МАССИНИССА.

Такъ нѣтъ надежды?

СЦИПІОНЪ.

Нѣтъ.

МАССИНИССА.

Толь лютой хладности на звѣрской сей отвѣтъ,
Указывая на свой мечъ.
Тираннъ! мнѣ должно бъ симъ орудіемъ смертельнымъ,
Содѣлати конецъ обидамъ безпредѣльнымъ,
Къ которымъ никогда мой духъ не привыкалъ,
Мнѣ должно бы за то, что тщетно я искалъ
Утѣшить скорбь мою, не мстящею рукою,
Но унижаяся прошеньемъ предъ тобою;
Мнѣ должно бы за то, что дружбой ослѣпленъ,
Служилъ врагу и имъ такъ подло уловленъ;
Мнѣ должно бы за кровь, за Сципіона литту
И въ горьки мнѣ часы безтрудно позабыту,
Отмщая, острый мечъ во грудь твою вонзить!...
Но не могу еще тебѣ подобенъ быть.
Хоть наши всѣ тобой разрушены союзы,
Еще я дружбы чту священнѣйшія узы.
Я время, вспомнить то кто я, тебѣ даю,
И въ сердцѣ заключа всю ярость я мою,
Я болѣ предъ тобой не изреку ни слова.
Когда твоя душа безчувственна, сурова,

Восхощетъ у меня съ Царицей все отнять,
Сквозь сердце ты мое къ ней долженъ доступать;
Сквозь сердце, симъ мечемъ опаснымъ вооруженно;
Вѣрь мнѣ; тогда ни что не будетъ мнѣ священно.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЦИПІОНЪ, ЛЕЛІЙ.

ЛЕЛІЙ.

Что правду я вѣщалъ, ты видишь Сципіонъ.

СЦИПІОНЪ.

Неколебимъ и твердъ въ своемъ несчастьи онъ.
Но не душѣ его, а страсти причитаю,
Что болѣе я въ немъ героя не срѣтаю.
Намъ должно отъ него Царицу удалить
И Риму въ немъ опять героя возвратить.
Хоть страстію теперь его весь духъ разстроенъ,
Вѣрь Лелій мнѣ, онъ быть Римляниномъ достоенъ.

ЛЕЛІЙ.

Уже способствуя желанью твоему,
Къ Царицѣ положилъ преграды я ему.
Подъ стражею моимъ стараньемъ заключенна,
Не будетъ зрима имъ.

СЦИПІОНЪ.

Какъ часть ея плачевна!

КОНЕЦЪ

Четвертаго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАССИНИССА, НАРЦЕСЪ.

МАССИНИССА.

Теперь уже всего властитель твой лишенъ!
Толпою Римляней безчестно окруженъ,
Отвсюда ими я стѣсненъ, обезоруженъ....
А свѣтъ оставленъ мнѣ! что въ немъ! мнѣ свѣтъ не нуженъ.
Возмите, варвары! возмите жизнь мою!...
Напрасно въ горести къ Царицѣ вопію.
Разлучена со мной, она того не знаетъ,
Какимъ отчаяньемъ ея супругъ страдаетъ;
И, можетъ быть, о рокъ! подъ тягостью оковъ,
Винитъ меня, въ сей часъ виной моихъ враговъ.

НАРЦЕСЪ.

Чтобъ тронъ твой сохранить превознесись надъ страстью.

МАССИНИССА.

Чтобъ я, согласенъ ставъ Царицы съ горькой частью,
Лютѣйшій врагъ себѣ, корыстью ослѣпленъ,
То продалъ бы за тронъ, чѣмъ духъ мой оживленъ;
И подлость бы явилъ всему земному кругу,
Рабою Риму давъ Царицу и супругу.
Возвысить можетъ ли тронъ славу дней моихъ:
Увѣнчанъ лаврами я выше троновъ сихъ.

Хоть воинъ безъ меча, хоть Царь теперь безъ войска,
Но тажъ еще во мнѣ и днесь душа геройска.
Ступай ты къ Консулу: скажи, что я въ сей часъ,
Хочу узрѣть его уже въ послѣдній разъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

МАССИНИССА *одинъ.*

Для избѣжанія отъ лютой Рима злобы,
Теперь надежда намъ едины только гробы.
О смерть! убѣжище въ отчаяньи одно,
Которо отъ боговъ несчастливымъ дано,
Едина только ты отъ гнусностей избавишь
И честь мою, и честь супруги ты возставишь....
Но какъ тотъ страшенъ часъ, въ который долженъ я,
Спряженной съ ужасомъ злой части моея,
За то, что ею я любимъ толь страстно, нѣжно,
Сказать: умри! умреть должна ты неизбѣжно!...
Душа души моей! за твой безсмертный жаръ
Для сердца твоего, се отъ супруга даръ!

Вынимаетъ сокрытый кинжалъ.

Отъ трона, отъ любви чѣмъ духъ нашъ утѣшался,
Одно сокровище намъ сей кинжалъ остался.
И чтобъ, бѣжа стыда, пронзить себѣ намъ грудь,
Мнѣ должно было днесь тиранновъ обмануть,
Сокрывъ намѣренье, отъ алчуща ихъ взора
Видѣньемъ нашего насытиться позора.

Увидя Сципіона, скрываетъ кинжалъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

СЦИПІОНЪ, МАССИНИССА.

МАССИНИССА.

Почто смущаешься, взирая на меня?
Не для того тебя я звалъ, что бы виня

Жестокости твои невольны, принужденны,
Безплодно жалобы творить отриновенны.
Вѣрь мнѣ, не для того.... я дружествомъ твоимъ
Ко славѣ обращенъ.... доволенъ будетъ Римъ!
Доволенъ Сципіонъ! души моей зря крѣпость....
Я даже превзойду и Римляней свирѣпость.
Ты востренещешь самъ.... На все согласенъ я....
Согласенъ!

СЦИПІОНЪ.

Отъ чего жъ трепещетъ грудь твоя?
Согласенъ ты на все, а скрытно ты рыдаешь.
Смерть вижу на лицѣ и слезы ты снѣдаешь.

МАССИНИССА.

То человѣчества остатокъ.... извини.

СЦИПІОНЪ.

Не крой ты слезъ твоихъ и предо мной стени.
Дерзаешь оскорблять тѣмъ сердце Сципіона,
Коль думаешь, что онъ далекъ отъ слезъ и стона;
Что человѣчества дражайшихъ знаковъ сихъ,
Не можетъ показать онъ въ чувствіяхъ своихъ.
Навѣки истребись то сердце люто, звѣрско,
Противно небесамъ и человѣкамъ мерзко,
Какъ камень твердое несчастливыхъ къ бѣдамъ.
Ты слезы примѣшай твои къ моимъ слезамъ,
На лоно дружества сложи печали бремя.

МАССИНИССА.

Когда рѣшился я, лить слезы ужъ не время:
Не слезы нужны мнѣ.... лишаяся всего,
Прошу единаго отъ друга моего.

СЦИПІОНЪ.

Вѣщай, и все тебѣ исполню въ угожденье.

МАССИНИССА.

Жестокой горести моей во услажденье,
Узрѣть Царицу мнѣ позволь въ послѣдній разъ;
Позволь почерпнуть жизнь мнѣ изъ прекрасныхъ глазъ.
Мнѣ жизни безъ того не станетъ съ ней въ разлуки.
Узря ее, мои я кончу смертны муки.

СЦИПІОНЪ.

Тѣмъ горесть болѣе умножится твоя.

МАССИНИССА.

Увидясь съ ней, клянусь, спокоинъ буду я.
Клянуся и ее свиданьемъ успокоить.
То Рима можетъ ли желаніе разстроить?
И жертву у него могу ли я отъять?
Обезоруженну что можно предпріять?
Хоть смертію бъ хотѣлъ безчестія избавить,
Кто можетъ смерти мнѣ орудіе доставить?
Твоимъ стараніемъ всего мы лишены;
И къ гробу намъ пути вездѣ заграждены....
Иль дружбы моея толь малы суть успѣхи,
Что ты откажешь мнѣ и въ горькой сей утѣхи?

СЦИПІОНЪ.

Увидишь ту, тебѣ котора толь мила;
Котору къ бѣдствіямъ судьба произвела.
Но въ лютые часы, толь горестной разлуки,
Владѣя самъ собой, умѣрь сердечны муки;
И помни то, что ты прославленный герой;
Что Царь; что сей странѣ ты долженъ самъ собой;
Что другъ ты мнѣ; что Римъ десницу простираетъ,
Которая твой трокъ до облакъ возвышаетъ;
И что побѣды лавръ хоть славно пріобресть,
Умѣть его хранить стократъ славнѣе честь.

МАССИНИССА.

Для сей-то чести, я, душѣ моей жестокой,
Свиданья требую въ моей тоскѣ глубокой.

Но чтобЪ свидѣтелей присутство ни какихЪ,
Не возмутило бы прощаній здѣсь моихЪ.
Утѣшь ты тѣмЪ мою тоску неутолиму;
ПотомЪ приди, влеки твою ты жертву Риму.

СЦИПІОНЪ.

Желанье будетЪ все твое совершено.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАССИНИССА *одинЪ.*

А сердце кровію твое насыщено.
Упейтесь ею вы тиранны люты, дики,
Безчувственностію единою велики.
УмремЪ!.... и чѣмЪ себя на свѣтѣ утѣшать?
Всего лишенЪ, чѣмЪ могЪ я жизнь мою питать,
ПодЪ игомЪ уклоненЪ, величія вЪ уронѣ,
ТиранновЪ гнусный рабЪ, иль ввѣкЪ рыдать на тронѣ?
ВЪ уныньи, вЪ робости, чтя Рима горду власть,
Снѣдая горести, благословлять злу часть?
Мнѣ жить? мнѣ возводить на грозно небо взоры,
Творя безплодныя, невнемлемы укоры?
Мнѣ жить; неся ничѣмЪ неизцѣлимЪ ударЪ?
О боги лютые! коль жизнь моя вашЪ дарЪ,
Возмите вы его, я имЪ себя терзаю;
Я сей несносный дарЪ вамЪ нынѣ возвращаю.
Возмите вы его... пусть Римляне живутЪ;
ВЪ злодѣйствахЪ счастливы, пускай несчастныхЪ рвутЪ,
Которые равно животнымЪ укрощеннымЪ,
ИмЪ выю преклоня, ярмо ихЪ чтутЪ священнымЪ.
Пусть Римляне живутЪ; кровавый ставя пирЪ,
ОтЪемлютЪ вашу власть ввергая вЪ узы мірЪ;
А я души на то склонити не умѣю,
ЧтобЪ гнусну жизнь влачить, покорствуя злодѣю.

ЯВЛЕНІЕ V.

СОФОНИСБА, МАССИНИССА.

СОФОНИСБА.

Изъ заключенія воззванна я тобой,
Что мнѣ ты повелишь супругъ, властитель мой?

МАССИНИССА *въ сторону.*

Чего, о рокъ! чего ты въ ней меня лишаешь!

СОФОНИСБА.

Почто же отъ меня ты взгляды отвращаешь?
Дражайши свѣта мнѣ ты очи обрати
И жизнь увядшую хоть взоромъ подкрѣпи.
Отчаянье мнѣ въ грудь ужъ смерти хладъ вливало,
Но сердце, жизнью, зря тебя, вострепетало,
И возвратило свѣтъ несносный безъ тебя.

МАССИНИССА *съ смятеніемъ указывая на тронъ.*

Царица! се твой тронъ. . . .

СОФОНИСБА.

Престолъ сей погубя,
Была бы счастлива я въ бѣдности, въ пустынѣ,
И выше всѣхъ Царицъ тобой однимъ.

МАССИНИССА.

Но нынѣ. . .
Могу ли я свершить!.... трепещущій мой гласъ
Не можетъ изъяснить.... о часъ! о страшный часъ!

СОФОНИСБА.

Съ тобою я, а часъ сей страшнымъ называешь.
Какъ нѣжно я тобой, не такъ ты мной пылаешь.
Хотя бы я должна въ сей часъ и умереть,
О чемъ стонать, когда могу тебя я зрѣть....
Изъ глазъ твоихъ текутъ невольно слезъ потоки!

МАССИНИССА.

За что, о небеса! вы столько мнѣ жестоки?

СОФОНИСБА.

Мнѣ должно умереть?

МАССИНИССА.

Ты то сама рекла,
Чего душа моя открыти не могла.
Судьбою вержены мы лютыхъ Римлянъ въ узы;
Межь нами рушены навѣки тѣ союзы,
Безъ коихъ мнѣ и смерть, не только не горька;
Но даръ небесъ драгой пріятна и сладка.
Свершилось все, увы! оставлены богами
И Римской гордости попранные ногами,
Спасенье отъ стыда у насъ въ рукахъ теперь.
Сносить ли намъ позоръ, героевъ нашихъ дщерь?
Преграды ль положа судьбы и Рима злобѣ,
Сыскать отъ варварства пристанище во гробѣ?

СОФОНИСБА.

Такъ мало можешь ли супругу почитать;
И хоть единый мигъ въ сомнѣньи пребывать,
Чтобы оковы зря, она въ стыдѣ спокойна,
Могла бы твоего быть сердца недостойна.
Чтобы лишаяся она навѣкъ тебя,
Хотѣла жить мрача супруга и себя.
Противъ тиранновъ зря твое изнеможенье,
Я съ прозьбой шла къ тебѣ отвергнуть униженье,
Дражайшею рукой отъявъ сей свѣтъ отъ глазъ,
Являющъ мнѣ тебя уже въ послѣдній разъ.
До ужаса бъ сего тебя не допустила,
И люту жизнь мою сама бы прекратила;
Но способовъ и сихъ, несчастна! лишена.

МАССИНИССА.

Коль наша до того судьба доведена,
Что намъ завидуютъ и въ горькой сей отрадѣ;

Тиранновъ обмануть умѣлъ я къ ихъ досадѣ.

Вынимаетъ кинжалъ.

Се люто остріе, но люто меньше ихъ;
Оно препона имъ въ намѣреніяхъ злыхъ.
Оно отворитъ намъ убѣжище спокойно,
Злодѣйства хищнаго гоненье недостойно
Не можетъ гдѣ до насъ достигнути вовѣкъ:
Гдѣ Римлянинъ не богъ, такойже человѣкъ.
Гдѣ скипетры, вѣнцы, та гордости утѣха,
Во прахѣ смѣшенны, безъ славы, безъ успѣха;
Подъ игомъ тяжкимъ гдѣ невинность не стенетъ.
Гдѣ всѣ равны коль есть, гдѣ всѣ ничто коль нѣтъ....
Прими изъ рукъ моихъ бѣдъ нашихъ окончанье....

Отдаетъ ей кинжалъ.

Коль любишь ты меня, прерви мое страданье,
И прежде поразя мою стѣсненну грудь,
Моею смертію начни нашъ къ гробу путь.
Да провожденъ твоей любезною рукою,
Ко мрачной тишинѣ, къ желанному покою,
Кончины твоея всего ужаснѣй видъ,
Мнѣ сердца нѣжнаго предъ смертью не пронзитъ;
Да не узрю очей дражайшихъ помраченья,
Ужъ отъ единаго я мучусь вображенья.
И содрогаюся я то все мысля зрѣть;
Избавь меня отъ мукъ два раза умереть.

СОФОНИСБА.

А любишь ты меня? а мнѣ повелѣваешь
Свершити лютости, которыхъ не дерзаешь....
Когда бъ безсмертіе боговъ имѣя въ даръ,
Питала бъ я къ тебѣ какъ днесь подобный жаръ,
Чтобъ страшна смерть твоя меня не огорчила,
Безсмертіе презрѣвъ его бы уступила
И счастливой себя считала бъ умереть....
Вѣрь мнѣ, не буду я твоей кончины зрѣть....
Се нашъ престолъ!... на немъ кинжалъ въ моей лишь власти.
Да будетъ скипетромъ онъ мнѣ въ моей напасти.

Я только имъ однимъ повелѣвать могу.
Я имъ Царицы честь на тронѣ собрегу.
Имъ отвратилъ мою смертельную обиду,
Съ престола прямо я въ гробницу темну сниду.
Прости,

МАССИНИССА.

Куда спѣшишь?

СОФОНИСБА.

На тронѣ смерть вкусить.

МАССИНИССА.

Помедли.

СОФОНИСБА.

Ты герой! тебѣ ль о томъ просить,
Чтобъ удаляя гробъ, къ напасти приближаться,
Въ оковахъ Рима мнѣ безчестно жить остаться.
Въ минуту, можетъ быть, предстанетъ Сципіонъ,
И въ рабство повлечетъ твою супругу онъ.

МАССИНИССА.

Я трепещу. Ступай.... постой еще минуту.
О жизнь моей души! зри муку страшну, люту.

СОФОНИСБА.

Она окончится и все тотчасъ минетъ,
Лишь только лютый сей въ глазахъ померкнетъ свѣтъ.

МАССИНИССА.

Въ сей день, въ сей самый день великъ, побѣдоносенъ,
Я могъ ли вображать, что самъ себѣ несносенъ.
О ты единое мнѣ счастье на землѣ,
Я долженъ на твоемъ зрѣть смерти тѣнь челѣ!
Что, сопряженъ съ тобой нѣжнѣйшею любовью,
Я тронъ мой обагрю твоей дражайшей кровью.

СОФОНИСБА.

Почто любовь сію на память призывать,
И душу ослаблять, коль должно умирать.
Прости въ послѣдній разъ!

МАССИНИССА.

О слово преужасно!

СОФОНИСБА.

Воспомни мой супругъ, медлѣніе опасно.
Софонисба съ поспѣшностію восходитъ на тронъ, и закрывается завѣсами.

МАССИНИССА *спѣша за нею.*

Постой! могу ли я твой смертный стонъ снести!
Мнѣ прежде умереть! *открываетъ завѣсы.* Что вижу я!

СОФОНИСБА *умирающимъ голосомъ.*

Прости.
Свѣтъ меркнетъ.... мой супругъ!... простри твою мнѣ руку.

МАССИНИССА.

Ужъ нѣтъ ее!... *бросается къ ея ногамъ.* Прерви мою несносну муку!
Чтобъ усладить мнѣ смерть, хоть разъ еще взгляни!
И пожалѣвъ о мнѣ, хоть разъ ты воздохни!...
Царица?... нѣтъ ее!... Супруга?... все свершилось!
И сердце ужъ ея біенія лишилось,
Которымъ дней моихъ считалися часы.
Померкли тѣнію смертельною красы;
А съ ними радости мои и свѣтъ небесной!
Закрыты очи тѣ, гдѣ пламень толь прелестной,
Огнь жизни моея мнѣ въ сердцѣ возжигалъ.
Мой тронъ, мой духъ, весь міръ въ небытіе упалъ,

Ужасенъ самъ себѣ, себя я ненавижу;
А я еще, а я свѣтъ слабый солнца вижу:
Межъ лютой жизнію и смертію борюсь.
Дражайша кровь течетъ, а я лишь только рвусь!
Окончимъ смерть, меня котора пожираетъ.
Умремъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

СЦИПІОНЪ, ЛЕЛІЙ, МАССИНИССА.

СЦИПІОНЪ *къ Массиниссѣ.*

Мой духъ меня ко другу привлекаетъ.
Прости, что устрашась въ прощаньи мукъ твоихъ,
Чтобы тебя спасти, пришелъ нарушить ихъ,
Спѣша утѣху дать. . . .

МАССИНИССА.

Поди, твой другъ утѣшенъ.

СЦИПІОНЪ.

Что къ славѣ мой совѣтъ не будетъ безуспѣшенъ.
Того я ожидалъ, и зналъ, что ты герой,
Что превзошедъ себя и властвуя собой
Достоинъ будешь ты Римляниномъ назваться,
Что съ нами духомъ ты возможешь уравняться.

МАССИНИССА.

Сравнялся съ вами я! достойный васъ злодѣй!

ЛЕЛІЙ.

Считаешь лютостью то въ слабости твоей,
Что съ Римомъ днесь тебя навѣки сопрягаетъ;
Что грозною его рукою ограждаетъ
Воздвигнутъ имъ твой тронъ.

МАССИНИССА.

Мнѣ страшенъ сей престолъ!

СЦИПІОНЪ.

Но гдѣ жъ несчастная?

МАССИНИССА.

Она отъ всякихъ золъ
Свободна, Рима узъ не можетъ устрашаться;
Отъ звѣрства вашего не станетъ содрогаться.
Коль боги есть; она на небо возлетѣвъ
Съ презрѣньемъ зритъ теперь безплодный Рима гнѣвъ.
Избѣгнувъ вашего свирѣпства недостойна, *При семъ словѣ разкрывая со всѣмъ завѣсы трона, показываетъ мертвую Софонисбу.*
Увидьте какъ она блаженна и спокойна.
Увидьте вы сіи кровавые ручьи,
И нестерпимы зря страданія мои,
Насытьте ваши вы сердца толь крови жадны
И восхищайтесь зря красы безъ чувствій, хладны,
Которы не могли васъ варвары тронуть.

СЦИПІОНЪ.

Что сдѣлалъ ты?

МАССИНИССА.

Не я, ей вы пронзили грудь.
Вы вашею рукой тѣ прелести затмили,
Которы небеса на то производили,
Чтобъ смертнымъ на землѣ свой образъ предъявить;
А вы могли то все въ ничто преобратить!
А вы!... а громомъ васъ не поражаютъ боги,
И не падутъ на васъ обрушася чертоги,

Гдѣ вы злодѣйствіе неслыханно сверша,
Скверните воздухъ сей, симъ воздухомъ дыша!....
О Римъ! прими мои послѣдніе обѣты:
Да всѣ Цари, твоей жестокости предметы,
Униженны тобой, почувствовавъ себя,
Совокупя свой громъ, низринутъ на тебя!
Съ Востока, съ Запада возставшіе народы,
Со пламенемъ, съ мечемъ, ища своей свободы,
Да съединятся всѣ тебя разрушить въ прахъ!
Да гордость вся твоя преобращенна въ страхъ,
Предъ коей олтари вселенныя курятся,
Униженна у ногъ гнуснѣйшихъ пресмыкаться,
Увидитъ въ рабствѣ всѣхъ твоихъ надменныхъ чадъ!
Да истребится твой мучителей Сенатъ!
Да Капитолія и всѣ твои вертепы,
Изчезнутъ и падутъ во адовы заклепы!
Поросшій терніемъ и прахомъ покровенъ,
Изъ смертныхъ памяти да будешь изтребленъ!
Вотъ все чего тебѣ желая предвѣщаю;
И съ симъ предвѣстіемъ спокоинъ умираю.

Закалается.

ЛЕЛІЙ.

За дерзки толь слова достоинъ умереть.
Кто Риму хощетъ золъ, не стоитъ солнце зрѣть.

СЦИПІОНЪ.

Кто смерти не страшась страшится униженья,
Достоинъ Римскихъ слезъ, достоинъ тотъ почтенья.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ,

и

Второй части.